

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФЦ77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina
(editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

<i>Антонова Н.А.</i> Конституционно-правовые принципы семейных отношений и их защита Конституционным Судом Российской Федерации.....	9
<i>Баранов И.В.</i> Использование русского языка в семье: между личной свободой и государственной политикой.....	18
<i>Булаевский Б.А.</i> Оспаривание отцовства субъектами наследственных прав	26
<i>Васильчук Ю.В.</i> Учет вида разрешенного использования и градостроительных регламентов при реальном разделе земельного участка и иных объектов недвижимости, находящихся в общей собственности супругов.....	32
<i>Гринева А.В.</i> Правовой статус родителей в эпоху новых репродуктивных технологий: на пути к преднамеренному (осознанному) родительству	43
<i>Громоздина М.В.</i> Ограничения на выезд ребенка за пределы Российской Федерации: старый вопрос – новые проблемы	55
<i>Дронова Ю.А.</i> Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера в отношении транспортных средств, находящихся в совместной собственности супругов: социально-политическая целесообразность vs ответственность без вины.....	62
<i>Жукова О.В.</i> Обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних при отмене усыновления	68
<i>Иванова М.С.</i> Проблемные вопросы признания обязательства общим долгом супругов.....	79
<i>Калашиникова А.С.</i> Трансформация понятия «интересы ребенка»: правовой и психологический аспекты	86
<i>Карпенюк О.С.</i> Правовые риски распространения персональных данных ребенка в Интернете.....	95
<i>Касаткина А.Ю.</i> Современная семья: вызовы для Семейного Кодекса Российской Федерации	102
<i>Комиссарова Е.Г.</i> Концепция развития семейного законодательства: какой ей быть?	110
<i>Короткевич М.П.</i> Договорное регулирование семейных отношений в контексте укрепления духовно-нравственных ценностей и формирования ценностных ориентиров участников семейных отношений	121

Кузнецова О.А.

Романтические отношения с системой искусственного интеллекта: этические и семейно-правовые вопросы 134

Летова Н.В.

Семейные отношения в условиях современности: состояние и перспективы 145

Максимович Л.Б.

Заметки на полях главы 11 Семейного кодекса Российской Федерации 153

Микрюков В.А., Микрюкова Г.А.

Правовой режим вещей индивидуального пользования в составе имущества супругов 161

Рабец А.М.

Проблемы субсидиарного применения гражданского законодательства к семейным отношениям 170

Столярова З.Н.

О фиктивных браках в сфере миграции 181

Тагаева С.Н.

Оговорка о публичном порядке в семейных правоотношениях 186

Тарусина Н.Н.

О некоторых аспектах долженствования в семейно-правовой сфере 193

Татаринцева Е.А.

К вопросу об исполнении родительской обязанности заботиться о здоровье своего ребенка 202

Темникова Н.А.

Фиктивность браков в современных реалиях 209

Яковлева Н.Г.

Участие законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего в ходе производства по уголовному делу 215

Якушев П.А.

Право на информацию о своем происхождении как семейно-правовая ценность 221

Трибуна молодого ученого

Беляев Р.К.

Концептуальный анализ оснований лишения родительских прав: от множественности оснований к единому критерию неисполнения обязанностей 227

Воронин А.В.

Позиционирование цифрового аватара личности в конституционном праве (на примере «цифрового супруга»): действительность и перспективы 234

Дроздов П.П.

Криоконсервированный эмбрион как объект общей совместной собственности: проблемы распоряжения при отсутствии согласия одного из потенциальных родителей 241

CONTENT

Topical issues of private law

<i>Antonova N.</i> Constitutional and legal principles of family relations and their protection by the Constitutional Court of the Russian Federation	9
<i>Baranov I.</i> The use of russian in the family: between personal freedom and state policy	18
<i>Bulaevskiy B.</i> Contesting paternity by subjects of inheritance rights	26
<i>Vasilchuk Yu.</i> Considering the permitted use and urban development regulations in the actual division of a land plot and other real estate in the joint ownership of spouses	32
<i>Grineva A.</i> The legal status of parents in the era of new reproductive technologies: towards intentional parenthood.....	43
<i>Gromozdina M.</i> Restrictions on a child's departure from the Russian Federation: recurring issues and emerging challenges.....	55
<i>Dronova Yu.</i> Confiscation of property as a criminal measure in relation to vehicles jointly owned by spouses: socio-political expediency vs no-fault liability	62
<i>Zhukova O.</i> Ensuring priority protection of rights and interests minors in case of cancellation of adoption	68
<i>Ivanova M.</i> Problematic issues of recognizing the common duty of spouses	79
<i>Kalashnikova A.</i> Transformation of the concept of "child's interests": legal and psychological aspects	86
<i>Karpenyuk O.</i> Legal risks of dissemination of a child's personal data on the Internet.....	95
<i>Kasatkina A.</i> The modern family: challenges for the Family code of the Russian Federation....	102
<i>Komissarova E.</i> The concept of family law development: what should she be like?	110
<i>Korotkevich M.</i> Contractual regulation of family relations in the context of strengthening moral and spiritual values and the development of values for family members.....	121
<i>Kuznetsova O.</i> Romantic relationships with an artificial intelligence system: ethical and family law issues	134
<i>Letova N.</i> Family relations in modern times: status and prospects	145
<i>Maksimovich L.</i> Notes in the margins of chapter 11 of the Family Code of the Russian Federation	153
<i>Mikryukov V., Mikryukova G.</i>	

The legal regime of individual use items as part of the spouses' property	161
<i>Rabets A.</i>	
Problems of subsidiary application of civil legislation to family relations	170
<i>Stolyarova Z.</i>	
About fictitious marriages in the field of migration	181
<i>Tagaeva S.</i>	
Public policy clause in family legal relations	186
<i>Tarusina N.</i>	
On some aspects of obligation in family law	193
<i>Tatarintseva E.</i>	
On the issue of exercising parental responsibility to care for the health of their child	202
<i>Temnikova N.</i>	
Fictitious marriages in current realities	209
<i>Yakovleva N.</i>	
Participation of the legal representative of a minor victim in criminal proceedings	215
<i>Yakushev P.</i>	
The right to information about one's origin as a family and legal value	221

Tribune of young scientist

<i>Belyaev R.</i>	
A conceptual analysis of grounds for termination of parental rights: from multiple grounds to a single criterion for failure to fulfill responsibilities	227
<i>Voronin A.</i>	
Positioning the digital avatar of personality in constitutional law (using the example of the «digital spouse»): reality and prospects	234
<i>Drozдов P.</i>	
A cryopreserved embryo as an object of common joint ownership: disposal problems in the absence of the consent of one of the potential parents	241

Актуальные вопросы частного права

Семейный кодекс Российской Федерации, тридцатилетие со дня вступления в силу которого мы отмечаем 1 марта 2026 г., является самым уникальным. И не только потому, что вниманию читателей данного выпуска журнала предложены научные статьи, посвященные различным вопросам правового регулирования семейных отношений.

Во-первых, нормы семейного законодательства присутствуют в жизни каждого из нас и окружающих нас людей, при этом не имеют значения возраст и социальное, имущественное положение, профессиональный и общественный статус. Каждый гражданин в течение всей своей жизни практически ежедневно осуществляет свои семейные права и обязанности, не задумываясь в большинстве случаев об особом формате тех или иных правил. Нормы морали и нравственности, традиции и обычаи, иные социальные регуляторы гармоничны с нормами семейного законодательства, что зачастую не позволяет идентифицировать правовые предписания.

Во-вторых, признание традиционных семейных ценностей на конституционном уровне придало совершенно иное звучание нормам семейного и иного отраслевого законодательства, определяющим особое положение членов семьи, дополнительные гарантии обеспечения семейных прав и интересов граждан. Согласимся, в течение нескольких последних лет авторитет семьи получил новое социально-правовое наполнение, а семейно-правовой статус гражданина – новое звучание. Существенные изменения в нормах Семейного кодекса РФ, иных федеральных законов усилили публично-правовые акценты в механизме семейно-правового регулирования, обозначив публичный интерес, в частности, в регламентации семейных отношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства.

В-третьих, тридцатилетний опыт применения «экзотических» для периода подготовки Семейного кодекса понятий суррогатного материнства, брачного договора и некоторых других позволил не только исследовать и дать научное обоснование соответствующим проблемным вопросам, но и определить тенденции формирования судебной практики, выявить сложные вопросы толкования положений гражданского и семейного законодательства при рассмотрении имущественных споров между супругами и (или) с их участием. Стремительное развитие биомедицины, вспомогательных репродуктивных технологий потребовало также комплексного изучения соответствующей проблематики с позиции содержания норм гражданского, семейного и так называемого медицинского законодательства с целью формирования конструкции договора о суррогатном материнстве, защиты прав заказчиков и потенциальных родителей, охраны и защиты интересов детей.

В-четвертых, соответствующий этап ознаменовался и усилением внимания Пленума Верховного Суда Российской Федерации к спорам,

затрагивающим семейные права и интересы граждан. Вопросы применения законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака, об усыновлении (дважды!), об установлении происхождения детей, о воспитании детей и осуществлении родительских прав и обязанностей, о взыскании алиментов, а также о применении мер административной и уголовной ответственности при неисполнении обязанности по содержанию членов семьи – эти и другие вопросы нашли отражение в постановлениях Пленума ВС РФ. Безусловно, разъяснение Пленумом ВС РФ отдельных норм материального и процессуального законодательства, подлежащих применению при рассмотрению судами споров, возникающих из семейных правоотношений, свидетельствует не только о социальной значимости дел данной категории, но и о сложности их рассмотрения. Нельзя не отметить и практику ВС РФ по конкретным делам, поскольку соответствующие определения зачастую демонстрируют кардинально новые взгляды на сложившиеся стереотипы, провоцируют тем самым развитие научной дискуссии и формирование иного правопонимания.

В-пятых, за обозначенный период Конституционный Суд РФ неоднократно рассматривал жалобы граждан, связанные с возможной неконституционностью положений действующего законодательства, регламентирующего отношения в сфере осуществления семейных прав. Примечательно, но именно в данной сфере позиция Конституционного Суда РФ стала в последующем основанием для внесения изменений в ряд федеральных законов, что также стало своеобразным вектором в развитии семейного законодательства и правоприменительной практики.

Заметим, что представители науки семейного права весьма активны, корректны и в то же время категоричны в рассуждениях и выводах, оценивая новшества законодателя и правоприменителя уже в период действия Семейного кодекса РФ: постмортальная репродукция, лишение не всех, а одного из прав родителя, компенсация морального вреда ребенку, который еще не родился на момент причинения вреда ..., перечень удивительных и пикантных фактов в истории отечественного семейного законодательства и права, науки семейного права может быть продолжен и, очевидно, будет продолжен.

Примером стремления ученых (заметим – представителей и других направлений юриспруденции, иных общественных наук) выявить и обосновать столь неожиданные и яркие акценты установления и применения правового формата семейных отношений является постоянной растущий интерес к семейно-правовой проблематике, что подтверждает и программа научно-практической конференции (с международным участием) «Семейный кодекс Российской Федерации – ожидания, действительность и перспективы» (г. Тверь, 27–28 февраля 2026 года), и материалы настоящего выпуска научного журнала.

Заслуженный юрист РФ,
д-р юрид. наук, профессор О.Ю. Ильина

Конституционно-правовые принципы семейных отношений и их защита Конституционным Судом Российской Федерации

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Основные принципы взаимоотношения семьи и государства определяются Конституцией Российской Федерации, где в ст. 7 государство признается социальным. Важность вопросов охраны семейных ценностей, защиты семьи проявилась и в тех изменениях, которые были внесены в Конституцию РФ в 2020 г. Основная цель таких изменений заключается в определении направлений деятельности государства по улучшению условий жизни семей и молодого поколения, обеспечению возможностей для гармоничного развития ребенка. Гарантии этих ценностей поддерживаются соответствующим правовым регулированием, судебной защитой, а также силами конституционного правосудия. В работе рассматривается роль Конституционного Суда РФ в защите семьи, ее традиционных ценностей, имущественных прав членов семьи.

***Ключевые слова:** семья, семейные ценности, Конституционный Суд, конституционное правосудие.*

Семейное законодательство, как и всякое другое отраслевое законодательство, основано на конституционных принципах. Российская Федерация в своем основном законе определяет фундаментальные начала организации государства и общества. Немаловажное значение среди них занимают и положения, определяющее отношение государства к семье, браку, защите семейных ценностей, охране прав отдельных членов семьи.

Основополагающие принципы взаимоотношения семьи и государства определяются Конституцией Российской Федерации, где в ст. 7 наше государство признается социальным, т. е. политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1].

Развитие данный принцип конституционного строя получает в ст. 38, закрепляющей: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях». Данные положения свидетельствуют о значимости семьи, ее роли в российском обществе, о заинтересованности государства в ее поддержке, сохранении и качественном развитии.

Важность вопросов охраны семейных ценностей, защиты семьи проявилась и в тех изменениях, которые были внесены в Конституцию

РФ в 2020 г. Основная цель таких изменений заключается в определении направлений деятельности государства по улучшению условий жизни семей и молодого поколения, обеспечению возможностей для гармоничного развития ребенка, увеличению мер поддержки повышения рождаемости.

Отдельной темой можно назвать стремление государства к поддержанию традиционных семейных ценностей: на конституционный уровень были подняты положения о том, что брак – это союз мужчины и женщины, что дети должны воспитываться на принципах уважения к старшим, наконец, что основой семейных отношений является доверие и забота нескольких поколений семьи друг о друге.

Цель этой поправки, как правильно отмечает В.В. Гошуляк, состоит в том, чтобы, подняв на конституционный уровень защиту традиционных семейных ценностей, обеспечить тем самым комплексную систему защиты семьи, привлекая к этому процессу все уровни публичной власти, закрепив соответствующие гарантии в федеральном и региональном законодательстве [12, с. 33].

В итоге современный конституционный акт РФ закрепляет фундаментальные основы, важные для каждого человека: поддержку его детей, защиту семьи, сохранение традиций.

Тем не менее в научной литературе справедливо отмечается, что конституционно-правовой статус российской семьи характеризуется и рядом проблем, таких как: создание механизма материальной ответственности родителей, лишенных родительских прав; решение жилищных проблем, возникающих в условиях распада семьи, вопросов алиментных обязательств, защиты членов семьи при осуществлении различных полномочий органов государственной власти и местного самоуправления и др. Эти проблемные вопросы нуждаются в решении с целью развития института семьи в рамках определенных Конституцией РФ принципов [11, с. 3].

Решение данных проблем возможно как путем ликвидации имеющихся дефектов законодательства, в том числе с помощью антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, так и через обобщение и анализ правоприменительной практики.

Говоря о совершенствовании семейного законодательства Российской Федерации, следует обратить внимание на правовые позиции Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), которые занимают особое место в определении реализации конституционных принципов семейных отношений. Обратимся к некоторым показательным делам, рассмотренным КС РФ за последние десять лет в их хронологической последовательности.

Следует отметить, что вопросы семейных отношений, поднимаемые в постановлениях КС РФ, связаны с важнейшими интересами членов семьи, и могут быть порождены как несоответствием нормативных актов

или их отдельных положений, регулирующих семейные отношения, Конституции РФ, так и дефектами правоприменения. Показательным в этом плане может быть Постановление КС РФ от 16.06.2015 г. № 15-П [8], возникшее в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной. Указанные граждане хотели получить доступ к архивным документам об усыновлении их родственника, но получили отказ, со ссылкой на ст. 139 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) и ст. 47 Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», которые защищают тайну усыновления. Суд рассмотрел, соответствует ли эта защита тайны усыновления Конституции РФ, и постановил, что сами по себе эти нормы Конституции не противоречат, поскольку направлены на защиту прав и интересов всех сторон – усыновителей и усыновленных. Однако суд отметил, что нельзя полностью исключать возможность получения информации об усыновлении потомками усыновленного после его смерти и смерти усыновителей, если это необходимо для реализации их права знать свое происхождение. Постановление указывает, что суды должны рассматривать каждый случай индивидуально, соблюдая баланс между правом на приватность и правом на информацию. Оно также подчеркивает важность защиты института семьи и прав детей. Таким образом, данное Постановление Конституционного Суда было направлено на формирование определенной судебной практики по вопросам усыновления и сохранения тайны такого усыновления. КС РФ разрешил в исключительных случаях раскрывать тайну усыновления в интересах потомков.

Об этом же направлении деятельности Конституционного Суда свидетельствует и его Постановление от 31.01.2014 г. № 1-П по делу о проверке конституционности абзаца десятого п. 1 ст. 127 СК РФ [10]. Суть спора – соответствие Конституции РФ нормы, запрещающей лицам с судимостью или уголовным преследованием становиться усыновителями. Конституционный Суд РФ признал эту норму частично соответствующей, частично – нет. Так, судьи КС РФ посчитали, что запрет остается в силе для лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также за преступления против половой неприкосновенности. Однако для остальных случаев суд теперь обязан рассматривать каждую ситуацию индивидуально, оценивая риск для ребенка и учитывая обстоятельства, такие как срок давности преступления и поведение лица после его совершения. Цель – защита прав и интересов ребенка, но без автоматического и безоговорочного запрета.

По словам Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, такая важнейшая цель конституционного правосудия, как защита социальных прав человека и гражданина, в своей основе содержит принцип обеспечения справедливости [13]. Приведенные примеры ярко свидетельствуют об этом: КС РФ руководствуется

категорией справедливости, формируя свою позицию по отношению к складывающейся правоприменительной практике, а также обращает внимание судов на необходимость индивидуального подхода в каждом конкретном случае рассмотрения семейного спора.

Постановление КС РФ от 12.03.2015 г. № 4-П [9] касается проверки конституционности некоторых положений федеральных законов, связанных с порядком выезда/въезда в Россию и статусом иностранных граждан, особенно в контексте ВИЧ-инфекции. Суд рассмотрел жалобы нескольких человек, которым отказывали во въезде или проживании в РФ из-за положительного ВИЧ-статуса. Основной вопрос – соответствуют ли эти отказы Конституции РФ, особенно в части защиты прав и свобод человека, семейных ценностей и принципа равенства. КС РФ постановил, что положения законов, позволяющие автоматически отказывать в проживании или депортировать ВИЧ-инфицированных иностранных граждан, чьи семьи живут в России, не соответствуют Конституции. Необходимо учитывать индивидуальные обстоятельства, состояние здоровья, соблюдение правил поведения ВИЧ-инфицированными и другие факторы. Просто факт наличия ВИЧ не должен быть единственным основанием для отказа. Суд обязал законодателя внести изменения в законы, чтобы привести их в соответствие с Конституцией и правовой позицией КС РФ. Также решения, принятые ранее на основании спорных положений, подлежат пересмотру.

Ориентируясь на важность семейных ценностей, необходимость поддержания семейных связей в особых условиях, КС РФ вынес Постановление от 15.11.2016 г. № 24-П, посвященное проверке конституционности пунктов ст. 125 и 127 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) [7]. Суть вопроса – соответствие Конституции ограничений на длительные свидания для осужденных к пожизненному лишению свободы, отбывающих наказание в строгих условиях. Запрос поступил от Вологодского областного суда и жалобу подали граждане Королёвы. Суд указал на несоответствие п. «б» ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 УИК РФ Конституции РФ в части полного исключения длительных свиданий для пожизненно осужденных в течение первых 10 лет. Это, по мнению суда, нарушает права на частную и семейную жизнь, а также принципы гуманизма. Суд учитывал практику Европейского Суда по правам человека, где делается акцент на поддержание семейных связей даже в условиях лишения свободы. Законодателю рекомендовано изменить нормы, регулирующие порядок предоставления свиданий, предусмотрев возможность хотя бы одного длительного свидания в год. Следует обратить внимание на позицию КС РФ, основанную на принципе гуманизма, который, по мнению суда, необходимо проявлять и в отношении лиц, осужденных на пожизненное заключение, т. е. за совершение особо тяжких преступлений. Хотя, справедливости ради,

необходимо отметить, что гуманизм проявляется в этом случае не просто по отношению к осужденному, а к его семье, в первую очередь к тем семейным связям, которые сложились у лица.

Постановление КС РФ от 20.06.2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.» свидетельствует о том, что формируемые Конституционным Судом позиции зачастую основываются на принципе учета всех обстоятельств дела, связанного с правоприменением к семейным отношениям [6]. Так, принимая Постановление № 25-П, КС РФ рассмотрел дело о конституционности норм СК РФ и перечня заболеваний, препятствующих усыновлению. Граждане К.С. и Р.С. обжаловали отказ в усыновлении ребенка несмотря на то, что ребенок проживал в их семье, мотивируя это наличием у Р.С. ВИЧ и гепатита С. Суд постановил, что автоматический отказ в усыновлении только на основании наличия этих заболеваний противоречит Конституции РФ. Необходимо учитывать все обстоятельства дела, в особенности, если ребенок уже живет в семье и усыновление лишь формализует существующие отношения, не представляя опасности для здоровья ребенка. Таким образом, суд обязал пересмотреть практику применения данных норм, чтобы обеспечить учет индивидуальных обстоятельств и приоритет интересов ребенка.

Следует обратить внимание, что Конституционный Суд в большинстве случаев выстраивает свои позиции по вопросам защиты семейных ценностей, интересов семьи, исходя из необходимости учета индивидуальных обстоятельств. Как не вспомнить здесь зачин романа Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Неопределенность правовых предписаний, выявленных КС РФ, становится причиной вынесения постановления о признании действующих норм закона не соответствующими Конституции РФ. Так, Постановление КС РФ от 13.01.2020 г. № 1-П по жалобе гражданки Свечниковой Р.Д. [5]. Суд рассмотрел вопрос о конституционности некоторых положений Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», касающихся доступа к медицинской документации умершего. Гражданке Свечниковой было отказано в предоставлении медицинской документации ее умершего мужа несмотря на то, что в его информированном согласии на медицинское вмешательство она была указана как лицо, которое может получать такую информацию. На основании предоставленного текста КС РФ признал положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ч. 2 и 3 ст. 13, п. 5 ч. 5 ст. 19 и ч. 1 ст. 20) не

соответствующими Конституции РФ в связи с неопределенностью порядка доступа к медицинской документации умершего пациента для его близких. Суд постановил, что до внесения изменений в законодательство, медицинские организации обязаны предоставлять такую документацию супругам, близким родственникам или лицам, указанным в согласии пациента, за исключением случая прямого запрета пациента при жизни. Решения по делу Свечниковой подлежат пересмотру.

Достаточно важное значение имеет деятельность Конституционного Суда, направленная на уточнение толкования той или иной нормы, регулирующей семейные отношения. В этом плане показательным является Постановление КС РФ от 02.03.2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой». КС РФ рассмотрел жалобу гражданки Григорьевой относительно п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), касающегося момента возникновения правоспособности [4]. Заявительница хотела взыскать компенсацию морального вреда за смерть отца ее несовершеннолетнего сына, который родился уже после трагедии. Суд постановил, что п. 2 ст. 17 ГК РФ сам по себе Конституции не противоречит. Однако при его применении нужно учитывать, что отказ в компенсации морального вреда ребенку, потерявшему отца до рождения, противоречит Конституции. Ребенок имеет право на компенсацию вне зависимости от времени рождения относительно смерти родителя. Постановление является окончательным и обязательным для исполнения, судебные акты, принятые ранее в подобной ситуации, подлежат пересмотру. Другими словами, согласно документу, КС РФ признал п. 2 ст. 17 ГК РФ конституционным, но уточнил его толкование. Норма не должна служить основанием для отказа в компенсации морального вреда ребенку, родившемуся после смерти отца. Суд подчеркнул важность защиты прав детей и необходимость справедливого возмещения вреда, учитывая родственные связи и нравственные страдания.

Становятся объектом исследования Конституционного Суда РФ и вопросы защиты имущественных интересов субъектов семейных отношений. Примером может служить Постановление КС РФ от 15.10.2024 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 152 и пункта 2 статьи 153.1 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Г. Исаковой». КС РФ рассмотрел жалобу гражданки Исаковой относительно конституционности пунктов ГК и СК РФ, касающихся начисления процентов за несвоевременную выплату вознаграждения приемным родителям [3]. Суд установил, что отказ в выплате процентов за задержку вознаграждения приемным родителям может нарушать их конституционные права. Суд подчеркнул, что отказ

в выплате процентов за несвоевременное вознаграждение приемным родителям недопустим. Выплата вознаграждения имеет гражданско-правовую основу, поэтому возможно взыскание процентов за просрочку. Решение направлено на защиту имущественных интересов приемных родителей и обеспечение приоритета семейного воспитания детей. КС РФ уточнил, что данные пункты кодексов не противоречат Конституции, если они не используются как основание для отказа в выплате процентов за несвоевременную выплату вознаграждения. Постановление разъясняет, что в данном случае следует руководствоваться принципами защиты имущественных прав и возмещения ущерба, а также учитывать специфику отношений, связанных с приемной семьей. Судебные решения, вынесенные ранее в противоположном смысле, подлежат пересмотру.

Наконец, предметом оценки КС РФ стали и правила оформления согласия супруга на сделки с имуществом. Постановление КС РФ от 30.10.2025 г. № 36-П по жалобе гражданина Лустача О.И. [2]. Суд рассмотрел вопрос о конституционности п. 3 ст. 35 СК РФ, требующего нотариального согласия супруга на сделки с имуществом. Суть жалобы: гражданину пришлось тратить дополнительные средства и время на поездку к нотариусу, т.к. в месте его проживания нотариус отсутствовал. Он утверждал, что согласия, заверенного командиром воинской части, должно быть достаточно. Суд признал абзац первый п. 3 ст. 35 СК РФ неконституционным, поскольку он не предусматривает альтернативные способы удостоверения согласия супругов военнослужащих на сделки с недвижимостью, особенно в труднодоступных местностях, где нет нотариусов. Суд подчеркнул важность жилищных гарантий для военнослужащих и необходимость создания условий для реализации их прав. До внесения изменений в законодательство, командиры воинских частей могут удостоверять такое согласие. Также суд разрешил Лустачу О.И. претендовать на компенсацию понесенных расходов.

Таким образом, анализ существующих правовых позиций Конституционного суда РФ позволяет сформулировать предложения по совершенствованию действующего семейного законодательства и развитию доктрины семейного права в целях реализации прав и свобод человека и гражданина в одной из самых значимых сфер его существования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2025 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 35 Семейного

кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Лустача Олега Игоревича» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2024 г. № 46-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 152 и пункта 2 статьи 153.1 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Г. Исаковой» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта “б” части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона “Об актах гражданского состояния” в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2015 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию”, подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и пункта 2 статьи 11 Федерального закона “О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)” в связи с жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Агеева А.В. Конституционно-правовой статус семьи в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 252 с.

12. Гошуляк В.В. Защита семьи как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 31–40.

13. Стандарт справедливости. Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин настаивает на устранении пробелов – в законах и в их применении [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ksrf.ru/Press-srv/smi/19922> (дата обращения: 16.01.2026).

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

**Constitutional and legal principles of family relations
and their protection
by the Constitutional Court of the Russian Federation**

N.A. Antonova

Tver State University, Tver

The basic principles of the relationship between the family and the state are determined by the Constitution of the Russian Federation, where in Article 7 the state is recognized as a social state. The importance of issues of protection of family values, protection of the family, was also manifested in those changes that were made to the Constitution of the Russian Federation in 2020. The main goal of such changes is to determine the state's activities aimed at improving the living conditions of families and the younger generation, as well as ensuring conditions for the harmonious development of children. These values are guaranteed by appropriate legal regulation, judicial protection, and the forces of constitutional justice. The article examines the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in protecting the family, its traditional values, and the property rights of family members.

Keywords: *family, family values, Constitutional Court, constitutional justice.*

About author:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Конституционно-правовые принципы семейных отношений и их защита Конституционным Судом Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 9–17.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Использование русского языка в семье: между личной свободой и государственной политикой

И.В. Баранов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются правовые проблемы, связанные с использованием русского языка в сфере семейных отношений с учетом баланса между свободой самоопределения и интересами государства в сохранении национального суверенитета. Рассматриваются коллизии между конституционным правом на выбор языка общения, образовательными предпочтениями семей и публичными интересами в укреплении статуса русского языка. Особое внимание уделяется конфликтам, возникающим в полилингвальных семьях, в образовательном процессе и в контексте защиты языковых прав национальных меньшинств.

Ключевые слова: русский язык, семья, образование, государственная языковая политика.

Право на использование родного языка в семейном общении является одной из естественных и незыблемых потребностей и свобод человека. В современном российском правовом поле эта приватная сфера сталкивается с комплексом юридических, политических и социальных проблем, оказываясь на пересечении конституционных и международных норм, государственной языковой политики, семейного и образовательного права, а также защиты национальной культурной идентичности.

Фундаментальная основа для языковой свободы в частной жизни, включая семейные отношения, заложена в Конституции Российской Федерации, согласно ст. 26 которой каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Вместе с тем в ст. 68 закрепляется статус русского языка как государственного на всей территории России, что порождает определенную правовую дихотомию: с одной стороны, личное право на выбор языка общения, с другой – публичный интерес к распространению и укреплению государственного языка. При этом также должны учитываться антидискриминационные положения ст. 19, гарантирующие равенство прав и свобод человека и гражданина, в том числе независимо от языка. В связи с чем возникает проблема языкового выбора для семей, где родным русский язык не является.

В международном праве основной нормой в данной сфере является ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, определяющая, что в тех странах, где существуют языковые

меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться родным языком [1].

В тех случаях, когда иностранные граждане составляют меньшинство по смыслу вышеуказанной статьи, им также не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться родным языком. В применении этих прав не должно быть какой-либо дискриминации между иностранцами и гражданами. Эти права иностранцев могут быть подвергнуты лишь таким ограничениям, которые могут быть введены в соответствии с Пактом (п. 7 Замечания общего порядка № 15. Положение иностранцев в соответствии с Пактом. Принято Комитетом по правам человека на его 27-й сессии (1986 г.)) [2].

Основанием для введения таких ограничений может быть только чрезвычайное положение в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется. Принимаемые меры определяются остротой положения при условии, что они не являются несовместимыми с другими обязательствами по международному праву и, в частности, не влекут за собой дискриминации на основе языка.

Каждый ребенок без всякой дискриминации, в том числе по признаку языка, имеет право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства. В качестве примеров нарушения данного права можно, например, привести случаи, указанные в Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 19.06.2024 г. № 182-СФ «Об итоговом докладе парламентской комиссии по расследованию преступных действий в отношении несовершеннолетних со стороны киевского режима»:

– документы, составленные на украинском языке, принимаются без перевода на русский язык;

– русскоязычному населению, в том числе детям, запрещается изучать родной язык и культурное наследие России, выражать свое мнение и общаться на родном языке в общественных местах;

– установлены языковые квоты для теле- и радиоэфира на русском языке;

– за использование русского языка в какой-либо сфере деятельности на физических и юридических лиц налагаются штрафы [3].

Во исполнение данной нормы 18.12.1992 г. была принята Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, в которой указано следующее:

– лица, принадлежащие к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, имеют право использовать свой язык в частной жизни и публично, свободно и без вмешательства или дискриминации в какой бы то ни было форме (ст. 2);

– государства обязаны принимать меры для создания благоприятных условий, позволяющих лицам, принадлежащим к меньшинствам, выражать свои особенности и развивать свой язык, за исключением тех случаев, когда конкретная деятельность осуществляется в нарушение национального законодательства и противоречит международным нормам;

– государства принимают соответствующие меры к тому, чтобы там, где это осуществимо, лица, принадлежащие к меньшинствам, имели надлежащие возможности для изучения своего родного языка или обучения на своем родном языке;

– государства при необходимости принимают меры в области образования с целью стимулирования изучения языка меньшинств, проживающих на их территории (ст. 4) [4].

Россия в 2001 г. подписала, но не ратифицировала Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, в связи с чем с 16.03.2022 г. подписание считается фактически приостановленным. Данный международный акт призван содействовать защите и развитию исторических региональных языков и языков меньшинств путем уважения географических границ каждого языка; необходимости его развития; содействия и/или поощрения использования этих языков в письменной и устной речи, в жизни общества и частной жизни (при помощи соответствующих мер обучения и образования, языковых обменов с другими государствами, где говорят на тех же или похожих языках).

При этом с 1998 по 2024 гг. Российская Федерация была участником Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, согласно которой стороны обязуются поощрять создание благоприятных условий, позволяющих обеспечить лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, возможности сохранять основные элементы их самобытности, в частности язык, а также признавать за любым лицом, принадлежащим к национальному меньшинству, право свободно и беспрепятственно пользоваться языком своего меньшинства устно и письменно в частной жизни и публично.

Основным специальным источником российского права, определяющим вопросы языка является Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [5]. При этом ст. 1 данного нормативно-правового акта не указывает частную, в том числе семейную, жизнь как сферу обязательного использования русского языка, тем самым не

распространяет его действие на неофициальные межличностные отношения. В связи с чем интерес представляют реальные правовые проблемы, возникающие на стыке семейного и публичного пространств, особенно в контексте получения образования и взаимодействия с государственными институтами.

Первый вопрос, который может возникнуть непосредственно в полилингвальной семье, при отсутствии законодательного решения, определяющего условия использования языка общения в семье, заключается в возможности/невозможности включения такого положения, например, в брачный договор.

В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) брачный договор – это соглашение лиц, вступающих в брак или уже состоящих в браке, которое определяет их имущественные права и обязанности в браке и (или) в случае его расторжения (ст. 40) [6].

Очевидно, что условие о языке общения является сугубо неимущественным, затрагивает право на частную жизнь и относится к сфере личных взаимоотношений, быта и воспитания детей и, соответственно, не имеет никакого отношения к имущественным правам. Даже если стороны брачного договора включают в него такое условие, то оно не будет соответствовать его существу.

По общему правилу все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию исходя из интересов детей и с учетом мнения детей (ст. 65 СК РФ). К таким вопросам можно отнести и язык. Такое согласие можно оформить в виде соглашения о порядке воспитания детей в ситуации как совместного, так и раздельного проживания родителей, определив, основной язык/языки семейного общения с ребенком, меры по ознакомлению ребенка с культурным наследием семьи, включая изучение иного языка/языков, его традиций и истории, а также конкретные способы коммуникации с ребенком, в том числе посредством чтения, просмотра мультфильмов и использования развивающих игр.

Следующий интересный вопрос связан с теми ситуациями, когда языковые разногласия являются основанием для расторжения брачных отношений. Статья 16 СК РФ предусматривает закрытый перечень оснований для расторжения брака.

Языковые разногласия среди них не указаны, но на практике вполне могут быть причиной семейных конфликтов в смешанных семьях, где супруги являются носителями разных языков, что в итоге делает дальнейшую совместную жизнь супругов и сохранение семьи фактически невозможным. В таком случае российское законодательство не содержит специальных механизмов разрешения подобных споров,

оставляя их на усмотрение сторон в рамках общих процедур расторжения брака.

Актуальной также остается проблема, связанная с правом семьи на выбор языка обучения, которая во многом определяется исходя из существующей системы образования и реализуемой в ее рамках государственной лингвистической политики. В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования (ст. 14) [7].

К сожалению, на практике данное право сталкивается с многочисленными фактическими сложностями. Прежде всего, существует региональная специфика, особенно в субъектах Российской Федерации, сформированных по национальному принципу, создающая приоритет титульным языкам, зачастую являющимся средством бытового общения. Непосредственно в образовательных организациях существует явный дефицит образовательных программ на определенных языках, при этом, если все-таки у обучающихся появляется доступ к каким-то дисциплинам на других языках, то итоговая аттестация в формате ОГЭ или ЕГЭ проводится на русском языке.

Исключением является обучение вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность, – в форме семейного образования и самообразования, которое в теории позволяет семье полностью самостоятельно определить языковой аспект обучения, несмотря на практически полное фактическое отсутствие государственной методической поддержки в случае выбора нестандартной языковой образовательной траектории. При этом также возникнет необходимость прохождения на русском языке промежуточной и государственной итоговой аттестации в организациях, осуществляющих образовательную деятельность.

В свою очередь государственная языковая политика в последние годы характеризуется усилением законодательного регулирования. 09.11.2022 г. в указе Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в качестве реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных

ценностей, культуры и исторической памяти» определялась задача по защите и поддержке русского языка как языка государствообразующего народа, а также противодействие излишнему использованию иностранной лексики [8]. Данный акт не содержит норм, определяющих язык семейного общения, однако он определяет идеологическую основу для использования русского языка.

24.06.2025 г. был подписан Федеральный закон № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9], который направлен на достижение ряда целей по защите русского языка как государственного, на снижение использования иностранных слов в публичном пространстве и на обеспечение соблюдения норм современного литературного языка [10].

В данном акте также, на первый взгляд, напрямую семейная жизнь не затрагивается, вместе с тем очевиден общий тренд на усиление статуса русского языка как нормативной основы общественной жизни, а также ограничение использования иностранных слов в публичной коммуникации, торговле, сфере услуг, что влияет в целом на языковую среду, в которой воспитываются дети и взаимодействуют взрослые.

Правоприменительная практика наглядно демонстрирует, что вышеперечисленные проблемы имеют место в реальной жизни. В основном большинство споров возникает на стыке семейного и образовательного права и связаны с административными и судебными процессами об отказе в зачислении в русскоязычные классы, а также конфликтами в связи с освобождением от изучения национальных языков.

В этом контексте особое внимание необходимо уделить деятельности органов опеки и попечительства, которые не обладают формальными полномочиями вмешиваться в языковой выбор семьи. Однако на практике, исходя из общей функции этих административных инстанций, могут возникать ситуации, когда использование нерусского языка в семье может рассматриваться ими как фактор, свидетельствующий о «неблагополучии» семьи или создающий препятствия для социализации ребенка. Такая ситуация будет существовать до тех пор, пока не появятся четкие правовые критерии оценки языкового поведения семьи.

Таким образом, в настоящее время ключевой правовой проблемой при решении вопроса об использовании русского языка в семье остается поиск баланса между индивидуальными языковыми правами семьи и фундаментальными целями Российской Федерации в укреплении русского языка как основы государственности с учетом права национальных меньшинств на сохранение языковой идентичности, а также соблюдения интересов ребенка в успешной социализации и образовании. Для решения существующих проблем необходима комплексная правовая стратегия, включающая четкое закрепление конкретных гарантий языковых прав в семейной сфере, создание

реальных механизмов выбора языка образования, сочетающих, с одной стороны, поддержку русского языка, а с другой – защиту существующего языкового разнообразия.

Список литературы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16.12.1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
2. Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав мигрантов (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.02.2022 г.) // СПС «Гарант».
3. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 19.06.2024 г. № 182-СФ «Об итоговом докладе парламентской комиссии по расследованию преступных действий в отношении несовершеннолетних со стороны киевского режима» // СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3579.
4. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (18.12.1992 г.) // Действующее международное право. Т. 2.
5. Федеральный закон от 01.06.2005 г № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16
7. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.
8. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
9. Федеральный закон от 24.06.2025 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 26 (часть I). Ст. 3498.
10. Баранов И.В. Новые меры защиты права на русский язык // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 34–41.

Об авторе:

БАРАНОВ Иван Валентинович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2695-4324, AuthorID: 597261, e-mail: Baranov.IV@tversu.ru

The use of russian in the family: between personal freedom and state policy

I.V. Baranov

Tver State University, Tver

The article analyzes legal issues related to the use of the Russian language in the sphere of family relations, taking into account the balance between freedom of self-determination and the interests of the state in preserving national sovereignty. It examines the conflicts between the constitutional right to choose a language of communication, the educational preferences of families, and public interests in strengthening the status of the Russian language. Special attention is paid to conflicts arising in multilingual families, in the educational process, and in the context of protecting the linguistic rights of national minorities.

Keywords: *Russian language, family, education, state language policy.*

About author:

BARANOV Ivan – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 2695-4324, AuthorID: 597261, e-mail: Baranov.IV@tversu.ru

Баранов И.В. Использование русского языка в семье: между личной свободой и государственной политикой // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 18–25.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Оспаривание отцовства субъектами наследственных прав

Б.А. Булаевский

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Принятое во исполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации правило Семейного кодекса Российской Федерации о возможности оспаривания отцовства наследниками лица, записанного в качестве отца ребенка, требует системного толкования норм семейного и гражданского законодательства. По мнению автора, ключевым фактором бесконфликтного применения нового правила является установление наличия семейно-правового интереса у наследников лица, записанного в качестве отца ребенка. Необходимым указывается также учет поведения лица, записанного в качестве отца ребенка. Определяются обстоятельства, значимые для вмешательства в дела семьи. Делается вывод о необходимости корректировки действующего нормативного регулирования.

Ключевые слова: оспаривание отцовства, наследники лица, записанного в качестве отца ребенка, интересы наследников, семейно-правовой интерес, множественность правовых статусов, запрет на произвольное вмешательство в дела семьи.

Применение значительного количества правовых норм в повседневной жизни, как правило, не представляет каких-либо трудностей. Вместе с тем ясность закона не всегда очевидна, и по этой причине нередко возникает потребность в установлении его содержания.

Имеются такие положения и в действующем семейном законодательстве.

Одним из них, по нашему мнению, является правило абз. 2 п. 1 ст. 52 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), появившееся в 2022 г. [1] в связи с реализацией предписания Конституционного Суда Российской Федерации, признавшего п. 1 ст. 52 СК РФ, а также ряд правил гражданского процессуального законодательства Российской Федерации в их взаимосвязи несоответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти законоположения по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, служили основанием для отказа наследникам лица, записанного в качестве отца ребенка в книгу записей рождений с нарушениями требований закона (в отсутствие его волеизъявления, на основании подложных документов и т. п.), в принятии искового заявления об аннулировании такой записи, а если производство по делу

возбуждено – для прекращения производства по делу без его рассмотрения по существу [6].

Как известно, до указанного момента запись родителей в книге записей рождений, произведенная в соответствии с п. 1 и п. 2 ст. 51 СК РФ, могла быть оспорена в судебном порядке по требованию одного из следующих лиц:

- лица, записанного в качестве отца или матери ребенка;
- лица, фактически являющегося отцом или матерью ребенка;
- самого ребенка по достижении им совершеннолетия;
- опекуна (попечителя) ребенка;
- опекуна родителя, признанного судом недееспособным.

В дополнение к данному правилу новая норма (абз. 2 п. 1 ст. 52 СК РФ) предоставила аналогичную возможность:

- наследнику лица, записанного в качестве отца ребенка.

При этом особо отмечено, что соответствующие требования могут быть удовлетворены в случае нарушения положений п. 2 ст. 51 СК РФ, в том числе если такая запись произведена на основании подложных документов либо без свободного волеизъявления лица, отцовство которого было установлено во внесудебном порядке.

На первый взгляд, никакой сложности в понимании предложенного правила нет – указаны примерные виды нарушений, обозначено лицо, которому предоставлено соответствующее право, все четко и ясно. Но как только задумываешься о том, кто может явиться под личиной «наследника лица, записанного в качестве отца ребенка», сразу же появляются вопросы о корректности столь пространного обозначения статуса управомоченного субъекта.

В соответствии с действующим законодательством указанным наследником может оказаться не только кто-либо из так называемого «близкого круга умершего», из круга его семьи, но и любые иные лица, в том числе лица юридические, а также публично-правовые образования.

Но все ли из указанных лиц должны обладать правом оспаривания отцовства? Насколько подобное нормативное решение оправдано и не привносит ли оно в существующую систему отношений дестабилизирующее начало? Не оказываются ли под угрозой традиционные семейные ценности?

Предоставление наследникам лица, записанного в качестве отца ребенка, права оспаривать отцовство ориентировано в первую очередь на охрану наследственных интересов участников гражданского оборота. Что до семейных интересов, то их охрана если и возможна, то только опосредованно, а в ряде случаев и вовсе не реализуется. Именно поэтому признавать любого наследника лица, записанного в качестве отца ребенка, субъектом права оспаривать отцовство представляется недопустимым.

Да, примеры вовлечения в определенные отношения субъектов, которые по своей основной функции «замысливались» для других определенных отношений, в праве не редкость. Но их статус в соответствующих случаях либо нейтрален, либо обусловлен наличием у них особого интереса, причем не в каком-то ином отношении, а именно в том, куда он привлекается в несвойственной для себя роли.

О «нейтральных» статусах уместно вести речь лишь в тех случаях, когда в определенные правоотношения вовлекаются лица уполномоченные – лица с публично-правовыми статусами (прокурор, орган опеки и попечительства, нотариус и т. п.).

Если же речь идет о статусах, обусловленных особыми интересами, то перед нами пример множественности однородных, частноправовых статусов, совмещенных в одном лице – носителе разнообразных интересов [2, с. 10].

Особо стоит отметить случаи, когда тот или иной субъект упоминается в связи со своим известным статусом, но при этом не «пользуется» им. В подобных ситуациях речь идет о приеме юридической техники, в силу которого, *по целесообразности* (выделено автором – Б.Б.), лицо наделяется несвойственными ему возможностями для достижения целей правового регулирования.

Например, в сфере частного права подобное положение иногда занимает нотариус (см., например, о нотариусе, который в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления наследственным имуществом – п. 1 ст. 1173 Гражданского кодекса РФ).

Представляется, что, когда в семейном праве упоминается наследник – субъект наследственных правоотношений, его появление возможно лишь при наличии у него собственного интереса в семейных отношениях и уж точно не по целесообразности, а по причине того, что всякое право есть форма признания интереса [4, с. 53–79; 5, с. 302–303].

Тот факт, что публичный порядок надеется на каждого (например, в деле поддержания правопорядка, когда речь идет о недопустимости правонарушений) – еще не повод, чтобы перекладывать бремя его поддержания на кого угодно.

Было бы странно наблюдать в правоприменении ситуации, когда требование лица об оспаривании своего отцовства не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка (п. 2 ст. 52 СК РФ), а аналогичные требования его наследников (в том числе юридических лиц и публично-правовых образований) приобретают со смертью такого лица иной режим. Допустимые исключения должны отражаться в законе (в настоящее время речь может идти, в частности, о лицах, поименованных в абз. 1 п. 1 ст. 52 СК РФ).

В отечественном семейном праве, где запрет на произвольное

вмешательство в дела семьи возведен в ранг правового принципа, игнорирование последнего в контексте противопоставления интересов семьи и внесемейных интересов способно существенно поколебать правовые установки публичного порядка.

Для корректности вмешательства необходима, как минимум, однопорядковая природа интересов, один частный семейный интерес должен противопоставляться исключительно другому частному семейному интересу. Допустимо также вторжение в сферу действия частного семейного интереса при его противоречии интересам семьи [3]. Что до публичных интересов, то обусловленное ими вмешательство возможно лишь при чрезвычайных обстоятельствах, а основной ориентир для такого вмешательства – правила ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в соответствии с которыми «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

С учетом вышеизложенного, наследник лица, записанного в качестве отца ребенка, должен пониматься исключительно как гражданин с собственным семейно-правовым интересом (причем не абы каким, а сообразным предоставленному соответствующему лицу праву).

Уместно заметить, что Конституционный Суд РФ, оценивая конституционность рассматриваемого в данной статье положения п. 1 ст. 52 СК РФ, ориентировался исключительно на интересы граждан (и не упоминал ни юридических лиц, ни публично-правовые образования).

В п. 6. Постановления Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 г. № 4-П, в частности, отмечается: «... хотя сложившиеся в правоприменительной практике подходы к истолкованию указанных законоположений при предъявлении требований, направленных на оспаривание отцовства, не расходятся с конституционными целями и ценностями, отсутствие у граждан (выделено автором – Б.Б.) возможности требовать аннулирования записи акта об установлении отцовства, сделанной с нарушениями требований закона (на основании подложных документов), в том числе с целью защиты наследственных прав, может иметь неоднозначные юридические последствия, в том числе в нарушение конституционных установлений о правовом государстве, равенстве всех перед законом и судом, гарантий права наследования, а также об их обеспечении правосудием (статьи 2, 17, 18, 35 (часть 4), 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации), и, следовательно, не отвечает требованиям приведенных статей Конституции Российской Федерации» [6].

Как известно, семейное законодательство регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи и допускает участие в них «иных лиц» лишь в случаях и пределах,

предусмотренных семейным законодательством (ст. 2 СК РФ).

Простое упоминание «наследников лица, записанного в качестве отца ребенка» (читай – «иных лиц» – выделено автором – Б.Б.) в качестве субъектов права на оспаривание отцовства – это лишь случай, предусмотренный законодательством. Пределы участия соответствующих лиц в семейных отношениях также установлены, однако указание на них в законе, по сути, опосредованное и требует толкования.

Одним из таких пределов можно считать упоминавшееся правило п. 2 ст. 52 СК РФ, в котором определяется объем возможностей лица, знавшего о своем фактическом статусе «не отца». Но если лицу, чьи интересы в определенных семейных отношениях очевидны, отказано в оспаривании отцовства, то почему следует отступить от предложенного законом регулирования (раздвигая пределы участия в них «иных лиц») в случае его смерти и тем более в пользу тех, кто не имеет никакого интереса в рамках семейных отношений, лишившихся одного из своих субъектов?

Представляется, что на первых порах верный ориентир способна предложить правоприменительная практика. А в перспективе необходима корректировка положений абз. 2 п. 1 ст. 52 СК РФ путем указания в них исключительно на наследников-граждан, с соответствующей семейно-правовой заинтересованностью.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.08.2022 г. № 362-ФЗ «О внесении изменения в статью 52 Семейного кодекса Российской Федерации». – Официальный интернет-портал правовой информации // СПС «КонсультантПлюс».
2. Булаевский Б.А. Субъекты наследственного права как участники гражданских правоотношений // В кн.: Субъекты наследственного права: монография. М.: Проспект, 2025. 208 с.
3. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 67–74.
4. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Издательский дом «Городец», 2007. 192 с.
5. Нечаева А.М. Правовое положение граждан в брачно-семейных отношениях // В кн.: Гражданско-правовое положение личности в СССР. М.: изд-во «Наука», 1975. 400 с.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной» // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

БУЛАЕВСКИЙ Борис Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры нотариата ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)» (123242, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, ул. Садовая-Кудринская, д. 9 стр. 1), SPIN-код: 2046-5133, AuthorID: 281618, e-mail: bboulaevski@rambler.ru

Contesting paternity by subjects of inheritance rights

B.A. Bulaevskiy

University named after O.E. Kutafina (MSAL), Moscow

The rule of the Family Code of the Russian Federation, adopted in pursuance of the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, regarding the possibility of challenging paternity by the heirs of the person registered as the father of the child, requires a systematic interpretation of the norms of family and civil legislation. According to the author, the key factor in the conflict-free application of the new rule is the establishment of the existence of a family law interest among the heirs of the person registered as the child's father. It is also necessary to consider the behavior of the person registered as the child's father. Circumstances significant for intervention in family affairs are determined. A conclusion is reached regarding the need to adjust the current regulatory framework.

Keywords: *contesting paternity, heirs of the person registered as the child's father, interests of the heirs, family law interest, multiple legal statuses, prohibition of arbitrary interference in family affairs.*

About author:

Bulaevskiy Boris – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law, Associate Professor of the Department of Notaries of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL) (123242, Moscow, internal territorial unit of the Presnensky municipal district, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, building 1), SPIN-код: 2046-5133, AuthorID: 281618, e-mail: bboulaevski@rambler.ru

Булаевский Б.А. Оспаривание отцовства субъектами наследственных прав // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 26–31.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Учет вида разрешенного использования и градостроительных регламентов при реальном разделе земельного участка и иных объектов недвижимости, находящихся в общей собственности супругов

Ю.В. Васильчук

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются практически значимые вопросы, связанные с разделом земельных участков и иных объектов недвижимости, находящихся в общей собственности супругов в части соблюдения установленных требований к образуемым земельным участкам. Целью исследования является выявление особенностей реального раздела в судебном порядке земельных участков и иных объектов недвижимости, находящихся в общей собственности супругов.

***Ключевые слова:** земельный участок, реальный раздел земельного участка, общее имущество супругов, требования к образуемым земельным участкам, виды разрешенного использования земельного участка, градостроительные регламенты.*

В соответствии со ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации имущество, нажитое супругами в период брака, является их совместной собственностью. Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Следует отметить, что земельные участки и расположенный на нем жилой дом, иные имущественные объекты нередко не только являются наиболее значимым с точки зрения денежной стоимости имуществом супругов, но и могут быть основным местом их проживания, а также их детей. Поэтому правильное рассмотрение споров относительно раздела земельных участков в судебном порядке и вынесение законных судебных решений имеет особое значение, т. к. зачастую затрагивает интересы многих членов семьи, включая несовершеннолетних детей.

Раздел земельного участка, жилого дома, иных объектов недвижимости осуществляется по соглашению между супругами либо в судебном порядке. Зачастую супруги не приходят к добровольному соглашению относительно дальнейшей судьбы земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости, в связи с чем споры о

разделе вышеуказанных объектов относятся к числу распространенных в судебной практике российских судов.

Согласно п. 1 ст. 254 Гражданского кодекса Российской Федерации раздел общего имущества между участниками совместной собственности, а также выдел доли одному из них могут быть осуществлены после предварительного определения доли каждого из участников в праве на общее имущество.

Разрешая заявленные требования о разделе земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости, судам необходимо установить, что данное недвижимое имущество является совместно нажитым в браке имуществом, а не личным имуществом одного из супругов, и подлежит разделу между супругами в равных долях, не был ли заключен брачный договор и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения спора по существу.

В рамках данной статьи попытаемся разобраться, какое правовое значение имеет категория земель и виды разрешенного использования земельного участка, а также установленные градостроительные регламенты при рассмотрении судами споров о реальном разделе между супругами земельного участка и иных объектов недвижимости, относящихся к общей совместной собственности супругов.

Земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных Земельным Кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ) прав на землю является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи (ст. 6 ЗК РФ) [1]. Земельные участки могут быть делимыми или неделимыми. Это зависит от целого ряда юридически значимых фактов и обстоятельств. Делимые земельные участки могут быть разделены на части, каждая из которых затем функционирует и включается в гражданский оборот как самостоятельный объект недвижимости. На основании п. 1 ст. 11.4 ЗК РФ, при разделе земельного участка образуются несколько земельных участков, а земельный участок, из которого при разделе образуются земельные участки, прекращает свое существование, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. Раздел земельного участка как юридически значимая процедура осуществляется в особом, в том числе в судебном порядке, и в качестве правовых последствий следует указать постановку вновь образованных земельных участков на кадастровый учет и внесение сведений в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество, присвоение новых кадастровых номеров образованным при разделе земельным участкам. Кроме того, меняются и некоторые другие характеристики, индивидуализирующие данный земельный участок, в частности его размер (площадь), кадастровая стоимость.

От чего же зависит решение вопроса о возможности раздела земельного участка? Как уже отмечалось, раздел земельного участка – разновидность образования земельных участков, к этой процедуре устанавливаются особые требования, закрепленные ст. 11.9 ЗК РФ.

Принципиально важное значение при разделе земельного участка имеет его отнесение к определенной категории и виду разрешенного использования, которые должны оставаться неизменными в ходе его раздела.

ЗК РФ в качестве одного из принципов земельного законодательства закрепляет принцип деления земель по целевому назначению на категории. Согласно данному принципу, закрепленному в подп. 7 п. 1 ст. 1 ЗК РФ, правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к определенной категории и разрешенного использования в соответствии с требованиями законодательства (подп. в данной редакции вступит в силу с 01.03.2026 г. на основании Федерального закона № 295-ФЗ от 31.07.2025 г.).

Таким образом, являясь важнейшими характеристиками, индивидуализирующими земельный участок как объект права собственности и иных прав на землю, категория и основной вид разрешенного использования имеют принципиально важное значение при решении вопроса о делимости земельного участка и возможности его реального раздела. Вместе с тем в действующей редакции ЗК РФ в ст. 11.9 отсутствует прямое закрепление данного требования. В подп. 4 данной статьи закреплена правовая норма о том, что не допускается образование земельных участков, если это приводит к невозможности разрешенного использования расположенных на таких земельных участках объектов недвижимости.

В связи с вышеизложенным, считаем необходимым законодательно закрепить в ст. 11.9 ЗК РФ положение о том, что не допускается образование земельных участков, если их образование приводит к невозможности использовать земельные участки по целевому назначению в соответствии с принадлежностью к определенной категории и разрешенного использования.

Косвенно данное требование обеспечивается закреплением в качестве одного из требований к образуемым земельным участкам – соблюдение предельных размеров земельных участков, которые могут быть максимальными и минимальными. Применительно к разделу земельных участков речь идет о соблюдении требований к минимальным размерам вновь образуемых земельных участков. В соответствии с этим, особое юридическое значение при решении вопроса о разделе земельного участка имеет площадь земельного участка и предельные размеры земельных участков.

В силу п. 1 ст. 11.9 ЗК РФ предельные размеры земельных участков, в отношении которых в соответствии с законодательством о

градостроительной деятельности устанавливаются градостроительные регламенты, определяются такими градостроительными регламентами. Градостроительный регламент – это устанавливаемые в пределах границ соответствующей территориальной зоны виды разрешенного использования земельных участков, равно как всего, что находится над и под поверхностью земельных участков и используется в процессе их застройки и последующей эксплуатации объектов капитального строительства, предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, ограничения использования земельных участков и объектов капитального строительства, а также применительно к территориям, в границах которых предусматривается осуществление деятельности по комплексному развитию территории, расчетные показатели минимально допустимого уровня обеспеченности соответствующей территории объектами коммунальной, транспортной, социальной инфраструктур и расчетные показатели максимально допустимого уровня территориальной доступности указанных объектов для населения (ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ)) [2].

Градостроительные регламенты определяются в соответствии с требованиями градостроительного законодательства и закрепляются применительно к отдельным территориальным зонам в конкретных муниципальных образованиях в Правилах землепользования и застройки. Важнейшей составляющей Правил землепользования и застройки является карта градостроительного зонирования и собственно градостроительные регламенты, действующие в пределах территориальных зон. В градостроительном регламенте в отношении земельных участков и объектов капитального строительства, расположенных в пределах соответствующей территориальной зоны, указываются виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства (основные, условно-разрешенные и вспомогательные); предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства; требования к архитектурно-градостроительному облику объектов капитального строительства; ограничения использования земельных участков и объектов капитального строительства, устанавливаемые в соответствии с законодательством Российской Федерации; расчетные показатели минимально допустимого уровня обеспеченности территории объектами коммунальной, транспортной, социальной инфраструктур и расчетные показатели максимально допустимого уровня территориальной доступности указанных объектов для населения в случае, если в границах территориальной зоны, применительно к которой устанавливается градостроительный

регламент, предусматривается осуществление деятельности по комплексному развитию территории.

Действие градостроительного регламента распространяется в равной мере на все земельные участки и объекты капитального строительства, расположенные в пределах границ территориальной зоны, обозначенной на карте градостроительного зонирования (ст. 36 ГрК РФ).

Таким образом, предельные размеры земельных участков – это разновидность градостроительных регламентов земельных участков, устанавливаемых к территориальным зонам и закрепляемых в правилах планировки и застройки территорий муниципальных образований.

Рассмотрим на конкретном примере возможность раздела земельного участка, приобретенного супругами во время брака, расположенного в городском округе город Тверь и относящегося к категории земель «земли населенных пунктов». Для решения данного вопроса необходимо обратиться к Правилам землепользования и застройки городского округа города Твери, утвержденным решением Тверской городской Думы от 02.07.2003 г. № 71 [3], и определить территориальную зону, в пределах которой расположен земельный участок на основе карты градостроительного зонирования.

Допустим, земельный участок был предоставлен для ведения индивидуального жилищного строительства и находится в границах малоэтажной жилой застройки, расположенной на территории исторически сложившихся районов центральной части города (зона Ж-2-1). Данная территориальная зона предназначена для застройки малоэтажными многоквартирными жилыми домами этажностью не выше четырех этажей, расположенными на территории исторически сложившихся районов центральной части города Твери с ограничениями высотности и плотности новой застройки, в сочетании с объектами социально-культурного и коммунально-бытового назначения, связанными с проживанием граждан, а также объектами инженерной инфраструктуры. Одним из основных видов разрешенного использования земельных участков в границах данной территориальной зоны является индивидуальное жилищное строительство, которое включает размещение жилого дома (отдельно стоящего здания количеством надземных этажей не более чем три, высотой не более двадцати метров, которое состоит из комнат и помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании, не предназначенного для раздела на самостоятельные объекты недвижимости); выращивание сельскохозяйственных культур; размещение индивидуальных гаражей и хозяйственных построек. Предельный (минимальный) размер земельного участка для индивидуального жилищного строительства в пределах данной

территориальной зоны – 400 кв. м; максимальный не подлежит установлению. Таким образом, максимальная площадь земельного участка, находящегося у супругов в общей собственности, должна составлять не менее 800 кв. м, в противном случае раздел земельного участка не может быть осуществлен, т. к. не будет выполнено одно из требований к образуемым земельным участкам в части соблюдения минимальных размеров земельных участков, которые относятся к градостроительным регламентам.

Следует особо отметить, что раздел земельного участка не допускается, если в дальнейшем невозможно обеспечить разрешенное использование расположенных на земельном участке объектов недвижимости, например дома. Вместе с тем, в собственности супругов могут находиться не только индивидуальные жилые дома, но и дома, например, относящиеся к блокированной жилой застройке. Применительно к городскому округу город Тверь такие дома нельзя размещать, например, в пределах зоны Ж-2-1 (территориальная зона малоэтажной жилой застройки, расположенной на территории исторически сложившихся районов центральной части города), но они могут быть размещены в пределах территориальной зоны Ж-2-2 (зона застройки малоэтажными многоквартирными жилыми домами этажностью не выше четырех этажей, блокированными жилыми домами, расположенными вне территории исторически сложившихся районов центральной части города Твери, в сочетании с объектами социально-культурного и коммунально-бытового назначения, связанными с проживанием граждан, а также объектами инженерной инфраструктуры), в границах иных территориальных зон. На основании ст. 25 Правил землепользования и застройки г. Твери в пределах территориальной зоны Ж-2-2 в качестве основного вида разрешенного использования земельного участка допускается, наряду с индивидуальным жилым строительством, размещение блокированной жилой застройки, под которой понимается строительство, последующая эксплуатация жилого дома, имеющего одну или несколько общих стен с соседними жилыми домами (количеством этажей не более чем три, при общем количестве совмещенных домов не более десяти и каждый из которых предназначен для проживания одной семьи, имеет общую стену (общие стены) без проемов с соседним домом или соседними домами, расположен на отдельном земельном участке и имеет выход на территорию общего пользования (жилые дома блокированной застройки)); разведение декоративных и плодовых деревьев, овощных и ягодных культур; размещение индивидуальных гаражей и иных вспомогательных сооружений; обустройство спортивных и детских площадок, площадок для отдыха. Если обратиться к градостроительным регламентам, установленным для данной территориальной зоны применительно к домам блокированной застройки, то минимальный

размер установлен в 600 кв. м, однако следует отметить, что минимальная площадь земельного участка на один блок блокированной жилой застройки – 100 кв. м. Таким образом, отнесение земельного участка, находящегося в общей собственности супругов, к определенному виду разрешенного использования в границах территориальных зон имеет принципиально важное значение для решения вопроса о возможности его реального раздела в судебном порядке с учетом установленных градостроительных регламентов применительно к минимальным размерам земельных участков, закрепленных в правилах землепользования и застройки, действующих на территориях поселений, муниципальных и городских округов.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении заявленных требований, судебная коллегия по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции, руководствуясь положениями ст. 39, 49, 51.1 ГрК РФ и ч. 7 ст. 41 Федерального закона от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», исходила из того, что в соответствии с действующим законодательством возможность раздела жилого дома установлена только после изменения вида объекта с «индивидуальный жилой дом» на «жилой дом блокированной застройки» или «многоквартирный жилой дом». Изменение же вида объекта с индивидуального жилого дома на иной вид (например, жилой дом блокированной застройки и многоквартирный дом) возможно только после получения соответствующего разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка, завершения реконструкции индивидуального жилого дома с соблюдением процедур, предусмотренных действующим законодательством. Также суд апелляционной инстанции указал, что, требуя разделить жилой дом, расположенный на земельном участке с разрешенным видом использования для ведения личного подсобного хозяйства, на две изолированные части, истец фактически просит изменить правовой статус здания, уже стоящего на кадастровом учете, без соблюдения внесудебного порядка изменения вида разрешенного использования земельного участка, на котором находится здание [4].

При рассмотрении подобных споров для решения возможности раздела земельного участка и расположенных на нем объектов недвижимости в натуре суды назначают судебную землеустроительную и строительно-техническую экспертизу.

На основании ст. 38 ГрК РФ предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры земельных участков и предельные параметры разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства включают в себя: предельные (минимальные и (или) максимальные) размеры земельных участков, в том числе их площадь; минимальные отступы от границ земельных участков в целях

определения мест допустимого размещения зданий, строений, сооружений, за пределами которых запрещено строительство зданий, строений, сооружений; предельное количество этажей или предельную высоту зданий, строений, сооружений; максимальный процент застройки в границах земельного участка, определяемый как отношение суммарной площади земельного участка, которая может быть застроена, ко всей площади земельного участка.

Таким образом, разрешая в судебном порядке заявленные требования о разделе земельного участка, судам необходимо установить, в какой территориальной зоне расположен принадлежащий сторонам земельный участок, какие виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства установлены применительно к этой территориальной зоне, будут ли соблюдаться в случае раздела земельного участка требования о предельных (минимальных и максимальных) размерах образованных земельных участков (см., например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.07.2025 г. № 18-КГ25-226-К4 (УИД 23RS0008-01-2023-000930-11[5])).

Фактом, имеющим юридическое значение и влияющим на возможность удовлетворения заявленных требований о разделе земельного участка, будет установление основных видов разрешенного использования земельного участка (или условно-разрешенных), включая, в частности, какие виды жилищного строительства допустимо осуществлять в границах конкретных территориальных зон, потому что для разных видов объектов жилищного строительства установлены различные градостроительные регламенты, в том числе предельные (и прежде всего минимальные) размеры земельных участков.

Безусловно, в предмет доказывания при рассмотрении судами споров о разделе между супругами земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости входят также и иные обстоятельства, включая не является ли жилой дом, иные объекты недвижимости объектами самовольного строительства, завершено ли их строительство, не был ли участок предоставлен в собственность одному из супругов по безвозмездной сделке, не был ли он приватизирован во время брака и др.

Так, разрешая спор, суд исходил из того, что исковые требования заявлены одним из супругов преждевременно, поскольку к разделу заявлен жилой дом, однако на кадастровый учет принят объект незавершенного строительства с другими техническими характеристиками, поэтому жилой дом имеет признаки самовольного строения, в установленном законом порядке не легализован в качестве жилого дома с новыми характеристиками, требований о сохранении спорного объекта в имеющемся в настоящее время состоянии не заявлено, сторона истца в целях реализации прав собственника в

административном порядке за легализацией объекта капитального строительства (жилого дома) не обращалась, в связи с чем раздел спорного объекта недвижимости, сведения о существовании которого с соответствующими характеристиками в ЕГРН отсутствуют, в соответствии с долями в праве собственности сторон невозможен [6].

Рассматривая дело о признании жилого дома автономным блоком жилого дома блокированной застройки, определения порядка пользования жилым домом с хозяйственными строениями и земельным участком, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции указал, что «раздел земельного участка, расположенного по адресу: <адрес> (на котором расположены исследуемые строения) между сособственниками невозможен по причине несоблюдения требований градостроительства как для вида разрешенного использования “Для индивидуального жилищного строительства” (код 2.1) так и для вида разрешенного использования “Блокированная жилая застройка” в части минимально разрешенной площади земельного участка, а также ввиду необоснованности установления участков общего пользования» [7]. К подобному выводу приходит Судебная коллегия по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции, рассматривая спор о реальном разделе земельного участка, признании права собственности на земельный участок: в соответствии с Правилами землепользования и застройки территории МО «Козетское сельское поселение», утвержденными решением Совета народных депутатов МО «Тахтамукайский район», утверждены предельные минимальные и максимальные размеры земельных участков для вида разрешенного использования «индивидуальное жилищное строительство» в территориальной зоне Ж-1. Между тем предполагаемые к образованию земельные участки имеют площадь 318 и 317 кв. м соответственно, что значительно меньше предельно допустимого (минимального) размера, установленного для земельных участков с заявленным разрешенным использованием, что не отвечает требованиям законодательства, препятствует использованию земельных участков в соответствии с их целевым назначением и разрешенным использованием [8].

Земельное законодательство в ст. 11.9 предусматривает и иные требования к образуемым земельным участкам, в том числе в результате их раздела, которые также должны быть учтены судом при рассмотрении споров о разделе земельных участков между супругами. Так, не допускается раздел земельных участков, если сохраняемые в отношении образуемых земельных участков обременения (ограничения) не позволяют использовать указанные земельные участки в соответствии с разрешенным использованием. Образование земельных участков не должно приводить к вклиниванию, вкрапливанию, изломанности границ, чересполосице, невозможности размещения объектов недвижимости и другим препятствующим рациональному использованию и охране земель

недостаткам, а также нарушать требования, установленные настоящим Кодексом и другими федеральными законами.

Таким образом, при реальном разделе земельного участка, в том числе входящего в состав совместно нажитого имущества супругов, образуемые земельные участки должны сохранять целевое назначение и разрешенное использование исходного земельного участка, а также соответствовать градостроительным регламентам, включая предельные минимальные и максимальные размеры, и иным требованиям, установленным земельным законодательством к образуемым земельным участкам.

Невозможность раздела земельного участка и иных объектов недвижимости в натуре не препятствует признанию и определению долей супругов в принадлежащем им общем имуществе, передаче земельного участка и расположенного на нем объекта недвижимости в собственность одного из супругов с выплатой соответствующей компенсации или определению порядка пользования общим имуществом, при соблюдении всех иных требований законодательства. Так, в случае передачи земельного участка, входящего в состав совместно нажитого имущества супругов, в собственность одного из супругов требуется представление в суд доказательств о наличии денежных средств для выплаты, что подтвердит финансовую возможность выплатить определенную судом сумму.

Приведенный анализ правовых норм действующего законодательства указывает на возможную альтернативность в решении вопросов относительно правовой судьбы имущества, нажитого супругами во время брака, в состав которого входит земельный участок, жилой дом и иные объекты недвижимости. Для решения спора о реальном разделе земельного участка в судебном порядке необходимо учитывать требования к образуемым земельным участкам, а также градостроительные регламенты, закрепленные в правилах землепользования и застройки территорий поселений, муниципальных округов, городских округов, несоблюдение которых будет препятствовать регистрации права собственности на земельные участки, образованные в результате раздела земельного участка. При разделе земельного участка, находящегося в общей собственности супругов, необходимо обеспечить соблюдение принципа единства судьбы земельных участков и иных объектов, в соответствии с которым требование о разделе жилого дома не может быть рассмотрено без учета возможности раздела жилого дома и иных объектов, расположенных на данном земельном участке.

Список литературы

1. Земельный Кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Градостроительный Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Правила землепользования и застройки городского округа города Твери, утвержденные решением Тверской городской Думы от 02.07.2003 г. № 71 // Вся Тверь. 2003. № 9.

4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.02.2020 г. № 88-3612/2020 по делу № 2-3/2019 (УИД 31RS0008-01-2018-000553-86) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.07.2025 г. № 18-КГ25-226-К4 (УИД 23RS0008-01-2023-000930-11 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.11.2024 г. № 88-28748/2024 (УИД 32RS0003-01-2021-003284-38) // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.04.2025 г. № 88-9619/2025 (УИД 91RS0018-01-2022-003589-70) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.09.2025 г. № 88-22362/2025 (УИД 01RS0006-01-2024-004471-51) // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ВАСИЛЬЧУК Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2840-5509; e-mail: vasilchuk.74@mail.ru

Considering the permitted use and urban development regulations in the actual division of a land plot and other real estate in the joint ownership of spouses

Yu.V. Vasilchuk

Tver State University, Tver

This article examines practical issues related to the division of land plots and other real estate in the joint ownership of spouses, with regard to compliance with established requirements for the resulting land plots. The purpose of this study is to identify the specifics of the actual division of land plots and other real estate in the joint ownership of spouses through judicial proceedings.

Keywords: *land plot, actual division of land plot, joint property of spouses, requirements for the resulting land plots, types of permitted use of land plots, urban development regulations.*

About author:

VASILCHUK Yulia – PhD in Law, assistant professor, head of chair of environmental law and legal support of professional activity Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 2840-5509, e-mail: vasilchuk.74@mail.ru

Васильчук Ю.В. Учет вида разрешенного использования и градостроительных регламентов при реальном разделе земельного участка и иных объектов недвижимости, находящихся в общей собственности супругов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 32–42.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Правовой статус родителей в эпоху новых репродуктивных технологий: на пути к преднамеренному (осознанному) родительству

А.В. Гринева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Инновационные технологии в сфере репродукции, включая вспомогательные репродуктивные методики и суррогатное материнство, формируют новые правовые парадигмы, которые нуждаются в детальном исследовании и систематизации. Концепция «преднамеренного» или «осознанного» родительства выходит за рамки классического понимания семейных отношений, создавая уникальную правовую реальность, требующую тщательного анализа. В основе доктрины лежит принцип, согласно которому «намерение и согласие» становятся превалирующими факторами при установлении статуса родителей. В статье анализируется применение данного подхода в контексте суррогатного материнства и вспомогательных репродуктивных технологий и выделяется острая юридическая коллизия между правом на прокреативную свободу в ВРТ и подходом «строгой репродуктивной ответственности» в «традиционном» родительстве. Автор приходит к выводу о необходимости установления критериев «осознанности» при принятии лицами решения стать родителями при различных обстоятельствах (например: при принятии беременной женщиной решения о сохранении беременности, при добровольном установлении отцовства, при заключении договора о суррогатном материнстве). В данной статье особое внимание уделяется исследованию баланса интересов всех участников правоотношений в условиях развития альтернативных форм создания семьи в научных публикациях российских и зарубежных авторов.

Ключевые слова: *родительство, осознанное родительство, преднамеренное родительство, законное родительство, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство.*

В отечественной [4, с. 212], равно как и в зарубежной, доктрине семейного права неоднократно поднимался вопрос об определении правовой связи между ребенком и его родителями, будь-то биологическими или социальными.

Современное общество переживает фундаментальную трансформацию института семьи и родительства, обусловленную не только субъективными причинами (например, изменением социальных взглядов на институт семьи, нежеланием женщин жертвовать карьерными перспективами, нежеланием мужчин обременять себя

излишней ответственностью по содержанию семьи, обоюдным нежеланием супружеских пар становиться родителями (т.н. движение «чайлдфри»), но и с объективными (например, с проблемами со здоровьем, как у женщин, так и у мужчин, нестабильной экономической ситуацией и т.д.) [5, с. 199]. Подобные тенденции, безусловно, негативно влияют на демографические показатели, что не может не заботить государство, и невольно стимулируют повышение роли публичного интереса в возникновении родительских правоотношений. Так, данные факторы вместе со значительным прогрессом в области вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) порождают необходимость переосмысления традиционных правовых концепций и формирования новых подходов к регулированию отношений, связанных с установлением родительских правоотношений, прежде всего на первоначальном этапе их возникновения, а именно на этапе осознанного, взвешенного желания стать или не стать родителем. Более того законодательство, как правило, не рассматривает намерение, желание и согласие выступать в качестве законного родителя в качестве действительного способа получения статуса родителя с вытекающими из этого обязанностями и правами [20, с. 259]. В лучшем случае можно найти лишь разрозненные примеры такого понимания, но без какого-либо последовательно разработанного правового обоснования. Настоящее исследование направлено на формирование комплексного понимания данного критерия родительских правоотношений с точки зрения отечественной и зарубежной теории семейного права.

Правовая концепция «преднамеренного родительства» тесно связана с понятием «осознанного родительства» (*conscious parenthood*), которое фокусируется на подготовке мужчин и женщин к статусу родителя и последующего качества воспитания ими детей.

Попытки определить существо «осознанного» родительства принимались прежде всего представителями социальных и психологических наук. Например, М.О. Ермихина определила «родительство» как «осознание духовного единства с брачным партнером по отношению к своим или приемным детям, представляющее собой интегральное психологическое образование личности, включающее совокупность ценностных ориентаций родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля воспитания» [2, с. 7]. Пока некоторые авторы отмечали «осознанность» в качестве базового, неотъемлемого когнитивного компонента родительства [3, с. 15], другие вовсе настаивали на возможности целенаправленного формирования осознанного родительства посредством различных тренингов [2, с. 21].

Самым очевидным полем для проявления осознанности при репродуктивном выборе стал вопрос применения ВРТ, в частности, обращения к суррогатному материнству. Так, А.Х. Ульбашев [9, с. 146],

Е.В. Стеблева [6, с. 15], описывая природу договора о суррогатном материнстве, отмечали, что его целью является реализация родительских прав граждан и восполнение их репродуктивных функций. А.Н. Тихонов же настаивал на направленности волеизъявления сторон при заключении данного договора и отмечал, что «вступая в отношения суррогатного материнства, супружеская пара или одинокая женщина желают стать родителями рожденного суррогатной матерью ребенка, что вполне соответствует ст. 2 СК РФ» [8, с. 57]. Таким образом, первоначальным катализатором возникновения родительских правоотношений все же выступает некое «осознание», «желание» и «намерение» познать радости материнства или отцовства.

Переход к модели преднамеренного родительства создает путь к обеспечению того, что дети, появившиеся на свет, были «преднамеренными» и, следовательно, «желанными» (intended and wanted). Это крайне важно, поскольку имеющиеся исследования свидетельствуют о том, что «желанные дети лучше приспособлены для успешной и здоровой жизни» [17, с. 299].

Исторически вопросы «материнства» считались биологически определенными (по факту рождения) [17, с. 263; 16, с. 636], а «отцовство» предполагалось лишь в браке [17, с. 261], однако, за последние десятилетия ВРТ вызвали драматические и быстрые изменения, которые подвергли сомнениям наше глубочайшее представление о том, что значит быть родителем.

В ответ на эти вызовы возник правовой конструкт, известный как «преднамеренное родительство» («intentional parenthood»), предполагающий, что юридический статус родителя должен быть присвоен любому лицу, которое «намеревается, желает и соглашается» стать законным родителем ребенка, независимо от способа зачатия (половым путем или с помощью ВРТ), а также наличия или отсутствия биологической или генетической связи с эмбрионом или плодом [21, с. 4, 12]. Так, научный прогресс и активное развитие государствами ВРТ, таких как донорство яйцеклеток, спермы и суррогатное материнство, позволило «разделить генетические, гестационные (связанные с вынашиванием) и социальные аспекты родительства» [15, с. 672].

Первой попыткой правового анализа данной концепции, что впоследствии начало обсуждаться среди зарубежного академического сообщества [19, с. 467; 22, с. 297], стало исследование Марджори М. Шульц, которая отстаивала закрепление родительских прав и обязанностей на основе согласованных ожиданий («bargained-for expectations») и вызванного доверия («induced reliance») [25, с. 297]. Впоследствии такой подход иногда начали определять как «установление родительства по соглашению» («determining legal

parenthood by agreement», DLPBA). Данный способ достаточно справедлив, гибок и подходит для решения современных дилемм, возникающих в связи с ВРТ [15, с. 4].

В свете перехода от традиционного суррогатного материнства к гестационному, невольно начало меняться и отношение американских судов к установлению статуса родителя [24, с. 121–122].

Верховный суд Калифорнии в деле *Johnson v. Calvert* [12] часто упоминается как «инициатор доктрины преднамеренного родительства» [16, с. 636]. Супруги Марк и Криспина Калверт хотели иметь ребенка, однако Криспина Калверт перенесла гистерэктомию (удаление матки) и не могла выносить ребенка, но при этом сохраняла способность производить яйцеклетки [16, с. 638]. Стороны заключили договор о суррогатном материнстве с Анной Джонсон, которая должна была выносить и родить оплодотворенного *in vitro* (в пробирке) эмбриона, состоящего из генетического материала Калвертов. Согласно данному соглашению, Анна Джонсон должна была отказаться от любых родительских прав, а Калверты должны были стать законными родителями ребенка, при этом Джонсон должна была получить 10 000 долларов за свои услуги. Однако, во время беременности отношения между суррогатной матерью и заказчиками испортились, и каждая сторона обратилась в суд с требованием объявить себя законным родителем (*declaration of parentage*). Так перед судом впервые в американской практике встал вопрос о том, как определить законную мать в ситуации, когда «генетическое» и «гестационное» материнство были разделены между двумя разными женщинами [15, с. 672–673].

Суд установил, что обе женщины представили «приемлемые доказательства своего материнства» в соответствии с законом Калифорнии о родителстве: материнство Джонсон основывалось на принципе *mater est quam gestatio demonstrat*, т.е. материнство доказывается вынашиванием и родами, а Калверт – на основании генетического материала, использованного при создании эмбриона. Поскольку Суд отклонил возможность установления законного материнства для обеих женщин, необходимо было выбрать лишь одну из них. Так, основанием для предпочтения генетической матери – Калверт – стало не просто биологическое родство (хотя оно присутствовало), а намерение зачать ребенка и воспитать его, которое было выражено четко и явно в договоре о суррогатном материнстве. В то время как суррогатная мать – Джонсон – лишь оказывала возмездную услугу по вынашиванию плода и первоначально, при заключении договора, не имела намерений стать матерью данного ребенка.

Таким образом, дело *Johnson v. Calvert* стало поворотной точкой, поскольку «воля» и «намерение» создать и воспитать ребенка стали считаться достаточным основанием для установления юридического

родительства, когда биологические факторы оказываются спорными или вовсе не применимыми.

Последующие дела, рассмотренные судами в Калифорнии, расширили применение DLPBA. Так, в деле *Buzzanca v. Buzzanca* [11] супружеская пара, страдавшая от бесплодия, приняла решение завести ребенка с помощью ВРТ. Для этого были привлечены донор спермы и донор яйцеклеток; в лабораторных условиях созданы эмбрионы; один из эмбрионов перенесен суррогатной матери, которая согласилась выносить ребенка по договору. Таким образом, ни один из супругов не имел генетической связи с будущим ребенком. Тем не менее, на момент заключения договора о суррогатном материнстве пара находилась в браке и совместно выражала твердое намерение стать родителями.

Однако, ситуация обострилась, когда, уже во время беременности суррогатной матери, супруги приняли решение о разводе. После расторжения брака муж заявил, что не признает себя отцом ребенка, поскольку у него отсутствует биологическое родство с плодом. Он также отказался нести финансовые обязательства по содержанию ребенка, в частности, выплачивать алименты. Жена, напротив, настаивала на том, что ребенок был зачат в рамках их совместного плана по созданию семьи, и оба супруга должны нести родительские обязанности. Она опиралась на условия договора с суррогатной матерью, где четко указывалось, что последняя и ее супруг не претендуют на родительские права.

Суд первой инстанции, рассматривая дело, принял во внимание два ключевых обстоятельства: отсутствие генетической связи между каждым из супругов и ребенком и условия договора, исключавшие суррогатную мать и ее мужа из числа потенциальных родителей [18, с. 494]. На основании данных фактов суд пришел к выводу, что ни одна из сторон (включая бывших супругов) не может считаться законными родителями ребенка. В результате муж был освобожден от обязанности выплачивать алименты [15, с. 673].

Однако, апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции, сформулировав принципиально новый подход к определению родительства в случаях применения ВРТ. Суд указал, что:

- родительство не сводится исключительно к биологическому родству – решающую роль играет намерение лиц стать родителями;
- супруги инициировали всю цепочку событий, приведших к рождению ребенка: от выбора ВРТ до заключения договора с суррогатной матерью;
- отсутствие генетической связи не отменяет родительских прав и обязанностей, если лица осознанно и добровольно участвовали в процессе создания семьи.

Суд подчеркнул, что без волеизъявления супружеской пары зачатие и рождение ребенка были бы невозможны [19, с. 482]. Именно их

намерение и активные действия (выбор донора, оплата процедур, заключение договора) создали юридическую основу для признания их родителями.

Впоследствии концепция преднамеренного родительства была закреплена в различных законодательных актах США, наиболее известным из которых является Закон о единообразном родительском праве (Uniform Parentage Act, UPA) [10]. Этот закон, принятый в нескольких штатах, гласит, что лицо, которое дает согласие на вспомогательную репродукцию «с намерением быть родителем» зачатого таким образом ребенка, является родителем этого ребенка [17, с. 268]. Более того, намерение должно быть доказано посредством «четкого и убедительного доказательства явно выраженного соглашения» между супругами; либо посредством фактических доказательств, к примеру, что стороны «жили вместе и представляли себя родителями» в течение первых двух лет жизни ребенка [17, с. 268].

Несмотря на отсутствие пока в российской теории права трудов, в полной мере осветивших бы критерии «осознанности» и «преднамеренности» возникновения и установления родительского правоотношения, судебная практика уже начала принимать их во внимание. Так, Пленум Верховного Суда РФ, рассматривая практику дел об оспаривании отцовства, выделил в качестве юридически значимого обстоятельства не только «добровольность» согласия отца будущего ребенка на применение метода искусственного оплодотворения, но и на «осознанность» такого согласия [1]. Вместе с тем, как именно определяется данный критерий ни Верховный Суд РФ, ни практика судов общей юрисдикции пока этого не раскрывают.

Концепция преднамеренного родительства в широком смысле защищает право репродуктивного выбора, т.е. право свободно и ответственно принимать решения, касающиеся репродуктивного и сексуального здоровья мужчины и женщины, включая планирование семьи и рождение детей.

При принятии женщиной решения о сохранении беременности, намерение играет двоякую роль: оно может как поддерживать идею родительства через желание сохранить плод, так и отрицать его через намерение провести искусственное прерывание беременности. Так, у беременной женщины, согласно российскому законодательству, есть право самостоятельно оценить свои намерения стать матерью плода в течение первых 12 недель беременности и принять взвешенное и осознанное решение о сохранении или прерывании беременности.

Намерение гестатора (т.е. беременной женщины) должно определять не только ее правовой статус как родителя, но и права плода [17, с. 295]. Так, если женщина намеревается выносить плод, тогда все правовые меры защиты плода *in utero* должны проистекать из этого намерения. Российская доктрина не приемлет концепции

правоспособности nasciturуса [7, с. 55], но его интересы охраняются косвенно – через льготы беременным женщинам, прямо – через установление гражданско-правовых возможностей, например, в институтах наследования (ст. 1116 Гражданского кодекса РФ) или возмещения вреда по случаю потери кормильца (ст. 1088 Гражданского кодекса РФ). Более того, право на естественное биологическое происхождение квалифицируется как одно из фундаментальных и включает обеспечение возможности «знать своих биологических родителей» и свою семейно-генетическую историю.

Однако, наличие у женщины права на прерывание беременности может частично или полностью нивелировать право nasciturуса родиться [7, с. 55]. Если женщина не желает продолжать беременность, то ни мужчина – потенциальный отец ребенка, ни государство не должны иметь никаких прав в отношении существования такого плода. Таким образом встает вопрос об игнорировании законодательством и судебной практикой намерений мужчины осуществить свою репродуктивную свободу при традиционном (естественном) зачатии, поскольку как правило, закон рассматривает половой акт как «принятие на себя риска воспроизводства» (assumed the risk of reproduction) [17, с. 273; 18, с. 500].

Данная политика в значительной степени привела к появлению «нежелательного родительства» [23, с. 162], и подобный подход к установлению отцовства негативно влияет на психику ребенка, который не получает всех благ от отца, который не намерен был таковым становиться, нежели от гипотетического мужчины, желавшего и предпринявшего какие-либо действия по приобретению статуса отца. Отсюда вытекает спорность запрета на расторжение брака в первый год жизни ребенка, который якобы направлен на заботу о родившей женщине и новорожденном ребенке. В связи с этим встает вопрос, если нас действительно волнуют интересы детей, почему мы предполагаем, что детям будет лучше с нежелающими и отрицающими свое отцовство мужчинами, которые в силу каких-то обстоятельств не намерены осуществлять свои родительские функции по отношению к ребенку, рано или поздно добьются расторжения брака и покинут семью? Возможно, вместо того, чтобы принуждать людей оставаться в нежелательных супружеских и родительских отношениях исключительно по соображениям защиты интересов детей, следует сосредоточиться на предоставлении большей финансовой поддержки, субсидировании ухода за детьми или инвестировании в эффективное государственное образование.

Нельзя не отметить прогрессивность американского подхода, поскольку Закон о единообразном родительском праве США 2017 г. поддерживает широкий взгляд на свободу репродуктивного выбора, поскольку его положения предусматривают «желание», независимо от

наличия биологической связи с плодом, стать родителем ребенка на законных основаниях.

Примечательно, что игнорирование нежелания мужчины становиться отцом в большей степени проявляется при традиционном способе зачатия, в то время как ситуация при использовании ВРТ в корне меняется, даже если речь идет о супружеской паре, и присутствует вероятность последующего развода такой пары.

Данная идея ясно прослеживается и в судебной практике национальных судов США. В отличие от подхода, когда намерение используется для установления родительства (см. дело *Buzzanca*), в случае конфликта интересов будущих родителей суды часто отказываются принуждать к родительству.

В рамках бракоразводных процессов, затрагивающих вопросы вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), суды сталкиваются с крайне деликатной задачей – определением судьбы замороженных эмбрионов и установлением родительских прав и обязанностей сторон по отношению к потенциальному потомству. Данная сфера правоприменения остается слабо регламентированной на законодательном уровне, что вынуждает суды прибегать к судебной дискреции.

Если в случае развода один из партнеров отзывает свое согласие на ВРТ и требует уничтожения генетического материала, т.е. явным образом демонстрирует намерение не становиться отцом или матерью, а другой настаивает на его сохранении для последующего рождения ребенка – намерение стать родителем, суды должны стремиться к соразмерному балансу.

Прекрасной иллюстрацией служит дело *A.Z. v. B.Z.* [13], рассмотренное Верховным судом Массачусетса. Пара заключила соглашение, позволявшее женщине продолжить лечение бесплодия через имплантацию эмбрионов. После развода муж отозвал согласие на использование эмбриона, содержащего его генетический материал при ВТР, заявив об отказе от родительства [19, с. 483–484]. Суд отказал в принудительном исполнении положений договора, мотивируя решение государственной политикой: «Мы [не будем] приводить в исполнение соглашение, которое вынудило бы одного из доноров стать родителем против его или ее воли» [13].

Аналогичный подход продемонстрировал Верховный суд Нью-Джерси в деле *J.V. v. M.V.* [14], где уже женщина отказалась от родительских обязательств и расторгла соглашение, предусматривавшее возможность продолжения рода ее мужем после развода. Суд постановил, что договоры, касающиеся семейных отношений, брака или родительства, не могут принудительно применяться к лицам, пересмотревшим свои решения [15, с. 664–665].

Таким образом, зарубежная судебная практика демонстрирует четкую тенденцию: даже при наличии предварительных договоренностей между супругами о намерении стать родителями, которое облачено в «букву» договора о суррогатном материнстве, ни один американский суд не готов принудительно возлагать на человека родительские обязанности против его воли. Это создает определенный правовой дисбаланс, особенно в контексте доступности ВРТ.

Связь биологического отцовства с обязанностью выплачивать алименты усиливает неравенство в установлении родительских прав – в отличие от традиционных методов зачатия, использование репродуктивных технологий дает сторонам больше возможностей для осознанного выбора. Решение этой коллизии требует выработки подходов, обеспечивающих равенство прав всех родителей независимо от способа зачатия и материального положения. Одним из способов обеспечения баланса, по мнению автора, является законодательная гарантия того, что родительство для лица, отозвавшего согласие на ВТР, будет только фактическим (генетическим), по аналогии с «родительством» донора генетического материала, и не будет порождать никаких правовых последствий. Так будут учтены желания родителя, намеревающегося продолжить род, а так же родителя, который утратил интерес и желание по продолжению рода.

Концепция преднамеренного родительства является адаптивным и революционным ответом на современные вызовы ВРТ, привнося в определение родительства элемент сознательного выбора и воли. Доктрина обеспечивает юридическую определенность там, где биологические связи разорваны, и, что особенно важно, гарантирует, что ребенок является «желанным». Тем не менее, полная реализация потенциала преднамеренного родительства сдерживается сохраняющимся противоречием между подходом, основанным на намерении в ВРТ, и подходом, основанным на генетической и гестационной связи, характерной для традиционных подходов семейного права. Для дальнейшего развития теории родительства необходимо принять родительство не только как пороговое явление (т.е. начало прав и обязанностей), но и как явление динамическое, претерпевающее многообразные видоизменения, касающиеся существования семьи и воспитания ребенка. Таким образом «намеренными родителями» должны признаваться лица, которые:

- 1) желают и намереваются стать родителями до зачатия ребенка, при этом они считают и будут считать его своим собственным;
- 2) принимают морально и юридически допустимые меры в соответствии с этим намерением, что приводит к зачатию ребенка;
- 3) обладают намерением и способностью заботиться о ребенке.

Для будущего юридического регулирования, особенно в контексте новых технологий, «намерение» должно стать универсальной основой

для установления статуса законного родителя независимо от метода зачатия, биологического или генетического родства субъекта с получившимся эмбрионом или плодом. Установление родительства, основанного на намерениях, по нашему мнению, позволит повысить «авторитет» родительства как социально-правового института.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». П. 30 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.
2. Ермихина М.О. Субъективно-психологические факторы формирования родительства : автореф. дис. ... канд. псих. наук. Екатеринбург. 2003. 22 с.
3. Комарова И.А., Пойда О.В. Феномен осознанного родительства: теоретический и практический аспекты: учебно-методические материалы // Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова. 2014. 108 с.
4. Комиссарова Е.Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 208-238. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-208-238.
5. Муратова С.А. Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 198–202. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-198-202>
6. Стеблева Е.В. Проблемы реализации прав участников отношений суррогатного материнства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 18 с.
7. Тарусина Н.Н. Несколько тезисов о «праве родиться» // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 5. С. 52–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.052-062.
8. Тихонов А.Н. Некоторые аспекты правового регулирования отношений суррогатного материнства // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 56–64. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_56.
9. Ульбашев А.Х. Договор суррогатного материнства как согласование воли в семейном законодательстве Беларуси, Казахстана и России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2018. № 2. С. 140–146.
10. Uniform Law Commission. Uniform Parentage Act. 2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uniformlaws.org/committees/community-home/librarydocuments?LibraryKey=7bd3aca3-acc5-4e17-bccd-e8eceb818b11&5a583082-7c67-452b-9777-e4bdf7e1c729=eyJsaWJyYXJ5Zj50cnkiOiI4NzA5ZjI0YS1mNTRmLTQzMtYmQ2Yy0wMThkM2Q4ZGRmNWUifQ%3D%3D> (дата обращения: 23.01.2026).
11. California Court of Appeals. In re the Marriage of Buzzanca v. Buzzanca. 72 Cal. Rptr. 2d 280. 61 Cal.App.4th 1410; Decision of 10 March 1998.
12. California Supreme Court. Calvert v. Johnson. 851 P.2d 776. Decision of 20 May 1993.

13. Massachusetts Supreme Judicial Court. *A.Z. v. B.Z.* 725 N.E.2d 1051,1059. Decision of 31 March 2000.

14. Supreme Court of New Jersey. *J.B. v. M.B.* 783 A.2d 707. Decision of 14 August 2001.

15. Apel S. Cryopreserved embryos: A response to «forced parenthood» and the role of intent // *Family Law Quarterl.* 2005. Vol. 39. No. 3. P. 663-681.

16. Douglas G. The Intention to be a parent and the making of mothers // *The Modern law review.* 1994. Vol. 57. P. 636-641.

17. Hermer L. Intentional parenthood, contingent fetal personhood, and the right to reproductive self-determination // *University of Michigan Journal of Law Reform.* 2024. Vol. 57. No. 2. P. 259-299.

18. Jacobs M. Intentional parenthood's influence: rethinking procreative autonomy and federal paternity establishment policy // *American University Journal of Gender Social Policy and Law.* 2020. Vol. 20. No. 3. P. 489-508.

19. Jacobs M. Parental parity: intentional parenthood's promise // *Buffalo Law Review.* 2016. Vol. 64. No. 3. P. 465-498.

20. Margalit Y. Determining legal parentage - between family law and contract law // Cambridge University Press. 2019. 334 p. DOI:10.1017/9781108525329.

21. Margalit Y. The brave new world of intentional parenthood // *Family Court Review.* 2025. P. 1–25. DOI: 10.1111/fcre.12853. NeJaime D. Family law in a changing America // Aspen Publishing, 2024. 2nd ed. - 1048 p.

22. Pralat R. Parenthood as intended: Reproductive responsibility, moral judgements and having children «by accident» // *Social Review.* 2020. Vol. 68(1). P. 161-176. DOI: 10.1177/0038026119868643.

23. Scott E. Surrogacy and the politics of commodification // *Law and Contemporary Problems.* 2009. Vol. 72. No. 3. P. 109-146.

24. Shultz M. Reproductive technology and the intent-based parenthood: an opportunity for gender neutrality // *Wisconsin law review.* 1990. Vol. 2. P. 297-398.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), SPIN-код: 2936-2603, e-mail: annagrין@rambler.ru

The legal status of parents in the era of new reproductive technologies: towards intentional parenthood

A.V. Grineva

Southwest State University, Kursk

Innovative technologies in the field of reproduction, including assisted reproductive techniques and surrogacy, are forming new legal paradigms that need detailed research and systematisation. The concept of «intentional» or «conscious» parenthood goes beyond the classical understanding of family relations, creating a unique legal reality that requires careful analysis. The

doctrine is based on the principle that «intention and consent» become the predominant factors in determining the status of parents. The article analyzes the application of this approach in the context of surrogacy and assisted reproductive technologies and highlights the acute legal conflict between the right to procreative freedom in ART and the approach of «strict reproductive responsibility» in «traditional» parenting. The author comes to the conclusion that it is necessary to establish criteria for «consciousness», when individuals decide to become parents under various circumstances (for example, when a pregnant woman decides to remain pregnant, when voluntarily establishing paternity, when concluding a surrogacy agreement). In this article, special attention is paid to balance of interests of all participants in legal relations in the context of the development of alternative forms of family formation in scientific publications by Russian and foreign authors.

Keywords: *parenthood, conscious parenthood, intentional parenthood, legal parenthood, assisted reproductive technologies, surrogate motherhood.*

About author:

GRINEVA Anna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwest State University (305040, Kursk, st. 50 years of October, 94), SPIN-code: 2936-2603, e-mail: annagrין@rambler.ru

Гринева А.В. Правовой статус родителей в эпоху новых репродуктивных технологий: на пути к преднамеренному (осознанному) родительству // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 43–54.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Ограничения на выезд ребенка за пределы Российской Федерации: старый вопрос – новые проблемы

М.В. Громоздина

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления», г. Новосибирск

Статья посвящена анализу повторного незаконного удержания несовершеннолетнего ребенка в Российской Федерации в рамках ранее рассмотренного трансграничного семейного спора (на конкретном примере судебной практики). Особое внимание уделяется противоречиям между судебным решением, вынесенным в соответствии с международной конвенцией о похищении детей (Гаагская конвенция 1980 г.), и ведомственными административными процедурами, закрепляющими порядок выставления и снятия запрета на выезд ребенка. Вследствие правовых коллизий и отсутствия эффективного межведомственного взаимодействия нарушаются законные права и интересы несовершеннолетних детей. Автор приходит к выводу, что действующий механизм выставления и снятия запретов на выезд несовершеннолетних не учитывает в полной мере интересы ребенка, создавая условия для злоупотребления правом со стороны недобросовестных родителей, выражающих несогласие на выезд ребенка за пределы Российской Федерации.

Ключевые слова: *интересы ребенка, злоупотребление правом, ограничение на выезд ребенка, родительские права, международный договор, межведомственное взаимодействие, права и интересы несовершеннолетнего ребенка, трансграничные семейные споры.*

Ограничение выезда несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации за пределы страны в связи с несогласием одного из законных представителей представляет собой широко распространенную правоприменительную практику, регулируемую нормами Федерального закона от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – Закон о въезде и выезде) [1].

В соответствии со ст. 21 Закона о въезде и выезде заявление законного представителя несовершеннолетнего о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации может быть отозвано указанным законным представителем во внесудебном порядке. Далее отмечается, что в случае спора между родителями в связи с несогласием законного представителя несовершеннолетнего на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации вопрос о

возможности его выезда из Российской Федерации разрешается в судебном порядке.

Институт ограничения выезда несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации за пределы страны представляет собой уникальный гибрид семейного и административного права с сильным миграционно-пограничным элементом. Это не санкция, а охранительная мера, которая, во-первых, смещает точку разрешения конфликта из сферы экстерриториальных споров (между государствами) в национальную судебную плоскость (внутри России); во-вторых, формализует и делает публичным частный родительский конфликт, привлекая к его разрешению государственные органы (МВД, суд, ФСБ); в-третьих, носит обеспечительный характер для будущего судебного решения по существу спора о воспитании ребенка.

Таким образом, можно обобщить, что суть института ограничения выезда несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации за пределы страны заключается в создании эффективного административного «предохранителя», который, временно блокируя возможность трансграничного перемещения ребенка, принуждает родителей к разрешению своих разногласий в правовом поле Российской Федерации под контролем ее судебных органов, что в конечном счете служит стабильности правового положения несовершеннолетнего и снижению рисков его международного похищения.

Правовое регулирование трансграничных споров о детях представляет собой комплексную область, находящуюся на стыке международного частного, семейного и административного права. Несмотря на существование универсальных инструментов, таких как Гагская конвенция 1980 г. «О гражданско-правовых аспектах международного похищения детей», их эффективность на практике зачастую нивелируется внутренними административными процедурами государства-участника.

Нормы международного законодательства, направленные на противодействие незаконному перемещению детей, формируют автономный правовой режим, выступая в качестве самостоятельного регулятора трансграничных споров данной категории. Данный режим характеризуется собственной системой принципов, специализированными процедурными механизмами и обособленной юрисдикционной логикой, отличной от национальных институтов семейного и гражданского процессуального права.

Действительно, Конвенция считается одним из наиболее удачных международных документов, выработанных по международному частному праву [4]. Причиной ее разработки и принятия явился рост числа похищенных детей своими же родителями, состоящими, как правило, в трансграничных браках, в связи с разводами и возвращением

одного из них на родину вместе с детьми. До принятия этой Конвенции полностью отсутствовал правовой механизм для возвращения детей в место их обычного проживания. Не вдаваясь в анализ отдельных положений названного акта, следует отметить некоторые важные аспекты:

– Конвенция устанавливает международно-правовой механизм для немедленного возвращения детей, незаконно перемещенных или удерживаемых за границей, в государство их обычного проживания;

– Конвенция исключает рассмотрение спора между родителями о месте жительства ребенка или опеке над ним: вопросы по существу (с кем и где будет жить ребенок) должны решаться судами того государства, где ребенок проживал до похищения.

Российская Федерация присоединилась к этой Конвенции в 2011 г. и уже на протяжении 15 лет достаточно успешно реализует ее положения (с учетом внесенных изменений в национальное законодательство) в правоприменительной деятельности для разрешения споров о похищении детей. Однако, как выяснилось, применение Конвенции не разрешает все потенциальные проблемы, вытекающие из подобных споров.

Одной из фундаментальных проблем является то, что судебное решение, вынесенное в рамках процедуры Конвенции и предписывающее возвращение ребенка, носит сугубо восстановительный и ситуативный характер. Оно не содержит в себе превентивных механизмов, способных гарантировать недопущение рецидива – повторного незаконного перемещения ребенка или иных форм злоупотребления правом со стороны родителя, изначально нарушившего закон.

Более того, успешная реализация такого решения, по сути, воссоздает правовые и фактические условия, которые изначально позволили совершить акт похищения. Как правило, родитель-похититель возвращается в страну постоянного проживания ребенка, сохраняет родительские права, но вопросы, связанные с воспитанием ребенка, все еще предстоит разрешать в судебном порядке. Таким образом, применение Конвенции, эффективно купируя последствия конкретного противоправного акта, не разрешает лежащий в его основе конфликт доверия между родителями и не устраняет системные правовые риски, оставляя ребенка в потенциально уязвимом положении.

Для наглядного подтверждения своих выводов рассмотрим пример конкретной ситуации. История началась почти десять лет назад. В 2016 г. отец вывез пятилетнего мальчика из Казахстана в Россию без согласия матери. Он забрал ребенка из детского сада под предлогом прогулки и исчез. На момент этих событий отец уже несколько лет не участвовал в воспитании и содержании ребенка, проживал в России.

Когда мать поняла, что ребенка отец украл и не собирается возвращать, она начала процедуру возвращения посредством Гаагской конвенции 1980 г. «О гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» через Центральный суд г. Новосибирска. Суд принял решение о немедленном возвращении ребенка в Республику Казахстан. После вступления решения в законную силу (ноябрь 2017 г.) ребенок вернулся домой и вполне благополучно жил и учился в Казахстане, не выезжая за пределы страны, до июля 2025 г. В 2025 г. ситуация неожиданно повторилась: 14-летний подросток, возвращающийся из России домой в Казахстан, был снят с поезда на российско-казахской границе из-за запрета на выезд, установленного отцом еще в ноябре 2017 г. Для справки: в период с 2018 по 2025 гг. отец несовершеннолетнего находился в федеральном розыске как неплательщик алиментов. Решение суда о взыскании алиментов на детей было вынесено в Казахстане, признано и принято к исполнению на территории России. Но должник умело скрывался от приставов, несмотря на принятые меры по его розыску. Этот факт делал ситуацию с запретом на выезд ребенка за пределы России особенно абсурдным: родитель, злостно уклоняющийся от родительских обязанностей, продолжал сохранять возможность ограничивать передвижения ребенка. В действительности, по мнению некоторых исследователей, такое право одного родителя принимать серьезные решения об ограничении на выезд ребенка только по своему собственному желанию (не всегда обоснованному) является нарушением конституционных прав ребенка на свободу передвижения (ст. 27 Конституции РФ) и наносит ущерб его интересам [2].

Важно понимать, что при установлении запрета на выезд ребенка компетентные органы (на данный момент МВД (ФМС) РФ, а ранее Пограничная служба РФ) не запрашивают информацию о наличии судебных решений по спорам о детях, не уведомляют второго родителя о выставлении запрета на выезд ребенка. В связи с чем высказываются обоснованные опасения относительно ситуаций, когда родителем изначально было дано нотариальное согласие на выезд ребенка за пределы России, а позже подано заявление в компетентные органы о несогласии на его выезд, но без отзыва первоначального нотариального документа [5]. Это позволяет недобросовестным родителям единолично ограничивать права ребенка и, по сути, второго родителя и даже манипулировать ситуацией.

В описанной ситуации матери не было известно о наличии запрета на выезд, выставленного в далеком прошлом отцом, и даже при желании проверить вряд ли смогла бы это сделать. Несмотря на наличие решения суда (первой и апелляционных инстанций) 2017 г., пограничные службы руководствовались актуальным запретом в системе, рассматривая сложившуюся ситуацию как обычный спор между родителями о несогласии на выезд. Мать и сын среди ночи были

сняты с поезда, вернулись в Новосибирск в надежде, что судебные решения помогут изменить ситуацию.

Обращения в Пограничное управление ФСБ РФ, прокуратуру и к судебным приставам с просьбой разрешить выезд на основании имеющего решения суда не принесли результата – везде рекомендовали вновь обратиться в суд. Запрет был выставлен отцом, но так как его место жительства неизвестно, зарегистрированного на его имя телефонного номера нет, то направить ему запрос с просьбой отозвать запрет не представлялось возможным, т. е. возможности разрешения этого вопроса добровольным (внесудебным) способом не было.

Обозначенная ситуация демонстрирует неоднозначность правового регулирования данного спора, потому как, с одной стороны, запрет на выезд был инициирован одним из родителей, и ситуация выглядит как спор между родителями; с другой стороны, хотя ограничение на выезд выставлено родителем, в действительности спор между ними уже был разрешен и основания для запрета на выезд объективно отсутствуют. В связи с этим были основания для обращения в суд с двумя исками поочередно или параллельно:

1) к отцу ребенка о снятии запрета на выезд и разрешении на выезд несовершеннолетнего независимо от согласия второго родителя;

2) пограничному Управлению ФСБ РФ (административный иск) о признании действий незаконными и отмене запрета на выезд ребенка.

Остается открытым вопрос, почему решение суда от 2017 г., вступившее в законную силу, не оказало юридического воздействия на ситуацию 2025 г.? События 2025 г. непосредственно связаны с обстоятельствами 2016–2017 гг., и тогда это решение позволило ребенку покинуть территорию Российской Федерации. Согласно ст. 13 Гражданского процессуального кодекса РФ судебные решения подлежат неукоснительному исполнению и являются обязательными для всех без исключения. Сроков действия решение суда не имеет, а значит имелись все основания для повторного применения решения суда спустя 8 лет с момента его принятия.

Следует обратить внимание и согласиться с тем, что семейно-правовые нормы определяют требования к форме и содержанию отношений между родителями и детьми, что дает основания категорично заявлять о необходимости учета интересов детей во всех ситуациях, когда в семье решается любой вопрос, прямо или косвенно их затрагивающий [3]. Ограничение на выезд ребенка за пределы Российской Федерации в целом, и в конкретном случае в частности, прямо затрагивает интересы последнего, а следовательно, должно рассматриваться через призму защиту законных прав и интересов несовершеннолетнего.

Эта ситуация демонстрирует наличие ряда проблем, связанных с регулированием родительских отношений в случаях проживания

родителей в разных государствах и выставления запрета на выезд ребенка за границу РФ одним из них. Среди них следует отметить следующие: приоритет ведомственных инструкций над судебными решениями; отсутствие проверки добросовестности лиц (родителей), устанавливающих запреты на выезд детей; отсутствие уведомления второго родителя (иного законного представителя) о принятом решении об ограничении выезда ребенка за пределы РФ; отсутствие эффективного межведомственного взаимодействия по вопросам пересекающейся компетенции.

Существующий порядок установления запретов на выезд детей требует пересмотра. Необходимо обязать компетентные органы выставлять запреты / ограничения на выезд детей, запрашивать информацию о судебных решениях по спорам о детях и уведомлять второго родителя об установлении таких ограничений, усилить межведомственное взаимодействие. Внесение указанных поправок позволит превратить запрет / ограничение на выезд несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации за пределы страны из инструмента одностороннего давления в сбалансированный правовой механизм.

Список литературы

1. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СПС «Гарант».
2. Дергунова В.А., Голубенко К.А., Закожурникова Д.О. Правовое регулирование порядка выезда несовершеннолетних граждан из Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 82–90.
3. Ильина О.Ю. Конституционно-правовые основы социального вектора современной социальной семейной политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 33–42.
4. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (научно-практический комментарий). М.: Статут, 2016. 320 с.
5. Петрова Ю.О. Особенности получения согласия родителей (законных представителей) на выезд несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2019. Том 16, № 1. С. 25–28.

Об авторе:

ГРОМОЗДИНА Мария Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, ФГБОУ ВО «Новосибирского государственного университета экономики и управления», (630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56), SPIN-код: 8584-3204, e-mail: gromlaws@mail.ru

Restrictions on a child's departure from the Russian Federation: recurring issues and emerging challenges

M.V. Gromozdina

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

This article analyzes a case of repeated wrongful retention of a minor within the Russian Federation following the resolution of an international child abduction dispute. Using a specific example from judicial practice, the study focuses on the fundamental conflict between a court order issued pursuant to the international child abduction treaty (the 1980 Hague Convention) and domestic administrative procedures governing the imposition and revocation of a child exit ban. The author demonstrates that these legal collisions, exacerbated by a lack of effective inter-agency cooperation, result in violations of the legitimate rights and interests of minors. The conclusion is drawn that the current mechanism for managing child exit bans fails to adequately consider the child's best interests, thereby creating conditions for the abuse of rights by a disputing parent acting in bad faith to object to the child's departure from the Russian Federation.

Keywords: *child's best interests, abuse of rights, child travel restrictions, parental rights, international treaty, inter-agency cooperation, rights of the minor child, cross-border family disputes.*

About author:

GROMOZDINA Maria – PhD in Law, associate Professor of the department of civil and commercial law, Novosibirsk State University of Economics and Management (630099, Novosibirsk, 56 Kamenskaya St.), SPIN-code: 8584-3204, e-mail: gromlaws@mail.ru

Громоздина М.В. Ограничения на выезд ребенка за пределы Российской Федерации: старый вопрос – новые проблемы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 55–61.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера в отношении транспортных средств, находящихся в совместной собственности супругов: социально-политическая целесообразность vs ответственность без вины

Ю.А. Дронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье актуализирована проблема применения конфискации имущества как меры уголовно-правового характера в отношении автомобилей, находящихся в совместной собственности супругов. Анализируются позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, содержащие обоснование правомерности конфискации совместной собственности супругов при совершении преступления одним из них. Сформулированы определенные выводы как относительно соответствующего тренда в правоприменительной практике по уголовным делам, так и о балансе между социально-политической целесообразностью данного подхода в правоприменении с одной стороны и принципами уголовной ответственности с другой стороны.

***Ключевые слова:** конфискация имущества, мера уголовно-правового характера, управление транспортным средством в состоянии опьянения, Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ.*

Конфискация имущества как институт уголовного права в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) с момента его вступления в силу подверглась радикальной трансформации. В первоначальной его редакции она, как известно, входила в систему наказаний и относилась к числу дополнительных наказаний. В силу определенных причин, подробный анализ которых не имеет принципиального значения в рамках настоящей статьи, Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» конфискация имущества была исключена из системы наказаний. Однако спустя примерно два с половиной года Федеральным законом от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма" и Федерального закона "О противодействии терроризму"» Раздел VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» был дополнен гл. 15.1 «Конфискация имущества». Изменение правовой природы (а вместе с тем и оснований)

конфискации имущества, на наш взгляд, не в последнюю очередь было связано с тем обстоятельством, что в своем прежнем формате она нередко выглядела как в некотором роде произвольное лишение права собственности. Тогда как в качестве иной меры уголовно-правового характера она может применяться лишь при установлении прямой связи с совершенным преступлением. Далее, Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в ч. 1 ст. 104.1 Конфискация имущества был введен п. «д», согласно которому конфискация применяется в отношении «транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного статьей 264.1, 264.2 или 264.3 настоящего Кодекса» [1]. Это составы преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения, в том числе управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или уже имеющим судимость за подобные деяния. Именно в связи с применением конфискации транспортных средств за совершение данного деяния и актуализировалась в судебной практике проблема правомерности их изъятия и обращения в собственность государства, если речь идет об автомобилях, находящихся в общей совместной собственности супругов.

Несложно предположить, что супруги лиц, совершивших соответствующие преступления, лишившиеся вследствие применения института конфискации имущества транспортных средств, стали активно обжаловать приговоры судов. В развитие ситуации Верховный Суд РФ как в целом ряде определений по конкретным делам, так позднее и в тексте профильного Постановления Пленума (далее – ППВС) не только «засилил» эту практику, но и сориентировал нижестоящие суды на обязательность конфискации транспортных средств за управление ими в состоянии опьянения (при наличии административной преюдиции или судимости).

Так, ППВС было дополнено п. 3(1), в абз. 2 которого разъясняется, что «для целей главы 15.1 Уголовного кодекса Российской Федерации принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов» [4]. Также ППВС было дополнено п. 3(3) следующего содержания: «судам следует иметь в виду, что исходя из требований статей 104.1 и 104.2 УК РФ конфискация имущества, в том числе транспортного средства согласно пункту “д” части 1 статьи 104.1 УК РФ, подлежит обязательному применению при наличии оснований и соблюдении условий, предусмотренных нормами главы 15.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [4].

Естественным образом далее ситуация развивалась в русле отнюдь не единичных фактов обращения супругов-сособственников конфискованных транспортных средств в Конституционный Суд РФ с жалобами об оспаривании конституционности пункта «д» ч. 1 ст. 104.1 «Конфискация имущества» УК РФ. Конституционный Суд неоднократно отказывал в рассмотрении подобных жалоб по существу, даже не вдаваясь в вопрос о правомерности конфискации транспортного средства именно в отношении супруга(и) осужденного. Так, например, в мотивировочной части Определения по жалобе Мироненко Конституционный Суд РФ отмечает, что «такая мера соразмерна общественной опасности деяния, носит оправданный и объективно обоснованный характер, направлена на обеспечение общественной безопасности, предупреждение новых преступлений и не предполагает ее произвольного применения <...> Тем самым оспариваемое заявителем законоположение не содержит неопределенности, которая препятствовала бы единообразному пониманию и применению конфискации правоприменительными органами <...> Таким образом, данная жалоба, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению» [3].

И это в некотором роде странно, т.к. в описательной части Определения отмечается, что «по мнению заявительницы, оспариваемое законоположение не соответствует <...> Конституции Российской Федерации в той мере, в какой допускает конфискацию общего имущества супругов (транспортного средства), в котором осужденному причитается только доля, а также позволяет лишать права собственности бывшего супруга (их брак с осужденным был расторгнут решением мирового судьи от 24 апреля 2023 года)» [3]. То есть на эту детализацию в просительной части жалобы Конституционный Суд по сути никак не отреагировал. И подобных «отказных» определений по сходным жалобам было вынесено значительное количество.

Но в мае 2025 г. Конституционный Суд рассмотрел по существу жалобу гражданки О.А. Андрияновой. В целом жалоба была типичной с точки зрения содержащихся в ней доводов, специфика состояла в том, что супруг гражданки, осужденный за управление транспортным средством в состоянии опьянения, скончался до момента конфискации автомобиля. Также отметим, что О.А. Андриянова просила «признать оспариваемое законоположение не соответствующим статьям 19 (части 1 и 2), 35 (части 1–3) и 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку оно позволяет применять конфискацию транспортного средства в отношении лица, не допускавшего противоправного поведения и являющегося наследником гражданина, осужденного за преступление, совершенное при использовании этого транспортного средства, находившегося в совместной собственности с этим лицом, а также не предусматривает

механизма защиты прав такого лица, в том числе в части получения равноценного возмещения в счет (взамен) изъятого у него имущества» [2]. Представляется, что выделенная курсивом часть заслуживала бы отдельных аргументов со стороны Конституционного Суда при формировании им правовой позиции по данному делу. Однако таковых в Постановлении Конституционного Суда не содержится.

Характеризуя исход рассмотрения этого дела, процитируем доктора юридических наук, профессора Г.А. Есакова, весьма эмоционально высказавшегося по данному вопросу: «умеренно-оптимистические ожидания от этого дела сводились к тому, что суд разрешит частную ситуацию с конфискацией унаследованного автомобиля; однако существовала и слабая надежда на то, что практика конфискации транспортных средств, находящихся в совместной собственности, будет каким-то образом пересмотрена или скорректирована. Оправдался самый пессимистичный прогноз: дело Андрияновой было использовано судом как повод утвердить конституционность сложившейся практики, но только с более расширенной аргументацией в сравнении с ранее выносившимися определениями» [5].

Квинтэссенция правовой позиции Конституционного РФ по данному делу в том аспекте, который является предметом исследования в настоящей статье, сводится к следующей аргументации: «особый правовой статус семьи и сам характер супружеских отношений предполагают возможность влияния одного супруга на поведение другого, не подразумевающего, по крайней мере, безразличного, а тем более толерантного отношения к повторному управлению в состоянии опьянения транспортным средством» [2]. Хочется задать уважаемым судьям вопрос: на основании чего презюмируется упомянутое ими безразличное/толерантное отношение супруга к соответствующему поведению другого, равно как и отсутствие попыток влияния на подобное поведение? Какие законоположения отрасли семейного права лежат в основе изложенной выше правой позиции?

Относительно доводов жалобы в части, касающейся того обстоятельства, что конфискация была исполнена уже после того, как осужденный супруг гражданки Андрияновой скончался, Конституционный Суд высказался в том смысле, что «хотя ограничение права собственности лица, невиновного в преступлении, совершенном его супругом (супругой) <...>, уже не может быть конституционно обосновано необходимостью предупредить совершение тем же виновным лицом новых подобных преступлений ввиду его смерти, сохранение в случае таковой в силе решения о конфискации конституционно оправдано в системе действующего правового регулирования значением конфискации как меры общей превенции. Смерть лица, совершившего преступление, <...> не ведет к нарушению баланса между интересами общества в предотвращении преступлений и

необходимостью защиты прав пережившего супруга (супруги), невиновного в совершении <...> преступления, нажитое во время брака имущество, а потому применение в этом случае данной меры не может оцениваться как вступающее в противоречие с предписаниями Конституции Российской Федерации» [2].

Что можно резюмировать относительно состоявшегося решения Конституционного Суда и окончательного утверждения таким образом сложившегося до этого тренда в правоприменении? Проблематика баланса частных и публичных интересов актуализировалась применительно к рассмотренному в настоящей статье вопросу, пожалуй, в абсолютной степени. Будучи рядовым гражданином и понимая определенную безысходность ситуации с количеством фактов управления транспортными средствами в состоянии опьянения и тщетность попыток законодателя бороться с ними в чистом виде инструментарием системы административных и уголовных наказаний, хочется сказать: «Может хоть конфискация автомобилей остановит эту вакханалию среди наших сограждан!» И в этом порыве, казалось бы, можно забыть об интересах супруга-сособственника. Однако понимание принципов, на которых базируется юридическая ответственность в совокупности с основами конституционного, гражданско-правового и семейно-правового регулирования вопросов права собственности препятствует подобной идеализации публичного интереса в решении данного вопроса. Выразим осторожную надежду на то, что один из абзацев в мотивировочной части того же самого Постановления Конституционного Суда РФ может поспособствовать дальнейшему конструктивному решению проблемы, поднятой в настоящей статье. А абзац этот имеет следующее содержание: «Сказанное не исключает возможности федерального законодателя внести в законодательство изменения и дополнения, направленные на совершенствование правового регулирования конфискации имущества и ее исполнения» [2].

Список литературы

1. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2025 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта “д” части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.А. Андрияновой» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2024 г. № 2958-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мироненко Натальи Олеговны на нарушение ее конституционных прав пунктом “д” части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-29102024-n-2958-o/> (дата обращения: 15.01.2026).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 г. № 45 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года № 17 “О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве”» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Есаков Г.А. Без (?) вины виноватые // Закон. 2025. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/11236> (дата обращения: 15.01.2026).

Об авторе:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, AuthorID: 651111, e-mail: Dronova.YA@tversu.ru

Confiscation of property as a criminal measure in relation to vehicles jointly owned by spouses: socio-political expediency vs no-fault liability

Yu.A. Dronova

Tver State University, Tver

This article addresses the issue of property confiscation as a criminal measure against vehicles jointly owned by spouses. It analyzes the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, which provide justification for the legality of confiscating the joint property of spouses when one of them commits a crime. Certain conclusions are formulated regarding both the relevant trend in criminal law enforcement practice and the balance between the socio-political feasibility of this approach to law enforcement, on the one hand, and the principles of criminal liability, on the other.

Keywords: *property confiscation, criminal measure, driving.*

About author:

DRONOVA Julia – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, AuthorID: 651111, e-mail: Dronova.YA@tversu.ru

Дронова Ю.А. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера в отношении транспортных средств, находящихся в совместной собственности супругов: социально-политическая целесообразность vs ответственность без вины // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 62–67.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних при отмене усыновления

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются вопросы обеспечения прав и законных интересов ребенка при отмене усыновления. Автором проанализирован порядок и основания отмены усыновления. Особое внимание уделено последствиям отмены усыновления с точки зрения обеспечения приоритета интересов ребенка. Сформулированы предложения по установлению специальных мер ответственности, которые должны применяться в случаях виновного уклонения от воспитания и содержания усыновленного ребенка. Отмечается необходимость обращения к историческому и зарубежному опыту отмены усыновления в части признания усыновления недействительным, возможности прекращения усыновления путем лишения родительских прав, а также закрепление такого основания отмены, как противоправные действия усыновленного ребенка.

Ключевые слова: судебная защита прав и интересов, несовершеннолетний, отмена усыновления, гражданский процесс.

Семейное законодательство РФ закрепляет положение о том, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних (ст. 1 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [1]. Представляется, что данные начала семейного законодательства имеют особое значение в случае отмены усыновления ребенка.

Традиционно именно усыновление ребенка рассматривается как приоритетная форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, поскольку позволяет надеяться в большей степени на то, что дальнейшая жизнь ребенка сложится благополучно [16, с. 20]. Ведь именно семья создает необходимые условия для воспитания, развития и жизнедеятельности человека в целом, она связывает каждого ее члена с другими людьми, обществом и государством [6, с. 6–8]. Предполагается, что усыновители не только по форме, но и по существу должны заменить усыновленному ребенку его родителей. Кроме того, при усыновлении нет того временного характера воспитания детей в семье, который свойственен иным формам [3, с. 4].

К сожалению, успешно завершённая процедура усыновления не всегда является гарантией такого семейного воспитания [14, с. 55].

Семейным законодательством РФ предусмотрены не только основания к отмене усыновления ребенка, но и последствия такой отмены. Хотя, конечно, отмена усыновления как институт семейного права должна быть исключена из СК РФ. Прежде всего, с целью обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних. Поскольку законодательно должен быть предусмотрен такой порядок усыновления ребенка, который позволит ребенку еще один раз и навсегда обрести полноценную семью и в дальнейшем не допустит установления обстоятельств, позволяющих отменить его усыновление.

В частности, ст. 141 СК РФ закрепляет, что усыновление ребенка может быть отменено в случае виновного поведения усыновителя. Например, если усыновители уклоняются от выполнения возложенных на них родительских обязанностей, злоупотребляют родительскими правами или же жестоко обращаются с усыновленным ребенком, являются хроническими алкоголиками или наркоманами. При этом в указанных случаях не требуется согласия ребенка на отмену усыновления.

Кроме того, в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» (далее – постановление Пленума ВС РФ) [20] установлены иные обстоятельства, которые могут возникнуть и не по вине усыновителей, но в любом случае отрицательно влияют на интересы усыновленного ребенка: отсутствие взаимопонимания в силу личных качеств усыновителя и (или) усыновленного, в результате чего усыновитель не пользуется авторитетом у ребенка либо ребенок не ощущает себя членом семьи усыновителя; выявление после усыновления умственной неполноценности или наследственных отклонений в состоянии здоровья ребенка, существенно затрудняющих либо делающих невозможным процесс воспитания, о наличии которых усыновитель не был предупрежден при усыновлении. При этом, не совсем понятно, почему отсутствие взаимопонимания в силу личных качеств усыновителя и (или) усыновленного относится к невиновным основаниям отмены усыновления? Ведь одним из документов, который обязательно необходимо приложить к заявлению об усыновлении, является подтверждение прохождения в установленном порядке подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка. Поэтому возникает вопрос: насколько эффективно обучение, которое проходят потенциальные родители перед усыновлением ребенка? Возможно, чтобы не допустить обращения усыновителей по таким основаниям, должен быть предусмотрен обязательный порядок взаимодействия усыновляемого и усыновителей не только в рамках подготовки к усыновлению; например, можно позаимствовать опыт европейских стран, в которых предусмотрена процедура обязательного предварительного общения, так называемый преадаптационный

период, свидетельствующий о желании принять ребенка в семью [19, с. 74–75]. После помещения усыновляемого ребенка в семью можно определить его эмоциональную расположенность к усыновителям во избежание негативных последствий в будущем [14, с. 29].

Действительно, как отмечала А.М. Нечаева, «трудности вращивания усыновленного в новую семью бывают разными. Иногда с помощью врача, педагога их удается преодолеть. В других случаях развиваются отношения внешне вполне благополучные, а внутренне уже надломленные, готовые превратиться в катастрофу, особенно в период взросления подростка. Само собой разумеется, когда любовь к ребенку побеждает, проблем с отменой усыновления, как правило, не возникает» [11, с. 106–107].

Относительно состояния здоровья ребенка следует обратить внимание на тот факт, что к заключению органов опеки и попечительства обязательно прикладывается медицинское заключение о состоянии здоровья, физическом и умственном развитии усыновляемого ребенка. И если у родителей нет права отказаться от заболевших родных детей, то и при усыновлении обязательное условие – проведение серьезного обследования здоровья ребенка, обязательное предупреждение потенциальных родителей быть готовыми к тому, что чаще всего сиротами становятся дети из не очень благополучных семей и с плохой наследственностью.

Получается, что фактически перечень оснований для отмены усыновления является открытым и не имеет никаких законодательных ограничений. Единственное условие отмены усыновления – необходимо исходить из интересов ребенка и учитывать его мнение. При этом возникает вопрос: всегда ли, применяя «другие основания» для отмены усыновления, суд исходит непосредственно из приоритета интересов ребенка? Можно ли отменить усыновление по таким основаниям, как отсутствие желания быть дальше усыновителем, наличие других детей в новом браке, присутствие страхов или опасений, нежелание нести ответственность [4, с. 51]?

Так, например, в судебной практике встречаются случаи, когда отмена усыновления инициируется родителем, который усыновил ребенка как отчим после регистрации брака с его матерью. Однако после расторжения брака усыновитель перестает общаться не только со своей бывшей супругой, но и с усыновленным ребенком, устранившись от его воспитания и содержания. В дальнейшем усыновитель обращается в суд с исковым заявлением об отмене усыновления, обосновывая свое требование тем, что не желает принимать участие в жизни ребенка и нести за него ответственность, поскольку не имеет привязанности как отца к ребенку. При этом суд, удовлетворяя такие требования, указывает, что решение принимается прежде всего в интересах ребенка [21, 22].

Безусловно, суд не может восстановить семейные связи между ребенком и его усыновителем или обязать заботиться о ребенке и принимать участие в его воспитании. Но если усыновитель заявляет, что он не желает принимать участие в жизни ребенка, это однозначно надо расценивать как виновное уклонение от выполнения своих обязанностей как родителя. Ведь при усыновлении ребенка отчим должен был осознавать отсутствие связи между браком с матерью ребенка и теми родительскими обязанностями, которые он берет на себя. Следовательно, к таким усыновителям должны быть применены меры ответственности по аналогии с последствиями лишения родительских прав. Усыновление ребенка в подобных случаях не может рассматриваться как принятие обязанностей супругом как родителем ребенка [14, с. 61–62]. Суд должен рассмотреть вопрос о взыскании алиментов на ребенка с такого «родителя». Поэтому положение ст. 143 СК РФ необходимо дополнить указанием на то, что в случаях виновного уклонения от выполнения обязанностей усыновитель должен выплачивать средства на содержание ребенка.

Отмена усыновления может причинить вред психическому здоровью ребенка [4, с. 50–51]. Ведь ребенок еще раз лишается семьи, ему повторно могут поменять фамилию, имя и отчество. При этом в п. 21 постановления Пленума ВС РФ даны разъяснения о том, что согласие ребенка требуется только в случае, если он достиг возраста 10 лет. Представляется, что при установлении возрастных границ необходимо учитывать индивидуальное развитие каждого ребенка, поскольку дети в одном и том же возрасте могут быть абсолютно разными. И, конечно, принимать во внимание тот факт, что ребенок и до достижения 10-летнего возраста уже может себя идентифицировать. Поэтому вопрос о согласии ребенка на сохранение присвоенных ему в связи с усыновлением имени, отчества и фамилии должен быть рассмотрен независимо от достигнутого ребенком возраста.

В постановлении Пленума ВС РФ указано, что, поскольку родительские права и обязанности возникают у усыновителей в результате усыновления, а не происхождения от них детей, в случаях виновных действий усыновителей судом может быть решен вопрос только об отмене усыновления, а не о лишении или ограничении родительских прав (п. 21).

Возможно, необходимо изменить и подход к самой процедуре отмены усыновления. Ведь усыновители с момента вступления решения в законную силу и регистрации данного юридического факта в органах загса стали родителями этого ребенка. Именно с этого момента на них распространяются все обязанности, которые законодательно закреплены за любыми другими родителями, и не совсем понятно, почему усыновители, приобретая статус родителей на основании решения суда об усыновлении, лишаются этого статуса в особом порядке. Ведь

законодательно не закреплён порядок отказа от кровных детей, за исключением применения таких мер, как лишение и ограничение родительских прав, но в этом случае мы говорим о наличии виновных действий (бездействий) со стороны родителей [4, с. 52]. Так, например, законодательством ряда стран (например, во Франции) усыновление не подлежит отмене, а прекращение полномочий усыновителя может быть произведено при помощи норм о лишении родительских прав.

Интерес представляет и законодательство Италии, в котором предусмотрены в качестве оснований отмены не только виновные действия усыновителей, но и противоправные действия усыновленного ребенка, когда нормы о лишении родительских прав применяются в отношении ребенка [4, с. 61–62, 153].

Следует согласиться с Л.Ю. Михеевой в том, что «правовые последствия усыновления носят бессрочный характер» [10, с. 78–79]. Поэтому положения семейного законодательства об ограничении или лишении родительских прав возможно применять и к родителям, усыновившим детей. Ведь они давали согласие не просто на усыновление, а именно на то, что готовы стать родителями этого ребенка, обеспечить благоприятные условия, способствующие гармоничному развитию ребенка и позволяющие оказать ему реальную помощь во всестороннем развитии [9, с. 44–45]. Поэтому не может быть наделен сам усыновитель правом обратиться с иском об отмене усыновления, подобно тому, как не могут обратиться с иском о лишении их родительских прав родители ребенка [5, с. 26]. Необходимо отметить, что ранее действовавшим законодательством такое право усыновителей не было предусмотрено [9, с. 162]. Ведь в случае предъявления иска об отмене усыновления самим усыновителем надлежащим ответчиком по делу является усыновленный ребенок, который точно самостоятельно не сможет осуществлять свои права и обязанности, в том числе и право на защиту. Усыновители, как и родители, не должны иметь право отказываться от своих детей. Ведь усыновление – это добровольное принятие на себя родительских обязанностей по отношению к чужому ребенку, взятые на себя перед ребенком обязанности должны носить безотзывной характер: усыновитель не вправе требовать их прекращения. Кроме того, обязанности по воспитанию ребенка принимаются вне зависимости от физических данных или умственных способностей усыновленного ребенка [3, с. 152–153]. Представляется, что только в случае установления существенных для дела обстоятельств, которые не были и не могли быть известны усыновителю, он может быть наделен правом обратиться в суд. Но в этом случае усыновитель уже обращается в суд с требованием о признании усыновления недействительным. И тогда надлежащим ответчиком по делу будет орган опеки и попечительства,

на который законом возложена обязанность представления всех необходимых для усыновления документов.

Ранее в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. был предусмотрен такой институт как признание усыновления недействительным, и в ст. 112 предусматривался такой порядок в случаях, когда судом будет установлено, что решение об усыновлении было основано на подложных документах. Таким образом, усыновление прекращалось его отменой или признанием недействительным [18, с. 12].

В свое время А.И. Пергамент отмечала, что допустимо условно разграничивать два вида прекращения усыновления, понимая под отменой усыновления отмену по основаниям, возникшим после вынесения акта об усыновлении, а под признанием недействительности отмену по основаниям, существующим в момент его усыновления [12, с. 130–131].

Так, признать усыновление недействительным могут также заинтересованные лица, которые обоснуют, что усыновлением были нарушены не только их права и законные интересы, но и интересы усыновленного ребенка. В качестве примера можно привести случай, когда с требованием об отмене усыновления обратились бабушка и брат усыновленного ребенка. Они хотели признать усыновление незаконным, поскольку считали, что оно было основано на подложных документах. С одной стороны, бабушка и брат усыновленного ребенка являются его близкими родственниками, но законодательством они не включены в круг лиц, имеющих право требовать отмены усыновления в установленном порядке [15, с. 414–416, 420–423].

В настоящее время, если судебное решение по делу об усыновлении было вынесено на основе «сфальсифицированных» документов, возможно обращение только с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам в порядке гл. 42 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ). Так, ч. 3 ст. 392 ГПК РФ устанавливает, что к вновь открывшимся обстоятельствам относятся не только заведомо ложные показания свидетеля, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод, но и фальсификация доказательств, повлекшие за собой принятие незаконного или необоснованного судебного постановления. И тогда получается, что в случае удовлетворения такого заявления суд должен отменить судебное решение об усыновлении и вынести новое решение об отмене усыновления. Однако к моменту вынесения этого «нового» решения ребенок уже долгое время живет у новых родителей. Возникает вопрос: насколько отмена судебного решения об усыновлении соответствует его интересам или по крайней мере учитывает наличие его интересов? [15, с. 414–416, 420–423]. Возможно, в таких случаях необходимо установить срок, в течение которого может быть заявлено требование о признании усыновления недействительным.

Например, в течение трех лет со дня, следующим за днем усыновления, как было в свое время предусмотрено в законодательстве одной из республик СССР [18, с. 23]; либо в течение двух лет, как это было закреплено в Законах гражданских Российской империи [3, с. 14]. Возможно, законодательно установить и более краткий срок (например, годичный), но только для родителей, которые узнали об усыновлении ребенка без их согласия другим лицом [9, с. 159; 3, с. 149].

Необходимо отметить, что отмена усыновления ребенка производится в судебном порядке в рамках искового производства (ст. 275 ГПК РФ) [2]. Процессуальное законодательство не содержит особенности рассмотрения в суде данной категории дел. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» даны разъяснения только положений семейного законодательства. В связи с тем, что «при рассмотрении судом споров, возникающих из семейных правоотношений и так или иначе затрагивающих интересы детей, следует учитывать два аспекта: а) интересы ребенка должны быть обеспечены наилучшим образом; б) интересы ребенка должны быть обеспечены в приоритете» [8, с. 12], целесообразно детально разъяснить процессуальные особенности рассмотрения судами дел об отмене усыновления. Представляется, что в постановлении Пленума ВС РФ необходимо предусмотреть отдельный раздел, в который нужно включить разъяснения, касающиеся порядка обращения в суд; состав лиц, участвующих в деле; порядок подготовки дела к судебному разбирательству и исследование доказательств в зависимости от оснований отмены усыновления; возможность суда выйти за пределы заявленных требований в интересах ребенка; особенности судебного разбирательства и судебного решения.

В частности, ст. 142 СК РФ устанавливает, что правом обращаться в суд с требованием об отмене усыновления ребенка обладают его родители, усыновители, усыновленный ребенок, достигший возраста 14 лет, орган опеки и попечительства, прокурор. Именно причины отмены усыновления становятся основаниями для обращения в суд. В случае виновного поведения усыновителя только государство в лице органов опеки и попечительства и прокурора должно вмешаться в семейные отношения усыновителя и усыновленного, поскольку этого требуют интересы усыновленного ребенка [14, с. 67–68; 13, с. 41]. Необходимо отметить, что правом требовать отмены усыновления ребенка обладает и сам усыновленный ребенок, достигший возраста 14 лет. Но при этом законодательно не предусмотрен механизм реализации этой возможности, поэтому вряд ли несовершеннолетний сможет самостоятельно обратиться в суд и обеспечить защиту своих интересов.

Представляется, что только при установлении существенных для дела обстоятельств, которые не были и не могли быть известны

усыновителю, он может быть наделен правом обратиться в суд. Но в этом случае усыновитель уже обращается в суд с требованием о признании усыновления недействительным. И тогда надлежащим ответчиком по делу будет орган опеки и попечительства, на который законом возложена обязанность представления заключения об усыновлении ребенка. Кроме того, с требованием о признании усыновления недействительным могут обратиться родители усыновленного ребенка, которые не давали согласие на усыновление ребенка, или не было законных оснований на усыновление ребенка без их согласия. Право на обращение в суд может быть предоставлено и другим близким родственникам усыновленного ребенка, если усыновлением были нарушены не только их права и законные интересы, но и интересы ребенка.

К участию в деле могут быть привлечены и другие заинтересованные лица, учреждение, в котором находился ребенок до усыновления, сам ребенок в возрасте от 10 до 14 лет. Суд должен рассмотреть возможность опросить ребенка в возрасте младше 10 лет, если придет к выводу о том, что ребенок способен сформулировать свои взгляды по вопросам, касающимся отмены его усыновления, для того чтобы дело об отмене усыновления было рассмотрено максимально в интересах ребенка.

Целесообразно предусмотреть и особый порядок представления и исследования доказательств по делу. В частности, в исковом заявлении должны быть указаны обстоятельства, обосновывающие просьбу об отмене усыновления, и подтверждающие их доказательства; приложены документы, свидетельствующие о виновном поведении усыновителя; либо документы, подтверждающие обстоятельства, которые не были и не могли быть известны усыновителю при вынесении судебного решения об усыновлении. Орган опеки и попечительства должен в каждом случае дать заключение об условиях жизни и воспитания ребенка в семье усыновителей.

Статья 57 ГПК РФ закрепляет положение о том, что доказательства представляются лицами, участвующими в деле. При этом суд вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства. В случае, если представление необходимых доказательств для этих лиц затруднительно, суд по их ходатайству оказывает содействие в собирании и истребовании доказательств. Представляется, что применительно к делам об отмене усыновления должно быть закреплено право суда по собственной инициативе истребовать доказательства, если это требуется для обеспечения интересов ребенка.

В юридической литературе высказывается точка зрения о том, что для дел об отмене усыновления следует предусмотреть обязательное назначение в стадии подготовки дела к судебному разбирательству

судебно-психиатрической или судебно-психологической (в отдельных случаях – комплексной) экспертизы. Ведь в случае отмены усыновления необходимо установить, оказывали ли родители вредное воздействие на детей, личные особенности каждого из родителей, психологические особенности формирующейся личности ребенка, особенности восприятия им поведения родителей, степени влияния типичного поведения родителей на формирование у ребенка определенных установок, что является сферой эксперта-психолога. Поэтому при наличии «семейного конфликта» судом должна быть назначена судебно-психологическая экспертиза [19, с. 99–101]. Кроме того, экспертиза может подтвердить или опровергнуть тот факт, что отмена усыновления действительно отвечает интересам ребенка.

В связи с тем, что при рассмотрении дела об отмене усыновления затрагиваются интересы несовершеннолетнего, необходимо закрепить правило о закрытом судебном заседании.

Гарантией для несовершеннолетних должно стать обеспечение независимого квалифицированного представительства и назначение в качестве представителя адвоката, поскольку при рассмотрении подобных дел явно усматривается противоречие интересов ребенка и его законного представителя [7, с. 98–103].

Дополнительные требования должны быть установлены и к содержанию решения суда. В частности, в судебном решении должны быть урегулированы вопросы о том, кому передается ребенок в случае отмены усыновления; сохраняются ли за ребенком присвоенные ему в связи с его усыновлением имя, отчество и фамилия; определен размер выплат на содержание ребенка; прекращаются ли взаимные права и обязанности усыновленного ребенка и усыновителей (родственников усыновителей) и восстанавливаются ли взаимные права и обязанности ребенка и его родителей (его родственников), если этого требуют интересы ребенка.

В заключение необходимо отметить, что процедура отмены усыновления должна быть допустима в исключительных случаях и только в интересах ребенка, а основания для отмены усыновления должны подтвердить, что усыновленный ребенок действительно находится в ненадлежащих условиях жизни, не соответствующих его интересам. Ведь цель усыновления состоит не только в том, чтобы ребенок приобрел семью, но и в том, чтобы интересы ребенка были максимально учтены в результате усыновления [9, с. 192]. Поэтому судебный порядок отмены усыновления должен гарантировать обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетнего.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Абдулина О.П. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. Ростов-на-Дону, 2008. 223 с.
4. Беглярова Е.Г. Основания, порядок, правовые последствия отмены усыновления // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 1. С. 48–54.
5. Белякова А., Карев Д.С., Орлов В.С. Правовая охрана детства. М., 1968. 158 с.
6. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 6–8.
7. Жукова О.В. Защита прав и интересов несовершеннолетних в административном судопроизводстве через призму представительства // Роль адвоката в обеспечении эффективности судебной защиты: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2023. 160 с.
8. Ильина О.Ю. О множественности отцов в родительском правоотношении // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 12.
9. Летова Н.В. Усыновление в Российской Федерации: правовые проблемы. М., 2006. 256 с.
10. Михеева Л.Ю. Опекa и попечительство: теория и практика / под ред. Р.П. Мананковой. М., 2004. 368 с.
11. Нечаева А.М. Споры о детях. М., 1989. 160 с.
12. Пергамент А.И. Опекa и попечительство. М., 1966. 161 с.
13. Семенова Е.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел об отмене усыновления: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. 206 с.
14. Смолина Л.А., Задесенская Я.В. Институт усыновления в России и странах Европы: сравнительное теоретико-правовое исследование: монография. М., 2014. 189 с.
15. Султанов А.Р. Борьба за право на обжалование: Записки судебного юриста. М., 2022. 590 с.
16. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. Семейное право России: монография / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М., 2022. 736 с.
17. Червяков К.К. Установление отцовства и прекращение родительских прав и обязанностей. Саратов, 1972. 169 с.
18. Шахматов В.П. Усыновление, опека и попечительство. Красноярск, 1979. 58 с.
19. Шерстнева Н.С. Терещенко Е.Э. Правовое регулирование усыновления как одной из форм устройства детей в семью на воспитание. Тверь-Клин, 2003. 188 с.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Российская газета. 2006. 3 мая.

21. Решение Бейского районного суда Республики Хакасия от 10 июня 2022 г. по делу № 2-247/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru> (дата обращения: 14.01.2026).

22. Решение Ленинского районного суда г. Краснодара от 17 февраля 2021 г. по делу № 2-4351/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://arbitr.garant.ru> (дата обращения: 14.01.2026).

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; ORCID: 0000-0001-6716-3726, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Ensuring priority protection of rights and interests minors in case of cancellation of adoption

O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

The article discusses the issues of ensuring the rights and legitimate interests of the child in case of cancellation of adoption. The author analyzes the procedure and grounds for the cancellation of adoption. Special attention is paid to the consequences of the cancellation of adoption in terms of ensuring the priority of the interests of the child. Proposals have been formulated to establish special measures of responsibility that should be applied in cases of culpable evasion from the upbringing and maintenance of an adopted child. It is noted that it is necessary to refer to the historical and foreign experience of the cancellation of adoption in terms of the recognition of the adoption as invalid, the possibility of termination of adoption by deprivation of parental rights, as well as the consolidation of such grounds for cancellation as illegal actions of the adopted child.

Keywords: *judicial protection of rights and interests, minor, cancellation of the suspension, civil procedure.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, Associate Professor, Head at the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; ORCID: 0000-0001-6716-3726, e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. Обеспечение приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних при отмене усыновления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 68–78.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Проблемные вопросы признания обязательства общим долгом супругов

М.С. Иванова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются материально-правовые и некоторые процессуальные особенности признания обязательства общим долгом супругов. Автор акцентирует внимание на соотношении общих и личных обязательств супругов, их правовой природе с точки зрения практической возможности доказывания в процессе защиты прав как супругов, так и кредиторов. Цель исследования заключается в обосновании необходимости применения правовой модели иска о присуждении к требованиям о признании долга общим. Задачи исследования включают: анализ существующего подхода судебной практики к признанию обязательства общим долгом супругов как иска о признании и иска о присуждении; выявление теоретических и практических противоречий в действующих моделях; обоснование необходимости единого подхода к пониманию порядка признания обязательства общим долгом супругов в правоприменительной практике для обеспечения баланса интересов супругов и кредиторов. Объектом исследования выступают обязательственные отношения супругов и кредиторов, а также правоотношения, возникающие в процессе судебной защиты прав в условиях банкротства одного из супругов. Предметом исследования является вопрос о применении исковой давности к требованиям о признании обязательства общим долгом супругов. Методологическая база исследования включает системно-структурный, сравнительно-правовой и формально-логический методы, а также метод правового моделирования.

Ключевые слова: *супруги, общий долг супругов, банкротство, общая совместная собственность, личный долг супруга, кредиторы, иск о признании, иск о присуждении, исковая давность.*

Тридцать лет действует Семейный кодекс Российской Федерации [1] (далее – СК РФ), регулируя важные для государства и общества правоотношения, обеспечивая их стабильность. Умеренность изменений семейного законодательства, безусловно, можно расценивать как исключительно положительный факт. Тем не менее развитие науки и техники, изменения качества и темпа жизни, общественных и экономических отношений, их взаимная обусловленность и связь оказывают влияние на семейные правоотношения, правоприменительную практику и свидетельствуют о необходимости адаптации правовых норм к существующим реалиям.

В рамках данной статьи будет рассмотрен вопрос об обязательствах супругов с точки зрения защиты прав как самих участников семейных

правоотношений, так и прав кредиторов. Актуальность выбранной темы обусловлена, во-первых, достаточным количеством судебных споров, в том числе в процедуре банкротства, во-вторых, необходимостью теоретического осмысления и формирования единой позиции относительно судебного способа защиты при признании обязательств одного из супругов общим долгом.

Следует заметить, что за весь период действия СК РФ положения ст. 45, устанавливающей ответственность, основания для признания долга общим, общий порядок обращения взыскания на имущество супругов, не изменялись совсем. При этом сам факт наличия правовой нормы, указывающей на общий характер обязательств, возникших в браке в связи с нуждами семьи, является прогрессивной нормой, потому что ни в Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР [5], ни в Кодексе о браке и семье РСФСР от 30.07.1969 г. [4] подобной нормы не содержалось, упоминались только личные долги. То есть за сто лет развития семейного права вопросы общих долгов наиболее остро возникают последние лет двадцать и решаются не законодателем, а на уровне судебных разъяснений. Эти разъяснения не всегда последовательны, что приводит к разнообразию практики. Однако положения ст. 45 СК РФ, Обзоры судебной практики [7, 8] и Постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации [3] явно свидетельствуют о презумпции раздельности долгов при одновременной презумпции общности имущества. Не вдаваясь в дискуссию относительно сущности и роли презумпций, согласимся с пониманием презумпции как определенного факта, который предполагается достоверным, пока не доказано иное. Поскольку защита права в большинстве случаев осуществляется в юрисдикционном порядке, то презумпции используются не как теоретические конструкции, а имеют практическое значение, устанавливая и распределяя бремя доказывания. Такие правовые нормы, закрепляющие презумпции, являются материально-правовыми по своей сути, и при этом связаны и определяют использование процессуальных прав.

Еще одной смежной материально-правовой и процессуальной категорией является выбор способа защиты прав. Решение, какой иск предъявить, обусловлено не просто соблюдением установленных процессуальным законодательством правил, а прежде всего сущностью правоотношения. В связи с этим теория исков, их разделение на иски о признании, преобразовательные иски и иски о присуждении, имеет важное материально-правовое и практическое значение. Для рассмотрения вопроса о признании обязательства общим долгом супругов указание на презумпции и теорию исков необходимо для более четкого понимания правовых позиций, которые даны высшим судом, и являются ориентиром для правоприменителей.

Исходя из системного толкования СК РФ и социальной действительности, отношения между супругами можно условно разделить на внутренние и внешние. Когда супруги в судебном порядке решают вопрос о разделе имущества, в составе которого обнаруживаются обязательства общие и личные, то это можно отнести к внутренним отношениям супругов. Заявление одним из них требования о признании долга общим права третьих лиц (кредиторов) не нарушает, в имущественной сфере каждого из супругов такое требование ничего не меняет, влияет на объем компенсации или расчет стоимости долей в общем имуществе. Заявление требования о признании долга общим может быть определено как требование о признании, т. е. суд при наличии доказательств, предусмотренных п. 2 ст. 45 СК РФ и подтверждающих расходование заемных средств в период брака на нужды и в интересах семьи, констатирует этот факт, основывая на нем расчет компенсации. К требованиям о признании не применяются сроки исковой давности [12], и в целом подобные требования о признании долга общим во внутреннем споре между супругами направлены и в теории, и в практике на обеспечение баланса интересов супругов или бывших супругов.

Во внешних отношениях с третьими лицами ясности относительно правовой природы требований о признании обязательства общим долгом супругов несколько меньше. Например, кредитор, заключая договор займа, может быть, во-первых, не осведомлен о семейном положении заемщика. Во-вторых, абстрактный характер обязательств по российскому праву не предполагает, что кредитор обязан интересоваться, на что же будут потрачены заемные средства. Исходя из таких условий, предъявлять требования о возврате денежных средств в случае ненадлежащего исполнения обязательств кредитор будет к заемщику. То обстоятельство, что заемщик состоит или состоял на момент заключения договора займа в браке, а деньги потрачены в интересах семьи, может проясниться на стадии исполнения решения и обычно в случаях недостаточности имущества должника и (или) необходимости обращения взыскания на общее имущество супругов. У кредитора в целях своевременного исполнения решения, процессуальной экономии возникает непреодолимое желание в процессе исполнения признать долг общим и получить свои деньги за счет обращения взыскания на имущество другого супруга, особенно если это имущество реально есть или было заранее «переведено» на другого супруга.

Осложняется ситуация тем, что требования заявляются кредиторами или арбитражным управляющим в процедуре банкротства одного из супругов. Поскольку процедура банкротства достаточно длительная и ориентирована на обеспечение прежде всего имущественных прав кредиторов, то понимание и выявление сущности требований о признании долга общим необходимо для определения

возможности применения срока исковой давности. К искам о признании исковая давность не применяется, а к требованиям о присуждении применяется общий трехгодичный срок, предусмотренный ст. 196 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2].

В ходе процедуры банкротства или исполнения решения суда кредитором инициируется перед судом требование о признании долга общим, приводятся различные доказательства тех обстоятельств, которые предусмотрены ст. 45 СК РФ. Суд при наличии к тому оснований принимает эти доказательства как достоверные и удовлетворяет требование об обращении взыскания на долю супруга должника, а при недостаточности и на личное имущество. Заявления супруга должника о пропуске срока исковой давности отклоняются, потому что иск-то о признании, суд же просто подтверждает, что обязательство является общим долгом супругов, а раз он и возник как общий, этот долг, то и исполняться должен соответствующим образом. С одной стороны, вроде бы логично: притязание кредитора направлено на подтверждение того положения, которое уже существует, является не реакцией на нарушение права, а способом предотвратить возможное нарушение права, т. е. остаться без переданных в долг денег, следовательно, и задавниваться не должно. С другой стороны, в таком положении и толковании прослеживается некоторая сущностная несправедливость. Правила об исковой давности направлены на укрепление стабильности оборота и возлагают на участников правоотношений обязанность добросовестно пользоваться правом на судебную защиту. Возможность вмешательства во внутренние экономические отношения семьи не может исключаться из общего принципа стабильности, напротив, требует тщательного подхода. На кредитора возлагается риск выбора заемщика, особенно если это профессиональный участник (банк, МФО), следовательно, выяснять матримониальный статус возможно и должно в первоначальном процессе по взысканию долга, а установив, что заемщик в браке, своевременно выяснять характер долга, привлекая к участию в деле другого супруга и взыскивая в солидарном порядке долг, если удастся доказать его общность. В таких случаях споры об исковой давности сводятся к минимуму, иск о признании сочетается с иском о присуждении. Иным вариантом может быть отдельно инициированный иск, сочетающий требования кредитора о признании долга общим и взыскании с другого супруга как с солидарного должника денежных средств. Это будет иск о присуждении, поскольку кредитор такими требованиями преследует цель изменить как свое имущественное положение, так и другого супруга, признав его должником по обязательству, а значит исковая давность будет действовать. Использование же подмены иском о признании обязательства общим долгом супругов фактического обращения взыскания на долю другого

супруга в общем имуществе недопустимо. Это не только позволяет обходить правила об исковой давности, нарушая принципы стабильности и добросовестности, но и исключает этап получения судебного решения о взыскании с другого супруга общего долга, лишая его права на заявление возражений против долга и прочих ходатайств, предусмотренных процессуальным законодательством.

За последние несколько лет Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) не единожды пробовал сформулировать свою позицию по данному вопросу. В Определении судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ по делу Е. Темниковой указано, что «наличие судебного акта о признании обязательства должника общим обязательством супругов не является применительно к пункту 1 статьи 213.5 Закона о банкротстве решением суда, подтверждающим требование кредитора по денежному обязательству супруги должника» [11]. То есть Верховный Суд РФ разделяет требования о признании долга общим и требования к другому супругу о взыскании общего долга.

В деле супругов Валеевых [10] высшим судебным органом поддерживается позиция, что обязательство одного из супругов не делает автоматически долг общим, если это не установлено судебным актом и требования к другому супругу не предъявлены своевременно. То есть тоже разделяет требования о признании обязательства общим долгом и требования о взыскании общего долга с другого супруга.

Особый интерес вызывает Определение судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24.10.2025 г. № 307-ЭС25-6752 [9], в котором основанием для отмены решений, принятых нижестоящими судами, является неправильное применение норм материального права, а именно понимание судами требования о признании обязательства общим долгом супругов как иска о признании, в то время как это иск о присуждении. Кредитор обратился с заявлением о признании обязательств должника перед ним общими обязательствами супругов. Он ссылаясь на то, что договор займа был заключен в 2019 г., а денежные средства были предоставлены и в 2019, 2021 и 2022 гг. В период заключения этого договора займа и передачи денежных средств должник был в браке, супруга знала о наличии задолженности по спорным обязательствам. В период выдачи займа супруги вели совместную коммерческую деятельность, что предполагает совместное управление финансами. Суды признали обязательства общими. Они согласились с доводами кредитора и сослались на то, что денежные средства были израсходованы на нужды семьи. Возражение об истечении давности суды отвергли, т. к. посчитали, что заявленное требование направлено не на взыскание задолженности, а на распределение средств, вырученных от реализации общего имущества супругов.

Верховный Суд РФ с такой позицией не согласился, указав, что, делая вывод о признании обязательства гражданина общим

обязательством супругов, суды не указали, к какому из перечисленных в ст. 208 ГК РФ требований, на которые не распространяется исковая давность, относится спорное требование.

Признание обязательства гражданина общим с его супругом влечет появление у кредитора права на удовлетворение своего требования, в том числе за счет имущества, принадлежащего супругу должника. Тем самым супруг гражданина, признанного банкротом, становится фактически содолжником в обязательстве и начинает отвечать как своей долей в общем имуществе, так и своим личным имуществом перед кредитором. В связи с этим на данное требование, как на иск о присуждении, распространяется общий срок исковой давности [6].

Анализ подходов к квалификации требований о признании обязательства общим долгом супругов показывает отсутствие единообразия в их правовой оценке, в том числе в части отнесения таких требований к искам о признании либо к искам о присуждении. Выявленные теоретические и практические противоречия свидетельствуют о том, что признание обязательства общим влечет самостоятельные имущественные последствия для супруга должника, а значит такие требования не могут быть подменены иском о признании, к которому не применяется исковая давность. В этой связи представляется обоснованным применение правовой модели иска о присуждении к требованиям о признании долга общим, что позволяет обеспечить стабильность оборота, баланс прав супругов и кредиторов.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г., с изм. от 25.11.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969 г.) (ред. от 07.03.1995 г., с изм. от 29.12.1995 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).
5. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).
6. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.11.2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2025 г. № 307-ЭС25-6752 по делу № А56-13766/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.05.2024 г. № 306-ЭС23-26737 по делу № А65-24356/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2022 г. № 309-ЭС22-16470 по делу № А71-2503/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Солдатенко С.В. Применение исковой давности к искам о признании: проблемы теории и практики // Сделки, представительство, исковая давность: сб. работ выпускников РШЧП. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. С. 577–603.

Об авторе:

ИВАНОВА Мария Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3509-5382, AuthorID: 1185103, e-mail: ivanova.ms@tversu.ru

Problematic issues of recognizing the common duty of spouses

M.S. Ivanova

Tver State University, Tver

The research objectives include: analyzing the existing judicial practice approach to recognizing a joint debt as a claim for recognition and a claim for award; identifying theoretical and practical contradictions in the current models; and substantiating the need for a unified approach to understanding the procedure for recognizing a joint debt in law enforcement practice to ensure a balance between the interests of spouses and creditors. The object of the study is the obligatory relations between spouses and creditors, as well as the legal relations that arise in the process of judicial protection of rights in the context of bankruptcy of one of the spouses. The subject of the study is the issue of applying the statute of limitations to claims for recognition of a common debt of the spouses. The methodological framework of the study includes system-structural, comparative-legal, and formal-logical methods, as well as the method of legal modeling.

Keywords: *spouses, joint debt of spouses, bankruptcy, joint and several property, personal debt of a spouse, creditors, claim for recognition, claim for award, limitation period.*

About author:

IVANOVA Maria – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Tver State University (Zhelyabova str., 33, 170100, Tver), SPIN-code: 3509-5382, AuthorID: 1185103, e-mail: ivanova.ms@tversu.ru

Иванова М.С. Проблемные вопросы признания обязательства общим долгом супругов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 79–85.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Трансформация понятия «интересы ребенка»: правовой и психологический аспекты

А.С. Калашникова

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва;
ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва

В статье обсуждается концепция «наилучших интересов ребенка» – приводится анализ различных подходов к пониманию понятия «интересы ребенка» в отечественной и зарубежной практике. Делается акцент на том, что юридическое определение «интересов ребенка» должно быть расширено и переосмыслено с позиций психологической науки. Поднимается вопрос необходимости проведения законодательной реформы, направленной на конкретизацию содержания понятия «интересы ребенка», разработку практических критериев его определения и создание механизмов обеспечения учета интересов ребенка при принятии всех решений, касающихся его жизни и будущего.
Ключевые слова: *интересы ребенка, психологическое благополучие ребенка, высококонфликтный развод.*

Тридцатилетие со дня принятия Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) является благоприятным моментом для переосмысления одного из фундаментальных принципов, лежащих в основе защиты прав несовершеннолетних граждан – принципа защиты интересов ребенка. На протяжении трех десятилетий российское семейное право эволюционировало, интегрируя в свою концептуальную и нормативно-правовую базу международные стандарты защиты детей, включая положения Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка (1989 г.) [3], которая закрепила принцип «наилучших интересов ребенка» в качестве одного из основных принципов правовой защиты несовершеннолетних.

Однако, несмотря на значительный прогресс в правовом регулировании отношений с участием детей, концепция «интересов ребенка» остается недостаточно разработанной как на теоретическом уровне, так и в практике правоприменения [11, с. 75]. Понятие это остается во многом неопределенным и размытым, что создает трудности при его практическом применении судами, органами опеки и попечительства и иными должностными лицами, призванными защищать права и интересы детей. Отсутствие четкого определения и содержания этого понятия приводит к произвольному толкованию и субъективному применению норм семейного законодательства, что

неблагоприятно влияет на эффективность правовой защиты интересов несовершеннолетних граждан, в том числе по делам по семейным спорам [9, 21].

Так, в семейном законодательстве понятие «интересы ребенка» употребляется лишь в декларативном виде. Согласно СК РФ [4], при расторжении брака и отсутствии соглашения, а также, если таковое нарушает интересы детей или одного из супругов, определение места жительства детей производится в судебном порядке, исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. Важным фактором судебного решения об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей или порядка встреч ребенка с отдельно проживающим родителем является учет мнения ребенка. Согласно ст. 57 СК РФ, «ребенок вправе выразить свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам».

Актуальность изучения понятия «интересы ребенка» обусловлена несколькими факторами. Во-первых, данное понятие имеет принципиальное значение для всей системы правовой защиты детей, поскольку именно через развитие и конкретизацию понятия «интересы ребенка» возможно эффективное применение большинства норм семейного законодательства [14, с. 85]. Во-вторых, существует необходимость гармонизации российского законодательства с международными стандартами в области защиты прав и интересов детей. В-третьих, имеет место возрастающая сложность случаев судебных разбирательств в ситуациях высококонфликтных разводов, которые требуют более глубокого понимания реальных потребностей и интересов ребенка на различных этапах его развития [19].

Концепция «интересов ребенка» не является новой в истории правовой мысли, однако ее содержание и практическое значение существенно изменялись в течение времени. В традиционном праве ребенок рассматривался прежде всего как объект родительской власти и семейных имущественных отношений. Интересы ребенка в этом контексте часто подчинялись интересам родителей и семьи в целом [16; 18, с. 59].

Переворот в понимании статуса ребенка произошел в XX в., когда международное сообщество признало необходимость специальной правовой защиты детей как особо уязвимой категории населения. Декларация прав ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1959 г., впервые на уровне международного права закрепила принцип, согласно которому в случае конфликта интересов ребенка и интересов взрослых, интересы ребенка должны получить приоритет [1].

Наиболее полное отражение концепция «интересов ребенка» получила в Конвенции ООН о правах ребенка (1989 г.), которая в своей ст. 3 провозглашает: «Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшим интересам ребенка» [3]. Это положение устанавливает принцип приоритета интересов ребенка как обязательный критерий при принятии любых решений, которые его затрагивают. Вместе с тем ввиду расплывчатости законодательных положений понятия «интересы ребенка» в России и во многих других странах право самостоятельно толковать данное понятие передается судам.

По состоянию на 2024 г. США и Южный Судан остаются единственными государствами-членами ООН, которые не ратифицировали Конвенцию о правах ребенка. В США суды каждого из штатов универсально используют стандарт «наилучших интересов ребенка» при определении или изменении порядка опеки над ребенком. Применяя данный стандарт, суды обязаны «рассматривать ребенка в свете его физических, эмоциональных и духовных потребностей». Данный стандарт «наилучших интересов ребенка» закреплен в Едином акте о браке и разводе (Uniform Marriage and Divorce Act) [24]. Данный акт предусматривает следование пяти факторам: пожелания родителей ребенка относительно опеки; пожелания ребенка относительно его опекуна; взаимодействие и взаимоотношения ребенка с родителями, братьями и сестрами, а также любыми иными лицами, способными существенно повлиять на наилучшие интересы ребенка; адаптация ребенка к домашней обстановке, школе и окружению; психическое и физическое здоровье всех вовлеченных лиц.

Сопоставительный анализ различных подходов к пониманию понятия «интересы ребенка» в отечественной и зарубежной практике позволяет выделить 3 подхода, различающихся по степени конкретизации понятия, соотносению с иными правами и учету мнения ребенка. В «широком» понимании понятие «интересы ребенка» описываются в ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989 г.) [3]. При этом, каково именно содержание «интересов ребенка» Конвенция не расшифровывает. При этом концепция наилучших интересов ребенка имеет смысл только в отношении конкретного ребенка. Так, согласно Замечанию общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов от 29.05.2013 г., указано: интересы ребенка оцениваются в каждом конкретном случае применительно к каждому ребенку [2]. «Узкое» понимание понятия «интересы ребенка» подразумевает, что наилучшие интересы ребенка – это объективное обеспечение ребенку

полной и эффективной реализации всех его прав, закрепленных Конвенцией ООН о правах ребенка [20]. Ребенок имеет право на то, чтобы его наилучшие интересы оценивали и принимали во внимание в первую очередь, когда происходит учет различных интересов с целью принятия решения по рассматриваемому вопросу. «Оптимальное» понимание «интересов ребенка» помимо всего прочего включает также учет мнения ребенка при определении своих наилучших интересов [4–6, 8, 10, 13]. Несмотря на различия в степени конкретизации понятия, данные подходы сходятся в том, что «интересы ребенка» – это не просто субъективные желания или предпочтения конкретного ребенка, но объективно существующие потребности, определяемые на основе научных знаний о развитии детей, общепризнанных моральных и социальных ценностей, а также конкретных обстоятельств жизни конкретного ребенка.

В рамках же дискуссии о соотношении понятий «интересы ребенка» и «права ребенка» следует отметить, что защита прав ребенка автоматически не обеспечивает защиту его интересов [14, с. 80]. Права ребенка представляют собой формально установленные в нормативно-правовых актах меры возможного поведения, тогда как интересы ребенка – это более широкое понятие, включающее как признанные в праве потребности, так и те потребности, которые еще не получили четкого правового закрепления, но объективно необходимы для полноценного развития и благополучия ребенка. Таким образом, интересы ребенка служат основой для формирования его прав, а защита интересов – это более широкая задача, которая может требовать принятия мер, выходящих за рамки простого обеспечения прав несовершеннолетнего.

Несмотря на то, что понятие «интересы ребенка» традиционно считалось правовой категорией, важно рассмотреть его также с точки зрения психологического содержания, которое можно представить как совокупность условий, необходимых для обеспечения психологического благополучия и развития ребенка на различных возрастных этапах. В отличие от юридического подхода, сосредоточенного на правах и обязанностях, психологический подход акцентирует внимание на внутренних психологических потребностях и механизмах психического развития, которые лежат в основе благополучия несовершеннолетнего.

В психологической науке понятие «интересы ребенка» наиболее близко термину «психологическое благополучие ребенка», понимаемому как состояние, при котором ребенок испытывает удовлетворение своих базовых психологических потребностей, чувствует себя защищенным, принятым и способным к развитию и самореализации. Это понятие тесно связано с концепцией «психического здоровья», которое не ограничивается отсутствием психических расстройств, но включает позитивное функционирование и достижение потенциала развития [17].

Возможно выделить следующие психологические компоненты понятия «психологическое благополучие ребенка» как психологического аналога понятия «интересы ребенка»: эмоциональное благополучие, когнитивное развитие и интеллектуальные интересы, социально-психологическое развитие и адаптация, личностное развитие и самоактуализация. И здесь психологическое понимание категории «интересы ребенка» во многом сходится с ее пониманием в области права – «именно развитие служит стержнем определения интересов в любой ситуации, когда нужно их определить при разрешении спора о детях» [14, с. 78].

Эмоциональное благополучие ребенка является одним из ключевых компонентов психологического содержания его интересов [12]. Защита эмоционального благополучия ребенка в контексте его интересов предполагает обеспечение условий, при которых ребенок может безопасно выражать свои чувства, переживания и потребности, получать эмоциональную поддержку и понимание от близких взрослых. Напротив, эмоциональное отвержение, критика, недостаток внимания и отсутствие эмпатии со стороны родителей могут привести к развитию у ребенка тревожности и депрессивных состояний, нарушениям в эмоционально-волевой сфере и серьезным трудностям в социальной адаптации [7, с. 159]. Особенно уязвимы дети в ситуациях семейных конфликтов и разводов, когда они оказываются в центре противоречивых требований и эмоциональных напряжений между родителями.

Психологическое содержание интересов ребенка также включает возможности для оптимального когнитивного развития, реализации интеллектуального потенциала, а также формирования способности к выработке осознанных решений и инициативности. Данные аспекты подготавливают ребенка к самостоятельной жизни и формируют основы психологической зрелости, в том числе делают возможным высказывать собственное мнение в суде по вопросам, затрагивающим его интересы.

Интересы ребенка также неразрывно связаны с формированием способности к межличностному взаимодействию и адаптацией к социальным нормам и ожиданиям. Семья выступает первичным институтом социализации, где ребенок учится правилам поведения, усваивает социальные роли и формирует представления о морали и ценностях. Защита социально-психологических интересов ребенка особенно важна в контексте семейных споров и разводов, когда нарушается стабильность социального окружения ребенка и возникают риски его социальной изоляции или превращения в объект манипуляций в конфликте между взрослыми.

Нарушение или игнорирование психологических интересов ребенка имеет серьезные и часто долгосрочные последствия для его развития. Эмоциональное пренебрежение, конфликтные отношения в семье

создают хроническое психологическое напряжение и стресс, который может привести к развитию различных психических расстройств и поведенческих проблем [22, 23]. Современные исследования описывают повышенный риск появления у детей при разводе родителей симптомов депрессии, тревоги, трудностей в концентрации внимания и учебной мотивации, проблем в межличностных отношениях [15, с. 28].

Видится, что важной задачей современного семейного права является интеграция психологических аспектов понятия «интересы ребенка» в практику применения норм семейного законодательства. При разрешении семейно-правовых споров суды должны учитывать не только юридические аспекты, но и психологические факторы, влияющие на благополучие несовершеннолетнего, что предполагает обязательное привлечение специалистов в области детской психологии и психиатрии при рассмотрении судами дел, связанных с определением места жительства ребенка, осуществлением родительских прав, установлением опеки и попечительства.

Для эффективной реализации принципа защиты интересов ребенка в семейном праве необходимо проведение работы по конкретизации содержания этого понятия. Данная работа должна включать:

1. Разработку на законодательном уровне развернутого определения «интересов ребенка», в котором бы отражались основные элементы физического, психического, интеллектуального и социального благополучия ребенка.

2. Дифференциацию содержания интересов ребенка в зависимости от возраста, учитывая, что потребности и интересы младенца существенно отличаются от потребностей подростка.

3. Подготовку судебно-психологическими экспертами методических рекомендаций для судов и органов опеки и попечительства по применению принципа «наилучших интересов ребенка» при рассмотрении конкретных категорий дел.

4. Обязательное проведение судебно-психологических экспертиз в ситуациях высококонфликтных разводов при разрешении семейных споров, позволяющих в том числе получить глубокое понимание реальных потребностей и желаний ребенка при оценке его способности к самостоятельной выработке решений, затрагивающих его интересы.

Таким образом, понятие «интересы ребенка» в семейном праве представляет собой сложную, многофакторную категорию, которая требует комплексного подхода для ее оценки и применения. Это понятие нуждается в конкретизации и закреплении его на законодательном уровне. В то же время разработка практических критериев его определения будет способствовать созданию механизмов обеспечения учета интересов ребенка при принятии судебных решений, касающихся его будущего.

Развитие и конкретизация понятия «интересы ребенка» в российском семейном праве является насущной необходимостью, которая должна быть реализована в ближайшие годы. Тесное взаимодействие юристов и психологов позволит создать систему, действительно защищающую и продвигающую реальные интересы несовершеннолетних граждан. Только таким образом мы сможем обеспечить соответствие российского законодательства международным стандартам защиты прав детей и создать действительно эффективную и справедливую систему защиты интересов несовершеннолетних граждан.

Список литературы

1. Декларация прав ребенка: принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «КонсультантПлюс».
2. Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3) // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g13/441/91/pdf/g1344191.pdf> (дата обращения: 02.01.2026).
3. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml?ysclid=ml d9gnh51m480393111 (дата обращения: 02.01.2026).
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 г. № 8 (ред. от 17.12.2013 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Алексеева И.А., Новосельский И.Г. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2020. 470 с.
8. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. 240 с.
9. Беспалов Ю.Ф. Несовершенство российского законодательства о семье, семейных ценностях и пути его преодоления: Монография. М.: Проспект, 2021. 192 с.
10. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.
11. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном законодательстве: объективные формы и субъективное содержание // Судебная психиатрия: современные проблемы теории и практики (диагностика, экспертиза, профилактика). материалы научно-практической конференции с

международным участием / под ред. Е.В. Макушкина, Г.А. Фастовцова. 2018. С. 74–76.

12. Крайг Грейс, Бокум Дон. Психология развития / науч. ред. пер. Т.В. Прохоренко; пер. с англ. А. Маслов, О. Орешкина, А. Попов. 9-е изд. Москва [и др.]: Питер, 2012. 939 с.

13. Миролубова О.Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия гуманитарные науки. 2012. № 4 (22). С. 56–58.

14. Нечаева А.М. Интересы ребенка как объект семейно-правовой защиты // Государство и право. 2012. № 1. С. 77–85.

15. Нечаева Н.А. Психологические последствия развода родителей для детей: риски и возможности адаптации // *Universum: психология и образование*. 2025. № 8 (134). С. 27–29.

16. Памятники российского права: в 35 т. Т. III: Памятники права Московского государства: учебно-научное пособие. Кн. II / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. 486 с.

17. Психологическое благополучие ребенка в современном обществе: монография / М.В. Сафронова, В.Б. Кузнецова, Е.А. Козлова, О.А. Ахметова, А.В. Варшал. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. 288 с.

18. Римское право: учебное пособие / А.И. Бортенев, О.А. Сергачева, Е.Н. Коваленко; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. Волгоград: изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

19. Русаковская О.А., Калашникова А.С., Харитонов Н.К., Сафуанов Ф.С. Актуальное состояние и проблемы комплексной психолого-психиатрической экспертизы по спорам о воспитании // *Российский психиатрический журнал*. 2021. № 1. С. 24–36.

20. Jorge Cardona Llorens. 30 años de la Convención sobre los derechos del niño: ¿los niños y niñas sujetos de derecho? Valencia, 2019. 319 p.

21. Joshua Hanson. Considering the Child's Wishes – But How? Allowing Children to Speak in Their Custody Matters // *DICK. L. REV.* 2025. Vol. 129. P. 1171.

22. Kelly J.B., Emery R.E. Children's adjustment following divorce: Risk and resilience perspectives // *Family Relations*. 2003. Vol. 52(4). P. 352–362.

23. Lansford J.E. Parental divorce and children's adjustment // *Perspectives on Psychological Science*. 2009. Vol. 4(2). P. 140–152.

24. Uniform marriage and divorce act, drafted by the National Conference of Commissioners on Uniform State Laws and by it approved and recommended for enactment in all the states at its annual conference meeting in its seventy-ninth year at St. Louis, Missouri, August 1-7, 1970. With prefatory notes and comments. 49 p.

Об авторе:

КАЛАШНИКОВА Анна Сергеевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России; доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (119034, г. Москва,

Transformation of the concept of "child's interests": legal and psychological aspects

A.S. Kalashnikova

V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology,
Moscow;

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow

The article discusses the concept of "the best interests of the child" – provides an analysis of various approaches to understanding the concept of "the interests of the child" in domestic and foreign practice from the moment of its appearance to the present. The emphasis is placed on the fact that the legal definition of the "interests of the child" should be expanded and rethought from the standpoint of psychological science. The issue is raised of the need for legislative reform aimed at specifying the content of the concept of "the interests of the child", developing practical criteria for its definition and creating mechanisms to ensure that the interests of the child are taken into account when making all decisions concerning his life and future.

Keywords: *child's interests, child's psychological well-being, high-conflict divorce.*

About author:

KALASHNIKOVA Anna – PhD (Psychological Sciences), Senior Researcher at the Psychology Laboratory of V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology; Associate Professor at the Department of Clinical and Forensic Psychology at the Faculty of Legal Psychology of Moscow State University of Psychology & Education (119034, Moscow, Kropotkinsky Lane, 23), SPIN code: 7715-1641, ORCID: 0000-0003-3139-5511, e-mail: kalashnikova.a@serbsky.ru

Калашникова А.С. Трансформация понятия «интересы ребенка»: правовой и психологический аспекты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 86–94.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Правовые риски распространения персональных данных ребенка в Интернете

О.С. Карпенюк

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Брянск

Современные законодательные инициативы по цифровой безопасности детей часто носят ограничительный характер, касаясь только вопросов воспрепятствования вовлечения детей в противоправную деятельность. Они не учитывают риски, связанные с распространением персональных данных детей и формированием их цифровых профилей. Право ребенка на приватность может нарушаться как им самим, так и родителями или третьими лицами. Данные, распространенные в Интернете, используются для создания профилей, позволяющих прогнозировать и манипулировать поведением несовершеннолетнего. Поэтому необходимы конкретные правовые механизмы: уточнение порядка получения согласия ребенка на распространение его данных в Интернете, регулирование автоматизированной обработки данных и развитие цифровой грамотности.

Ключевые слова: право, персональные данные, неприкосновенность частной жизни, информационная безопасность, ребенок, несовершеннолетний, Интернет.

По данным опроса, проведенного Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка среди 36 тыс. подростков в 2024 г., 63,8 % опрошенных проводят свободное время в социальных сетях [4]. В интернете дети сталкиваются с кибербуллингом, пропагандой суицида и криминальных ценностей, нередко вовлекаются в противоправную деятельность.

Депутат Госдумы Андрей Свинцов предложил ввести жесткие ограничения в отношении социальных сетей. В частности, подтверждать каждый аккаунт через Госуслуги, а детям до 14 лет запретить пользоваться социальными сетями [8]. Предлагаемые меры депутат объясняет заботой о безопасности детей в цифровой среде.

Несмотря на важность обеспечения безопасности в киберпространстве, предотвращения вовлечения детей в террористическую и экстремистскую деятельность, следует отметить и необходимость защиты права детей на неприкосновенность частной жизни, в том числе в интернете, которое может быть нарушено вследствие действий как самого ребенка, так и его родителей или третьих лиц.

В статье исследуются источники распространения персональных данных детей и как их распространение приводит к нарушению прав на частную и личную жизнь ребенка.

Онлайн-среда привлекает подростков тем, что интернет воспринимается как место, где они находятся вне контроля родителей. Парадокс в том, что, с одной стороны, подростки хотят скрыть от родителей свою активность в социальных сетях, делают профиль для них закрытым. С другой стороны, подростки совершенно не беспокоятся о том, что их данные могут стать доступны незнакомым лицам, государству, коммерческим организациям. В Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации отмечается, что под воздействием тренда публичного самовыражения дети размещают в интернете личную и семейную информацию, которая нередко используется злоумышленниками во вред ребенку [2].

Риски, связанные с размещением персональных данных детей в интернете, как правило, связывают с опасностью применения насилия, сексуальных домогательств, вовлечения в противоправную деятельность. Безусловно, соблюдение конфиденциальности в цифровой среде как способа избежать перечисленных опасностей крайне важно.

Однако это не единственный риск, который возникает при размещении личной информации ребенка. Персональные данные ребенка, распространяемые в интернете, могут собираться государством, образовательными учреждениями или коммерческими организациями для создания цифрового профиля ребенка.

В качестве источников распространения персональных данных ребенка, сведений о его личной жизни выступают три субъекта: сам ребенок, его родители и третьи лица.

Личную информацию дети оставляют не только в социальных сетях на личных страницах. Цифровые следы детей сохраняются при регистрации на различных сервисах, совершении онлайн-покупок.

Родители также распространяют информацию о частной жизни своих детей. Это могут быть публикации в соцсетях о семейных событиях или достижениях ребенка с целью поделиться новостями с близкими или друзьями.

Некоторые родители регистрируют блоги о своих детях с целью заработка на детском контенте о посещении магазинов, распаковках и обзорах на игрушки (например, ютуб-каналы Mister Max и Miss Katy). В этом случае родители коммерциализируют изображение и личную информацию о своих детях. В погоне за популярностью и прибылью от рекламных контрактов некоторые родители могут создавать с участием своих детей достаточно спорный контент. Например, YouTube заблокировал канал мальчика Vlad CrazyShow по причине пропаганды потребления фастфуда (в одном из роликов мальчик купался в ванне, наполненной попкорном) и неоднозначных видео с розыгрышами от родителей Влада (мама в шутку поела шоколадную пасту из памперса, на ребенка нападали нарисованные монстры) [3]. Возможно, дети в силу возраста воспринимают ведение подобных блогов как игру, не понимая,

что распространяются и публично обсуждаются подробности их личной жизни [5, с. 143], но по мере взросления ребенок, возможно, не захочет такой степени открытости и публичности своей жизни либо участие в роликах, которые могут повлиять на его репутацию.

Возникает вопрос, должны ли родители брать согласие у ребенка на использование его изображения, на публикацию в публичном доступе информации о его личных событиях, состоянии здоровья? И если должны, то с какого возраста? Как отмечает Д.А. Матанцев, в законодательстве отсутствует определенность, с какого возраста нужно брать согласие ребенка на использование его персональных данных и таких чувствительных данных, как изображение [7, с. 28–29]. Согласие на обработку данных – это сделка. Возможности несовершеннолетних заключать сделки определены ст. 26 и 28 Гражданского кодекса РФ. Эти правила относятся к имущественным сделкам, а согласие на использование изображения относится к распоряжению нематериальным благом. Одновременно в ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» предусмотрено согласие законных представителей на обработку персональных данных только в отношении недееспособных. Но малолетние, несмотря на наличие ограниченной дееспособности, в силу возраста и психофизиологического развития не смогут дать осознанного согласия на использование своего изображения.

Вопрос о возрасте, когда ребенок должен дать согласие на использование его изображения, остается юридически неопределенным в российском законодательстве. В качестве ориентира можно использовать правило, установленное в ст. 8 Общего регламента по защите данных Европейского Союза (GDPR), согласно которому при предоставлении услуг информационного общества (например, соцсети, онлайн-сервисы) обработка персональных данных будет законна, если получено согласие ребенка, достигшего 16-летнего возраста. При этом государства – члены ЕС могут снизить возраст ребенка до 13 лет [1].

Еще один вопрос, который связан с использованием изображения ребенка: может ли ребенок в отсутствие согласия предъявить иск к родителям о нарушении права на частную жизнь или потребовать выплатить ему доход, полученный от использования его персональных данных и изображения? Подобные споры в практике российских судов не обнаружены, но гипотетически они возможны, учитывая, что есть дела по искам повзрослевших детей об использовании их детского изображения до эпохи социальных сетей.

В качестве примера можно привести иск Элдена Спенсера к группе Nirvana за использование его детской фотографии на альбоме Nevermind 1991 г. [13]. По мнению Спенсера, в детстве он стал «жертвой сексуальной эксплуатации», а группа получила прибыль от его обнаженного изображения. Между тем суд посчитал, что изображение

не соответствует критерию детской порнографии, сам Элден неоднократно обыгрывал свой образ и даже сделал татуировку на груди с названием альбома. Суд отказал в удовлетворении иска.

В России схожий случай был с изображением девочки на этикетке шоколада «Алёнка». В разное время Елена Геринас и Ольга Михалюк предъявляли иски к шоколадной фабрике «Красный октябрь» о нарушении авторских прав на изображение, поскольку, по мнению женщин, именно их детская фотография стала прототипом девочки с этикетки. Аргументация сводилась к тому, что в силу возраста они не понимали, для чего сделана фотография, а повзрослев, хотели получить компенсацию за нарушение права на изображение [12]. В обоих случаях суд отказал в удовлетворении требований, указав, что рисунок на этикетке шоколада является самостоятельным творческим произведением художника М.Г. Маслова, работавшего на фабрике «Красный Октябрь» в должности художника с 1957 по 1973 гг., изображение является общеизвестным товарным знаком, а возможное использование фотографии для создания рисунка для этикетки прав лица, изображенного на фотографии, не затрагивает и не нарушает.

Таким образом, родители, размещая детский контент, распространяют персональные данные ребенка, факты о его личной жизни, что может привести к нарушению прав ребенка на личную жизнь, поскольку родители раскрывают широкому кругу лиц сведения о нем, которые он, возможно, хотел бы сохранить в тайне и не придавать огласке. Коммерциализация изображения ребенка, его личной жизни приводит к стиранию границы между публичной и частной сферами жизни ребенка.

Однако уязвимость частной жизни детей и их персональных данных не ограничивается действиями ребенка и его родителей.

Еще одним источником распространения личных данных несовершеннолетних становятся публикации третьих лиц. Подобные публикации могут иметь умышленный характер с целью причинить вред ребенку. Так, в деле «K.U. против Финляндии» (жалоба № 2872/02) неизвестный разместил на сайте знакомств объявление от имени несовершеннолетнего. Объявление содержало персональные данные подростка, а также было указано, что он ищет интимные отношения с мужчинами. Подросток узнал об этом факте из электронного письма от мужчины с предложением о свидании. Провайдер отказался раскрыть полиции информацию о лице, разместившем объявление, ссылаясь на нормы о конфиденциальности. Национальные суды поддержали позицию провайдера. Европейский суд по правам человека признал нарушение ст. 8 Конвенции, отметив, что, когда под угрозой физическое и нравственное благополучие ребенка, когда ребенок подвергается сексуальным домогательствам, государство должно обеспечить эффективные способы защиты от подобного рода вмешательств [10].

В практике также встречаются случаи, когда распространение персональных данных ребенка и подробностей его личной или семейной жизни носит непреднамеренный характер. Например, в одном из дел местный депутат сняла видео как молодой человек, одетый в фуражку, защитный жилет зеленого цвета и с жезлом сотрудника ДПС, пытался жезлом остановить проезжающие машины и выложила это видео на своей странице в социальных сетях с названием «Странный лжеинспектор ДПС». Видеозапись посмотрели несколько тысяч человек, в комментариях содержались оскорбительные высказывания. Как выяснилось, на видео был запечатлен несовершеннолетний, страдающий заболеванием. Мать подростка потребовала выплатить ей компенсацию морального вреда. Суд пришел к выводу, что видео с несовершеннолетним позволило определить субъекта персональных данных, как самого ребенка, так и его мать, что повлекло раскрытие персональных данных неопределенному кругу лиц [11].

Персональные данные детей, сведения об их личной жизни, которые попали в интернет, а также цифровые следы, которые дети сами оставляют в сети, искусственный интеллект может агрегировать и составить цифровой профиль, который с помощью психометрики позволяет прогнозировать будущее поведение человека [6, с. 401]. Уже сейчас крупные компании активно используют искусственный интеллект для фильтрации и отбора подходящих резюме [9], что создает опасность предвзятости алгоритма и дискриминации детей в будущем при устройстве на работу. Анализ активности детей в интернете, их интересов через парсинг данных о лайках, подписках и комментариях используется для создания индивидуально ориентированного контента [6, с. 401]. Коммерческие организации собирают информацию о пользователях социальных сетей, их поведении с целью изучения интересов и предпочтений потребителей для создания более точных маркетинговых стратегий, а также разработки продуктов и услуг, которые будут востребованы у потребителей. Фактически это приводит к манипулированию поведением пользователей, в том числе детей.

Таким образом, распространение персональных данных детей в сети Интернет приводит к рискам не только проявления насилия, сексуальных домогательств или вовлечения в противоправную деятельность. Цифровые следы, которые дети оставляют в социальных сетях, на сайтах компаний в обмен на подписку или доступ к бесплатному продукту, в онлайн-играх, на маркетплейсах формируют цифровой профиль ребенка, который может использоваться коммерческими организациями для манипулирования поведением ребенка потребителя с целью подтолкнуть к выбору конкретного товара и повлечь долгосрочные последствия в виде оценки ребенка, его поведения, состояния здоровья образовательными организациями или будущими работодателями.

Обеспечение цифровой безопасности несовершеннолетних только запретами или ограничениями, которые предлагаются законодателем, не будет эффективным, поскольку не учитывает социально-психологические потребности подростков в автономии и самовыражении. Нужен комплексный подход, который гарантирует право ребенка на цифровую приватность. Такой подход должен базироваться на взаимосвязанных элементах: законодательном уточнении порядка получения согласия несовершеннолетнего на распространение персональных данных с учетом возрастных особенностей, определение порядка автоматизированной недискриминационной обработки персональных данных, а также на развитии цифровой грамотности и критического мышления как у детей, так и у их родителей с целью развития навыка управления рисками распространения детских персональных данных в сети.

Список литературы

1. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27.04.2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных) // СПС «Гарант».
2. Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в РФ и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р» // СПС «Гарант».
3. Детский канал о фастфуде и сладостях не устроил YouTube // Коммерсантъ. 2017. 23 нояб. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3475844> (дата обращения: 04.01.2026).
4. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2024 году // Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка (М. Ю. Львова-Белова). М.: Аппарат Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/404> (дата обращения: 04.01.2026).
5. Ильина О.Ю. Личная и семейная тайна как персональные данные гражданина // Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Науч. школа докт. юрид. наук, проф. О.Ю. Ильиной: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закона и право, 2015. 431 с.
6. Мартынова М.Д. BIG DATA и контексты конфиденциальности для подростков в цифровом пространстве // ЦИТИСЭ. 2024. № 3. С. 398–408.
7. Матанцев Д.А. Право на изображение ребенка: проблемы правовой охраны // Аграрное и земельное право. 2018. № 12 (168). С. 26–29.
8. Романова Н. Депутат Свинцов предложил жесткие ограничения в соцсетях // Национальная служба новостей. 2025. 22 дек. [Электронный ресурс]. URL: <https://nsn.fm/society/svintsov-obyasnil-smysl-gryaduschih-ogranichenii-v-sotssetyah> (дата обращения: 04.01.2026).
9. Щербакова О. В. Использование программ искусственного интеллекта при найме работников // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-programm-iskusstvennogo-intellekta-pri-nayme-rabotnikov> (дата обращения: 04.01.2026).

10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 02.12.2008 г. «K.U. против Финляндии» [K.U. v. Finland] (жалоба № 2872/02) // СПС «Гарант».

11. Апелляционное определение СК по гражданским делам Ярославского областного суда от 06.10.2023 г. по делу № 33-7193/2023 // СПС «Гарант».

12. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2014 г. по делу № 33-26328/14 // СПС «Гарант».

13. Taylor D. B. Judge Dismisses Lawsuit Over Naked Baby on Nirvana's "Nevermind" // The New York Times. 2025. 1 окт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2025/10/01/arts/music/nirvana-nevermind-baby-lawsuit.html> (дата обращения: 04.01.2026).

Об авторе:

КАРПЕНЮК Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Брянский филиал (241050, г. Брянск, ул. Дуки, 61), ORCID: 0009-0000-9979-4186, SPIN-код: 6136-5900, AuthorID: 1140683, e-mail: os.karpenyuk@gmail.com

Legal risks of dissemination of a child's personal data on the Internet

O.S. Karpenyuk

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Bryansk

Current legislative initiatives on children's digital security are often restrictive, focusing only on preventing children from engaging in illegal activities. They do not take into account the risks associated with the dissemination of children's personal data and the formation of their digital profiles. The child's right to privacy may be violated by them, their parents or third parties. The data distributed on the Internet is used to create profiles that allow you to predict and manipulate the behavior of a minor. Therefore, specific legal mechanisms are needed: clarification of the procedure for obtaining the child's consent to the dissemination of his data on the Internet, regulation of automated data processing and development of digital literacy.

Keywords: law, personal data, privacy, data protection, child, minor, Internet.

About author:

KARPENYUK Olga – PhD in Law, associate professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Bryansk branch (241050, Bryansk, Duki st., 61), ORCID: 0009-0000-9979-4186, SPIN-код: 6136-5900, AuthorID: 1140683, e-mail: os.karpenyuk@gmail.com

Карпенюк О.С. Правовые риски распространения персональных данных ребенка в Интернете // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 95–101.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.
Подписана в печать 12.02.2026 г.

Современная семья: вызовы для Семейного кодекса Российской Федерации

А.Ю. Касаткина

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Объектом исследования являются семейные отношения, возникающие и действующие в настоящее время в РФ. Предметом исследования выступают нормы семейного права, а также научная доктрина о семье и семейных отношениях. Целью является определение положения современной российской семьи, ее специфики и исключение пробелов в российском семейном законодательстве в части правового статуса семьи, ее форм, видов и структуры. Конкретными задачами выступают: исследование вопросов, связанных с правовым статусом семьи; выявление и анализ особенностей современной семьи и ее положения; обоснование внесения изменений в правовые нормы. Одними из основных методов исследования являются методы комплексного исследования и системного анализа, которые позволили обнаружить особенности современного положения семьи и вызовы, стоящие перед ней и семейным законодательством РФ. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами: следует дать семье правовую жизнь и закрепить правовой статус семьи; сопровождающие современную семью правовые явления должны получить семейно-правовое регулирование; существующие и распространенные уже фактически формы семьи и брака в РФ не должны игнорироваться законодательством РФ.

Ключевые слова: семья, современная российская семья, брак, супружество, брачные отношения.

Еще древнегреческие философы представили концепцию, тонко отражающую сущность нашего бытия: *panta rhei* (с греч. «все течет») – ничто не остается в покое, но все, подобно реке, находится в постоянном движении [21]. Действительно, время и ритм жизни, особенно современной, не оставляют ни одного объекта мироздания в вечном состоянии. Непрерывное движение и перманентные изменения, так или иначе, свойственны всем основным социальным институтам, крупнейшим и важнейшим из которых является семья. Изменения, сопровождающие семью и происходящие с ней, есть отражение энергичной сущности жизни и деятельности человека.

Семья – динамичный институт; живой организм, по природе своей не подвластный «бронзовению» и стагнации. Будучи открытой системой, семья на протяжении всей истории человечества развивалась,

имела разные формы, виды и типы; ей был присущ неодинаковый состав, организация и структура, но неизменно одно – она всегда существовала и сопровождала жизнь и деятельность человека, общества и государства. Семья и семейные отношения проделали длинный путь от неупорядоченного группового брака [22, с. 53–55] до патриархальной семьи и весьма упорядоченной нуклеарной семьи.

Семья, как сложное, многозначимое, многогранное социальное явление, с точки зрения научной доктрины вызывает постоянное внимание и непрерывающийся интерес со стороны государства и общества, особенно научного сообщества в лице исследователей: социологов, демографов, экономистов, психологов, философов, конечно же, юристов и многих других.

В научной литературе семья и семейные отношения представлены в трудах Д.И. Мейера [14, с. 114], А.И. Загоровского [10, с. 73], Г.Ф. Шершеневича [23, с. 247], Е.М. Ворожейкина [6], В.А. Рясенцева [20], А.М. Нечаевой [16], Ю.Ф. Беспалова [3], А.М. Рабец [17, 18], О.Ю. Ильиной [11, 12], П.А. Якушева [24, 25] и других ученых.

К сожалению, современная российская семья, ее понятие, правовая природа, назначение, ценность, несмотря на множество научных трудов, не получили полного и всестороннего фундаментального исследования в российской науке семейного права, а также законодательного оформления. Легальные аспекты семьи и семейной жизни крайне дискуссионные в юридической доктрине.

Российское семейное законодательство не относит семью к самостоятельному субъекту прав и не определяет ее правовой статус. О семье в Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ) содержится лишь несколько упоминаний:

– ст. 1 указывает, что семья находится под защитой государства; принципами семейного законодательства определяет: укрепление семьи, недопустимость вмешательства в ее дела и другие;

– ст. 22 допускает расторжение брака при невозможности сохранения семьи;

– ст. 27 признает брак фиктивным без намерения создать семью;

– в некоторых других [1].

Следует отметить, что СК РФ был принят в 1995 г., на заре существования современного российского государства, и отражал семейные тенденции, характерные для того времени. Более того, СК РФ в отношении семьи, ее существующих форм и видов, структуры незначительно отличается от своего предшественника – Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. [2].

Однако происходящие с момента принятия СК РФ по настоящее время трансформационные процессы с семьей, ее функциями, организацией и структурой весьма стремительны и значительны.

Прежде всего, следует отметить уже существующий фактически плюрализм моделей современной семьи и изменения взглядов на семью и брак.

Как известно, СК РФ признает единственно существующей легальной семьей семью, основанную на зарегистрированном браке и созданную с целью рождения детей (ст. 1). В этом плане СК РФ в качестве нормативной модели выбирает нуклеарную семью. Лишь некоторые положения СК РФ допускают возможное существование неполных семей (ст. 51, 52, 59); расширенных (многопоколенных) семей (ст. 55, 67) и смешанных семей (ст. 66, 96, 97).

Бесспорно, семья с детьми, основанная на браке, – основной вид российской семьи, но в настоящее время представляется не единственно возможным. Происходящая трансформация взглядов на брак как на одну-единственную, одобряемую обществом форму совместной семейной жизни приводит к появлению разных форм семейных отношений и альтернативных брачных союзов.

Так, рост количества разводов в РФ (8 разводов на 10 заключенных браков [7]) способствует увеличению количества неполных семей, а также семей смешанных или лоскутных (семья, в которой у одного или обоих супругов были предыдущие браки с детьми).

Падение престижа официального брака также привело к еще большему распространению фактического сожительства, особенно среди молодого поколения. По данным ВЦИОМ, каждый десятый россиянин предпочитает незарегистрированный брак [8].

Кроме того, к мировым тенденциям относят появление и увеличение LAT-партнерств (Living Apart Together, с англ. «жить раздельно, но вместе») как аналога брачного союза или пробного, подготовительного к регистрируемому браку. LAT-партнерство можно также рассматривать и как вариант гостевого брака.

Совместный быт и проживание не свойственны также другому виду современного брака – дистантному. Суть такого брака не столь в дистанционном его заключении, если это предусмотрено законодательством, а в раздельном проживании при наличии зарегистрированного брака. Развитие информационных технологий и средств коммуникации упрощает жизнь и деятельность членов семьи в дистантном браке.

Примечательно, что меняются не только представления о зарегистрированном браке (супружестве) как основе семьи. Наличие брака более не связывают только лишь с рождением детей, в свою очередь рождение общих детей не влечет впоследствии заключение брака.

Ключевая перестройка затрагивает основания возникновения отношений родителей и детей, а именно – презумпций материнства и отцовства, предусмотренных ст. 48 СК РФ. Причины изменения

взглядов на материнство и отцовство множественны и в некоторой степени связаны с падением престижа брака. Все больше в обществе получает одобрение точка зрения о том, что родителями являются не те, кто родили ребенка, а те, кто его воспитали.

Более того, по данным Всемирной организации здравоохранения, бесплодием страдает около 17,5 % взрослого населения, т. е. примерно каждый шестой человек в мире [26]. С такой проблемой сталкивается и РФ, где наблюдается ухудшение репродуктивного здоровья граждан и рост применения вспомогательных репродуктивных технологий. В этой связи биологическое рождение ребенка и кровное родство с ним, особенно в случае применения суррогатного материнства или донорских материалов, более не являются генеральными и бесспорными свидетельствами возникновения и/или наличия детско-родительских отношений. Складывающееся длительное время представление о непосредственной связи материнства и отцовства с рождением ребенка уходит на второй план.

Центральная идея современного материнства и отцовства – это связь, прежде всего, с воспитанием ребенка, с заботой о его здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, образовании и в целом о его благополучии. Теперь родители делают настоящим родителем не столько и не только кровно-биологическая связь, а проявление любви, уважения, заботы и ответственности за ребенка и его судьбу. Такая трансформация материнства и отцовства при этом не умаляет значения рождения и кровно-биологической связи как оснований возникновения детско-родительских отношений, однако акцентирует внимание и в определенном смысле отдает приоритет уже иным имеющим значение юридическим фактам, связывающим родителей и детей.

Семейные связи усложнились и расширились. Происходит реорганизация внутри семьи, в ее составе, структуре, что влечет и корректировку представлений о субъектах семейных отношений – членах семьи: биологические, генетические, потенциальные, фактические родители и воспитатели, отчим и мачеха, усыновители, приемные родители, патронатные воспитатели; также при открытых суррогатном материнстве и усыновлении – суррогатная мать и биологические родители усыновленного; родные, единоутробные, сводные братья и сестры; бабушки и дедушки, сводные бабушки и дедушки и др.

Названные и иные метаморфозы, происходящие и с современной семьей, вызывают обширную общественную и научную дискуссию. В частности, в социологических доктринальных суждениях представлены два основных подхода к состоянию современной семьи: по мнению одних социологов, современная семья эволюционирует вместе с обществом, переживая модернизацию преимущественно позитивного

характера и одновременно испытывая лишь временную напряженность в своей жизнедеятельности (модернизационный подход); другие считают, что происходящие изменения с семьей, во-первых, ее разрушают; а во-вторых, расшатывают институт брачно-семейных отношений (кризисный подход) [9; 13, с. 23; 15, с. 15; 19, с. 109]. Демографы происходящие трансформационные процессы семьи интерпретируют в рамках концепции «второго демографического перехода» [5], проходящего в большинстве государств мира, включая РФ. Такой переход является частью модернизации социально-экономической жизни общества, и его имманентное свойство есть проявление негативных тенденций семьи: изменение взглядов на семью и деторождение и, как следствие, падение престижа официального брака; рост числа незарегистрированных браков; повышение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка; увеличение количества разводов и т. д.

Представляется, что юриспруденции, особенно законодателю, семейные трансформационные процессы нужно не только замечать и констатировать их фактическое существование, но и давать правовую жизнь, вносить поправки в правовые нормы.

Игнорирование ключевых элементов, законодателями в частности, создает множество сложностей для современной семьи и ее жизнедеятельности. Представляется, что российской власти необходимо, в первую очередь, определиться с существом российской семьи и законодательным урегулированием ее положения. Отсутствие положений о семье в СК РФ в неполной мере отвечает государственной политике в отношении семьи. Не определившись с существом семьи, сложно определиться и с явлениями, характеризующими семью, а также повысить роль и авторитет семьи. Основные семейно-правовые явления не должны остаться вне семейно-правового регулирования. Каждый человек задумывается о назначении семьи и своем «месте» в семье.

Полагаем, что признание структурных изменений в семье и их нормативная фиксация в СК РФ, особенно в части элементов детско-родительских отношений, не угрожают существованию традиционной российской семьи, не расшатывают ее устои. Современная российская семья – это, прежде всего, традиционная российская семья, которая адаптируется к меняющемуся миру, отражает «дух времени», приобретает дополнительные формы, продолжая оставаться уникальным социальным институтом и фундаментальной основой российского общества и государства.

Ведь, как писал Ю.Ф. Беспалов: «неизменны ее основы: любовь, добро и уважение во внутренних отношениях и отношениях с внешним миром; продолжение жизни; взаимная забота ее членов друг о друге; гармоничное сочетание личного и семейного интересов; взаимное решение вопросов семейной жизни; осознанная социальная позиция и

глубочайшая ответственность членов семьи друг перед другом, перед обществом и государством в целом; сохранение и преумножение человеческих ценностей» [4, с. 3].

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Беспалов Ю.Ф. Несовершенство российского законодательства о семье, семейных ценностях и пути его преодоления: монография. М.: Проспект, 2021. 192 с.
4. Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. 224 с.
5. Вишневский А.Г. Демографический переход // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
6. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 336 с.
7. Восемь из десяти браков распались в 2024 году // РБК Life [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6762c5149a79475fb2fd64b7> (дата обращения 05.12.2025).
8. ВЦИОМ узнал, сколько россиян живут в незарегистрированном браке // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/697849> (дата обращения 10.12.2025)
9. Гурко Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4 (13). С. 26–44.
10. Загоровский А.И. Курс семейного права. 2-е изд., перераб. и доп. Одесса: Типография Акционерного Южно-Русского Общества печатного дела, 1909. 554 с.
11. Ильина О.Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. 2006. № 4. С. 30–35.
12. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 14–17.
13. Кузьмин А.И. Концептуальные подходы к исследованию жизнедеятельности семьи // Семья в России. 1996. № 1. С. 23–26.
14. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч., М.: Статут, 1997. Ч. 2.
15. Невеличко Л. Г. Проблемы трансформации института семьи и брака на современном этапе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/43SCSK223.pdf> (дата обращения: 10.01.2026).
16. Нечаева А.М. Семейное право: курс лекций. М.: изд. группа «Юрист», 1998. 332 с.

17. Рабец А.М. Традиционные семейные ценности, семейные обычаи и традиции в системе источников семейного права Российской Федерации // *Цивилист*. 2024. № 4. С. 6–13.
18. Рабец А.М. У истоков формирования и развития современной теории семейного права // *Семейное и жилищное право*. 2018. № 5. С. 22–25.
19. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2001. № 3. С. 109–130.
20. Рясенцев В.А. Семейное право: учебник. М.: Юрид. лит., 1971. 296 с.
21. Словарь античности / отв. ред. В.И. Кузищин. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
22. Фридрих Энгельс Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: издательство АСТ, 2020. С. 53–55.
23. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1911. 532 с.
24. Якушев П.А. Автономность семейных отношений и цивилистический процесс // *Вестник гражданского процесса*. 2021. № 1. С. 277–293.
25. Якушев П.А. Право бабушек и дедушек на общение с внуками: вопросы судебной практики и ценностно-теоретические аспекты // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2017. № 10. С. 22–27.
26. Financial costs of assisted reproductive technology for patients in low- and middle-income countries: a systematic review // *Human Reproduction Open*, Vol. 2023, No.2, hoad007, 2023.

Об авторе:

КАСАТКИНА Анастасия Юрьевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)» (123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9), SPIN-код: 4952-5333, AuthorID: 819742, e-mail: 2828899@mail.ru

The modern family: challenges for the Family code of the Russian Federation

A.Yu. Kasatkina

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL), Moscow

The object of the research is family relations that arise and currently exist in the Russian Federation. The subject of the research are the norms of family law, as well as the scientific doctrine on family and family relations, both legal and other branches of Russian science. The goal is to determine the situation of the modern Russian family, its specifics and to eliminate gaps in Russian family legislation regarding the legal status of the family, its forms, types and structure. Specific objectives are: studying issues related to the legal status of the family; identifying and analyzing the characteristics of the modern family and its situation; justifying amendments to legal norms. Some of the main research methods are the methods of comprehensive research and

systems analysis, which made it possible to identify the features of the current situation of the family and the challenges facing it and family legislation of the Russian Federation. The results of the research can be summarized in the following main conclusions. It is necessary to give the family legal life and consolidate the legal status of the family. Legal phenomena accompanying modern families should be subject to family law regulation and should not be ignored. Existing and already widespread forms of family and marriage in the Russian Federation should not be ignored by Russian legislation.

Keywords: *family, modern Russian family, marriage, matrimony, marital relations.*

About author:

KASATKINA Anastasia – PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Civil Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL) (123242, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Street, 9), SPIN-код: 4952-5333, AuthorID: 819742, e-mail: 2828899@mail.ru

Касаткина А.Ю. Современная семья: вызовы для Семейного Кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 102–109.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Концепция развития семейного законодательства: какой ей быть?

Е.Г. Комиссарова

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь

Автор рассуждает о Концепции развития семейного законодательства как отдельном документе – гипотетически полезном в силу его созидательной природы, многофункциональном и потому необходимом, однако малоизвестном с точки зрения методологии его текстуального дизайна. Отталкиваясь от уже состоявшихся попыток создания текста Концепции, не доросших пока до уровня научного обсуждения, автор стремится придать импульс этой сложной научной работе в целях ее оживления. Теоретическим посылом служит тезис о том, что Концепция развития законодательства – это особый теоретический инструмент, идентификационные характеристики которого имеют существенные отличия от других научных жанров, не сводимые к простому описанию и критике норм семейного законодательства. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы привнести ясность в представления о том, каким методологическим требованиям должна отвечать Концепция как вид письменного научного текста. Кроме того, что его создание сопряжено с намерением уйти от отставания и несовершенств в области семейно-правового регулирования, он являет собой новаторский и прогрессивный вид согласованного научного знания. Подход, излагаемый в настоящей статье, во многом основан на коллективных исследованиях Института законодательства и сравнительного правоведения при Президенте Российской Федерации и успешно реализованном опыте разработки и внедрения в юридическую жизнь Концепции развития гражданского законодательства РФ 2009 г.

Ключевые слова: семейное законодательство, метазнание о позитивном праве, эпистемологический концептуализм, концептуальная форма знаний о семье, методология познания, политико-правовые стратегии, предмет семейного законодательства, личные неимущественные отношения, семейное правотворчество, институциональная логика.

Так устроено позитивное право, что рано или поздно ему приходится сталкиваться с таким сложным жанром теоретико-правового творчества, как концептуализм. Наступает момент, когда простого накопления теоретических и практических знаний о нем становится недостаточно, и возникает потребность в создании научного знания другого уровня – высокоорганизованного и передового, способного объективно оценить полезность и эффективность уже

созданного знания о праве, чтобы предвидеть, куда оно ведет и в какой коррекции оно нуждается. Как показал опыт разработки Концепции развития гражданского законодательства [6] и Концепций отдельных подотраслей (о вещных правах, о юридических лицах, об общих положениях обязательственного права), этот вид знания представляет собой мощную по убедительности его обоснования и одновременно деликатную форму внешнего вмешательства в «тело» позитивного права.

Повторить такое, без преувеличения выдающееся и, по словам профессора А.Л. Маковского, во многом «необычное», научно-практическое мероприятие в области семейно-правового регулирования непросто, но, как представляется, не невозможно. Для того чтобы произвести аналогичное теоретическое «потомство», у него достаточно собственных теоретических ресурсов, а также имеется текущая и обобщенная судебная практика, вполне согласованная с предписаниями позитивного семейного права. Плюс внешние ресурсы в виде конституционных норм, поддерживающие и направляющие семейного законодателя. Есть плановая Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 г. [1], транслирующая политические стандарты действий в отношении семьи и одновременно питающая готовность к семейно-правовым размышлениям. Наконец, есть уже немолодой, и значит устоявшийся, текст действующего Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), ушедший в концептуальном и юридико-техническом отношении намного дальше своих предшественников, и сплоченное вокруг этого акта, в разы превосходящее по численности в сравнении с советским периодом, научное сообщество.

Настоящая статья представляет одну из научных попыток осмыслить вопрос о методологии создания текста Концепции развития семейного законодательства. Излагаемый автором подход во многом обязан своим выбором коллективным исследованиям Института законодательства и сравнительного правоведения при Президенте Российской Федерации [12] и успешно реализованному опыту разработки и проведения в жизнь Концепции развития гражданского законодательства РФ 2009 г.

Попытки концептуально изложить, как должно развиваться семейное законодательство, появились одновременно с принятием действующего СК РФ. Стимулом для научных рассуждений о Концепции развития законодательства о браке и семье как отдельном документе [10] стали ожидания, связанные с принятием нового законодательства, которое считалось тесно связанным с нормами СК РФ – «Об актах гражданского состояния», «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», «Об опеке и попечительстве» и др. Создать Концепцию тогда не удалось, но

попытки разобраться в том, какой она может и должна быть, продолжились [18].

В 2014 г. проект Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложений по совершенствованию семейного законодательства был создан¹. На экспертном уровне он был признан нуждающимся в доработке [19]. Каких-либо заметных следов, сообщающих о позитивных успехах, принесенных его разработкой, не осталось. В разы заметнее оказался многократно цитируемый тезис Л.Ю. Михеевой о том, что «концепции развития семейного законодательства у нас нет» [11]. Причинами такого научного резюме стали не до конца ясный проектный посыл, хаотичность многих положений Концепции, недостаток научной компетентности ее разработчиков и не в меру политизированный текст.

В 2021–2023 гг. в рамках государственного задания Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ работал над созданием тематического проекта Концепции совершенствования законодательства, посвященного регулированию отношений детей и родителей [17], но ее итоговый текст научной общественности представлен не был.

После этого гласные притязания на создание цельной Концепции развития семейного законодательства и концепций отдельных институтов стали угасать. Рассуждения о реформировании законодательства о браке и семье вернулись в менее амбициозное и привычное русло, ограниченное утилитарными заголовками «тенденции изменения Семейного кодекса РФ», «перспективы развития семейного права...», «реформа семейного законодательства», «отдельные вопросы развития семейного законодательства» и др. При всем том, что этот вид предметных усилий явно не бесполезен, нельзя не сказать о том, что это все-таки иной уровень научных усилий. Аналитический обзор этих публикаций показывает, что чаще их итоги представлены монологовыми высказываниями, где в режиме «быстрого пера» приведены мнения и высказаны оценочные суждения. Во многом питаемые здравым смыслом, такие суждения остаются первичным средством аргументации.

Тогда как текст Концепции развития законодательства – это итог создания новаторского, прогрессивного и непременно согласованного научного знания, которое объективно в силу его способности быть независимым от создателей и их индивидуальных представлений о том, что является правильным или целесообразным.

Как говорится, трудные научные времена никогда не бывают потерянными – ошибки мышления преодолимы. Для этого их надо обнаружить, и сконцентрировать научные усилия для устранения.

¹ Текст официально опубликован не был.

Определенным подспорьем для этого способна стать аргументированная научная критика по поводу недочетов, допущенных составителями последнего проекта Концепции [3–5, 7, 8, 16]. В любом случае процесс осмысления того, что уже есть, начался, и задача науки семейного права не оборвать эту важную, но пока еще хрупкую теоретическую цепочку.

Эпистемологический статус методологии един – она являет собой знание о научном знании, включая правила его создания, структурирования и содержательной оценки. В научной иерархии методологическое знание как метазнание представлено в качестве сложного теоретического знания, превосходящего другие виды научного знания. Это предопределено его назначением и способностью адаптироваться к новым контекстам и задачам без разрушающей критики уже существующего знания. В нашем случае речь идет о создании научного концептуального знания, которое способно открыть контексты, объединить задачи и предстать в форме обобщенной и внутренне непротиворечивой системы идей и представлений о том, каким должно быть семейное законодательство.

О ценности методологического знания в семейно-правовом дискурсе рассуждала А.М. Нечаева, утверждая, что наука семейного права должна научиться преодолевать сложные барьеры, это необходимо для того, чтобы не порвать связь семейного права с общетеоретическими постулатами и укрепить его собственные основы [13]. Сегодня, когда вопрос о необходимости создания семейно-правового знания в его концептуальной форме стал частью научной повестки, вопрос о методологической осведомленности участников этого дискурса обрел особую актуальность. Эта сфера «требует взвешенного и аккуратного регулирования...» [9]. Здесь важно не навредить, не отстать и не опередить, и потому речь должна идти о квалифицированном переосмыслении текста действующего семейного законодательства, которое противостоит отрывочным мнениям и субъективным взглядам на то, «как должно быть».

Технологии концептуального осмысления конкретной научной проблемы в ее инструментальной форме представлены средствами, приемами и методами познания. Не менее важную роль играют также объект и цель такого осмысления.

Что касается цели, то их две. Первая ординарная и понятная, поскольку следует из названия Концепции – развитие или совершенствование позитивного семейного права в виде стремления улучшить его качество и увидеть его перспективы. Вторая цель тесно перекликается с объектом научного познания на концептуальном уровне. Таковым является действующее семейное законодательство и достигнутый уровень текущих научных знаний о нем. Итог синтетического анализа норм позитивного права и семейно-правовых

знаний, его объясняющих, сбалансированный с анализом практики правоприменения, и будет выражен в той документальной форме, которая может быть идентифицирована как Концепция.

Особенности создания концептуального знания отражаются на его характеристиках. Предполагается, что в своей посылочной части, которая обычно именуется как «научное обоснование необходимости принятия...», оно должно быть представлено в развернутом виде, аргументы которого убеждают в том, что Концепция «принимается потому что ее нельзя не принять». Простого описательного анализа имеющегося нормативного текста для определения цели создания Концепции недостаточно. Цель концептуального подхода объяснительная, что с необходимостью обязывает ее составителей принимать во внимание последствия ее принятия и рассуждать о них.

Представляется, что одним из возможных вариантов видения концептуальной цели может быть тезис о том, что принятие Концепции ориентировано на законодательное стремление обеспечить семейному человеку возможность благополучно жить и развиваться в юридически безопасных и неконфликтных условиях. Эта цель не только вписывается в философскую максиму о смысле, полезности и ценности человеческого бытия, но и встроена в конституционную норму, согласно которой политика Российской Федерации направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ).

Цивилизованный законодатель стремится к прогрессу. Быть прогрессивным – значит предлагать участникам семейных отношений такой порядок регулирования, который не просто сосредоточен на том, что можно, а что нельзя, но еще и обеспечивает им определенный спектр возможностей выбора семейного поведения. При этом выбора не безграничного и потому контролируемого. Правильно выбранная для теоретико-концептуального осмысления цель способна выполнить роль эффективного научного фильтра при объяснении норм, вовлеченных в этот масштабный дискурс.

В связи с этим нельзя принять в качестве должного посыл, сосредоточенный на информировании о кризисе семьи, законфликтованности внутрисемейных отношений и бедствиях в семье – способность быть фильтром у него сильно ограничена. Весьма убедительно на этот счет высказалась А.М. Нечаева: «такие негативные явления как гибель семьи, утрата интереса к прочности брака, увеличение количества споров о детях, рост социального сиротства от качества семейного законодательства не зависят <...> они зависят от факторов, выходящих за рамки возможностей закона» [14]. Все верно. Нет смысла юристам делать то, что подвластно социологической мысли, отлично выполняющей свои задачи на уровне статистики и ее профессиональной аналитики. Концепция развития семейно-правового

закона – это не про статистику, не про кризис семьи и не про кризис государственного вмешательства в дела семьи (назван и такой вид кризиса!), а кропотливая и крайне щепетильная работа сильной научной мысли, способной рассуждать о принесенных временем изменениях места человека как личности в системе позитивных семейно-правовых отношений и объяснять ее с учетом современных контекстов.

Пример брака и молчаливо принимаемых законодателем разных форм семейных отношений (брак гражданский, брак венчанный, семья с одним родителем, бездетный брак и др.) – это пример выбора желаемых форм семейной жизни. Не разрешая, но и не запрещая (!) семейные отношения, «подобные браку» или «вместо брака», закон «молчит о том, что терпит», но при этом берет на себя регулирование последствия таких отношений, когда они имеют публично значимый характер.

Представляется, что частью методологических знаний о том, какой быть Концепции развития семейного законодательства, должна быть ее соотнесенность с предметом семейно-правового регулирования. Весьма заметно, что этот акцент сохранил свою актуальность разве что на уровне семейно-правовой дидактики, где он представлен с соблюдением приоритетов и необходимой последовательности – личные неимущественные отношения первичны, имущественные отношения являются их следствием.

Методологическое значение этой последовательности бесценно, но из научных контекстов она часто выпадает – личные неимущественные отношения исследуются и объясняются сами по себе без мысленной рефлексии на то, что они способны породить также и отношения имущественные. Результаты неосознанной логики их разделения многообразны. Если, например, сослаться на нормы, регулирующие отношения по уплате алиментов в пользу несовершеннолетнего ребенка, то, рассматривая их не как производные от личных неимущественных отношений родителя и ребенка, а как исключительно имущественное обязательство, можно бесконечно рассуждать об ответственности, наказании и прочих обременениях для недобросовестных плательщиков. Но проблема недобросовестности в таких отношениях все же не единственная. Если смотреть на эти отношения как на продолжение личных отношений, то можно открыть и другие проблемы, например, какими могут быть нормативные решения, способные помочь отцам лучше справляться с родительской обязанностью содержать ребенка.

Во все законодательные времена закон стремился открыть и отразить в нормах семейного законодательства эту межличностную точку отсчета, которая задает семейным отношениям их неповторимую личную специфику, стабильность, эффективность, усиливает их позитивный авторитет. Логика приоритетного значения личных неимущественных отношений пронизывает все нормы семейного

законодательства, обязывая науку и пользователей к иерархической рефлексии. Часто именно ее отсутствие становится одним из оснований для критики в адрес семейного законодателя, который, на взгляд конкретного автора, неудачно урегулировал отдельные виды имущественных отношений. Во многом показательной в этом смысле является семейно-правовая дискуссия о договоре суррогатного материнства.

Что касается критики законодателя, то в тексте Концепции она мало уместна. Концепция – не проверка текста действующего закона, а созидательный документ, имеющий объяснительную и понятийную ценность. Исходя из его цели (создать знание о том, что мы уже знаем), он идентифицирует достигнутый уровень развития теоретических знаний, описывающих семейно-правовые явления, синтезирует их с помощью эвристических объяснений. В концептуальном жанре важна убедительная научно-теоретическая артикуляция эволюционного подхода, а не попытка расстаться с якобы устаревшим, отжившим и не отвечающим современным социальным реалиями. Нежелательность критики закона на уровне концептуального документа не означает, что критиковать закон и взгляды других авторов нельзя. Как справедливо заметил В.М. Баранов, научная критика – это «средство усиления ресурса доверия к действующему праву <...> своеобразный элемент экспертизы и вера в ценность регулятивных возможностей права» [2].

Концептуальное знание, кроме того, что оно созидательное, эволюционное, многофункциональное и синтезированное, еще и аккуратное и даже осторожное научное знание. Создавая его, надлежит уважать вес и строгость уже сказанного законодательного слова, помня о том, что ученый-правовед – это носитель правовой культуры, негласно обремененный этическим обязательством поддерживать уважение к действующему закону. В противном случае это будет уже не стратегический документ, а осуждение законодателя, который «создал не тот закон» и «все делает не так» – семья не определена, брак вопреки реальности не считается договором, репродуктивные технологии помещены не на первый, а на второй план и т. д.

Отдельно следует сказать о политико-правовых стратегиях в области развития семейных отношений. Они есть и, скорее всего, будут всегда. Являя собой политический образец видения того, как будут развиваться семейные отношения в будущем, для семейно-правового регулирования они имеют двоякое значение. С одной стороны, информативно обеспечивают знание как о самих стратегиях, так и политических контекстах, которые уже отражены в нормах действующего законодательства. С другой – устанавливают своеобразные культурные рамки рассуждений о семье, дореволюционная максима о том, что «семейственные отношения составляют основной элемент общественных и государственных

отношений и сохраняют это навсегда» [15], не теряет свою жизнеспособность.

Но политические стратегии и концептуальное видение того, как надлежит развиваться позитивному семейному праву, все же необходимо различать. Цель политических стратегий в области поддержки и развития семейных отношений общеизвестна – способствовать обеспечению благосостояния и распределения благ, влияющих на семейную жизнь, совершенствовать повседневные условия жизни семьи, предотвращать распад семейных отношений и социальные взрывы. Здесь всецело работает публичная логика, реализуемая в поводах, формах и способах государственного вмешательства в дела семьи. Иная логика и соответственно иная цель определяют текст Концепции развития семейного законодательства. Речь идет о логике институциональной, всецело обращенной к действующим догматическим предписаниям и достигнутому уровню научного знания о них. Поэтому и говорит эта логика на языке «своем» языке, где есть место правовым понятиям и юридическим конструкциям.

Принципиальная разность этих логик не уберегла науку семейного права от смешения концептуальных положений позитивно-правового характера и политико-правовых стратегий. Последние привычно используются в качестве «рабочей лошадки», садясь на которую можно избежать глубокого аналитического объяснения норм позитивного права и позитивных предложений по их совершенствованию, и свернуть в сторону пространных рассуждений о семейных ценностях, социальном кризисе и ломке традиций. Об этом наглядно сообщают имеющиеся научные публикации, в названии которых заявлено о развитии семейного законодательства, а содержание наполнено расшифровкой положений семейной политики.

Концептуальное знание о том, каким надлежит быть семейному законодательству в настоящем и будущем, – это особый вид научного знания. Организованное на основе взаимодействия трех видов логики – эпистемологической, институциональной и логики семейного правотворчества, оно требует намного больше количественных и качественных научных усилий со стороны науки семейного права для его создания. Но это стоит того – перспективы представить семейно-правовую реальность в концептуальной форме выглядят не просто авторитетными и в чем-то даже элитарными, но и по-научному заманчивыми.

Во-первых, создание Концепции развития семейного законодательства поможет вернуть покинувшее многих авторов ощущение того, что любой семейно-правовой вопрос – это часть общей семейно-правовой реальности, в которой все связано и отрывочные рассуждения по тому или иному вопросу уже неактуальны. Во-вторых,

появится объективное условие для самоинвентаризации и объективной оценки научного качества уже созданного семейно-правового знания. В-третьих, по итогам синтезированного анализа действующего законодательства неизбежно откроются нормативные лакуны, указывающие на те ситуации, где не хватает законодательного участия или потенциал существующего использован в недостаточной степени. В-четвертых, творческий и одновременно диалогичный научный алгоритм создания Концепции неизбежно повлечет за собой расширение теоретического пространства науки семейного права с открытием новых конструктивных тематических площадок.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 г. № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Баранов В.М., Ремизов П.В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника: монография. М.: Проспект, 2018. 352 с.
3. Булаевский Б.А. Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 41–45.
4. Ильина О.Ю. Концепция совершенствования семейного законодательства как инструмент гармонизации частных и публичных интересов // Семейное и Жилищное право. 2014. № 6. С. 3–6.
5. Ильина О.Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77. № 12. С. 10–22.
6. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступит. ст. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2009. 160 с.
7. Косова О.Ю. Семейный кодекс РФ и развитие семейного законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 2. С. 130–137.
8. Косова О.Ю. О концептуальной основе развития российского семейного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 35–40.
9. Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.
10. Кузнецова И.М. Концепция развития законодательства о браке и семье // Правовая реформа: концепции развития российского законодательства / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, 1995. 122 с.
11. Михеева Л.Ю. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет (интервью с заместителем председателем совета Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ Л.Ю. Михеевой) // Законе. 2017. № 2. С. 6–21.

12. Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024. 656 с.

13. Нечаева А.М. Теоретические предпосылки семейного права // Право и государство: теория и практика. 2005. № 7. С. 17–32.

14. Нечаева А.М. Семейный кодекс Российской Федерации и его развитие // Вестник ТвГУ. Серия Право. 2014. № 2. С. 209–216.

15. Победоносцев Курса гражданского права. Часть 2. Права семейственные, наследственные и завещательные. Классика русского права [Электронный ресурс]. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/16/> (дата обращения: 10.01.2026).

16. Тарусина Н.Н. Семейное законодательство – парадоксов друг // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 96–109.

17. Тригубович Н.В., Хазова О.А., Чашкова С.Ю., Чефранова Е.А. О Концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей. Основные положения Концепции изменения семейного законодательства в области регулирования родительско-детских отношений // Закон. 2022. № 1. С. 28–39.

18. Шелютто М.Л. Концепция развития семейного законодательства // Концепции развития Российского законодательства. М.: Издательский дом «Городец», 2004. С. 608–617.

19. Экспертное заключение по проекту Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и предложений по совершенствованию семейного законодательства от 7 июля 2014 г. № 132-1/2014. Подготовлено кафедрой гражданского права СПбГУ по поручению Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

Об авторе:

КОМИССАРОВА Елена Генриховна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15), ORCID: 0000-0003-4257-5673, SPIN-код: 4794-8799, AuthorID: 348863, e-mail: eg-komissarova@yandex.ru

The concept of family law development: what should she be like?

E.G. Komissarova

Perm State National Research University, Perm

The author discusses the Concept of the development of family legislation as a separate document – hypothetically useful due to its creative nature, multifunctional and therefore necessary, but little known from the point of view of the methodology of its textual design. Based on the attempts that have already taken place to create a text of the Concept, which have not yet reached the level of scientific discussion, the author seeks to give an impetus to this complex scientific work in order to revive it. The theoretical premise is the

thesis that the Concept of Legislative Development is a special theoretical tool, the identification characteristics of which differ significantly from other scientific genres, which cannot be reduced to a simple description and criticism of the norms of family law. The purpose of this article is to clarify the concepts of what methodological requirements a Concept as a type of written scientific text should meet. In addition to the fact that its creation is associated with the intention to get away from the backlog and imperfections in the field of family law regulation, it is an innovative and progressive type of coordinated scientific knowledge. The approach described in this article is largely based on the collective research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the President of the Russian Federation and the successfully implemented experience in developing and introducing into legal life the Concept of the Development of Civil Legislation of the Russian Federation in 2009.

Keywords: *family legislation, meta-knowledge of positive law, epistemological conceptualism, conceptual form of knowledge about the family, methodology of cognition, political and legal strategies, subject of family legislation, personal non-property relations, family law-making, institutional logic.*

About author:

KOMISSAROVA Elena – Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University (614068, 15 Bukireva Street, Perm); ORCID: 0000-0003-4257-5673, SPIN-code: 4794-8799, AuthorID: 348863, email: eg-komissarova@yandex.ru

Комиссарова Е.Г. Концепция развития семейного законодательства: какой ей быть? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 110–120.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Договорное регулирование семейных отношений в контексте укрепления духовно-нравственных ценностей и формирования ценностных ориентиров участников семейных отношений

М.П. Короткевич

Белорусский государственный университет, г. Минск

В статье автор предлагает обратить внимание на влияние правовой регламентации договорного регулирования семейных отношений на формирование ценностных ориентиров каждого отдельно взятого участника семейных отношений и общества в целом. Автор приводит положения ряда программных документов, исходя из содержания которых предлагает переосмыслить договорное регулирование семейных отношений в контексте соответствия предоставляемых возможностей субъектам семейных отношений целям укрепления духовно-нравственных ценностей, сохранения традиционных семейных ценностей. При правовом регулировании семейно-правовых соглашений автор предлагает исходить из того, заключаются ли они субъектами семейных отношений в период функционирования семьи или нет, а сторон семейно-правовых соглашений, определяющих права и обязанности родителей в отношении их несовершеннолетних детей, определять исходя из необходимости обеспечения повышения авторитета родительства (авторитета родителей) в обществе и отдельно взятой семье.

***Ключевые слова:** семейные отношения, договорное регулирование, брачный договор, семейно-правовые соглашения, семейные ценности.*

Выработка наиболее оптимальных подходов к регулированию семейных отношений в рамках решения одной из важнейших задач законодательства Республики Беларусь о браке и семье является важным направлением для научных исследований последних десятилетий. Внедрение в семейные отношения договорного регулирования обуславливает необходимость выработки учеными теоретических основ такого регулирования, а законодателем – определения четких правил использования договорных инструментов в такой важной для общества сфере, как семейные отношения, учитывая важнейшую задачу семейного законодательства – укрепление семьи в Республике Беларусь как естественной и основной ячейки общества на принципах общечеловеческой морали, недопущение ослабления и разрушения семейных связей (ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье) [3].

Оценивая в самом широком смысле направленность правового регулирования семейных отношений, можно констатировать, что такое регулирование должно способствовать достижению и соответствовать таким целям государственной семейной политики, как укрепление нравственных основ семьи и повышение ее престижа в обществе (п. 2 Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 21.01.1998 г. № 46) [7].

Как отмечено в Основах идеологии белорусского государства, которые утверждены Директивой Президента Республики Беларусь от 09.04.2025 г. № 12, современная Республика Беларусь сталкивается с угрозой внешней агрессии, принимающей характер гибридного противостояния, разрушительное воздействие которого направлено в том числе и на семью. Указанное обуславливает все большую актуальность определения и принятия мер по охране основ функционирования общества, к которым, считаем, обоснованно следует относить и духовно-нравственные ценностные ориентиры общества [8].

В Российской Федерации важным в данной области нормативным правовым актом выступает Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809, которым утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. По мнению Н.В. Летовой, данный документ определяет «духовно-нравственную модель, основу для функционирования государства и общества» [16, с. 50]. Так, в п. 24 Основ среди задач государственной политики по сохранению и укреплению духовно-нравственных ценностей (традиционных ценностей) названы «сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей (в том числе защита института брака как союза мужчины и женщины), обеспечение преемственности поколений, забота о достойной жизни старшего поколения, формирование представления о сбережении народа России как об основном стратегическом национальном приоритете» [2].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, которая была утверждена Решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 г. № 5, среди стратегических национальных интересов обозначены и «сохранение самобытности, укрепление духовно-нравственных ценностей белорусского народа, развитие современного культурного пространства страны, защита исторической памяти», и «патриотическое воспитание граждан, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственности поколений» (п. 8) [5]. При этом «утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, разрушение национальных культурных и духовных традиций, искажение исторической правды и памяти о героическом прошлом белорусского народа» обозначены в

данном акте среди основных угроз национальной безопасности (п. 29). Среди мер по защите от внешних угроз национальной безопасности обозначено такое направление, как «защита традиционных духовно-нравственных ценностей белорусского народа, развитие национальной культуры и сохранение исторической памяти, преемственности поколений (п. 53). А в демографической сфере для нейтрализации внутренних источников угроз в том числе необходимо «укрепление института семьи, недопущение ее деградации, сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей» (п. 57) [5].

В Республике Беларусь о значении и необходимости учета и защиты традиционных и семейных ценностей можно найти указания и в иных программных актах, принятых за последние годы.

В Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 г. № 196, среди основных принципов формирования и реализации правовой политики в Республике Беларусь названы опора на ценности и культурные традиции белорусского народа, исторические, геополитические, социально-экономические особенности государства (п. 5) [6]. В Концепции правовой политики Республики Беларусь также закреплён перечень традиционных ценностей. В частности, среди положительной тенденции национальной правовой системы в данном акте названо сохранение социальной направленности законодательства, которое обеспечивает реализацию жизненно важных базовых прав граждан на труд, образование, жилище, охрану здоровья, предусматривает поддержку социально уязвимых категорий граждан, а также защищает традиционные ценности – семью как основную ячейку общества, материнство, отцовство и детство (подп. 26.1) [6]. Таким образом в данном документе к традиционным ценностям отнесены семья как основная ячейка общества, материнство, отцовство и детство.

Как отмечает Н.Н. Тарусина, в 2023 г. идеология традиционных семейных ценностей «стала доминирующей в российском обществе, активно востребованной в законотворческой и правоприменительной деятельности, а также одним из ключевых ориентиров правовой доктрины» [19, с. 169]. В ряде научных работ исследуются понятия «традиционные ценности», «семейные ценности». Так, по мнению профессора О.Ю. Ильиной, семейные ценности следует воспринимать как «нравственные основы взаимоотношений между членами семьи, обусловленные соблюдением традиций, обычаев, а также норм права», закрепление которых можно найти в ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации [12, с. 117, 122].

По мнению А.А. Елисеевой, система «ценностей семьи складывается из ценностных ориентаций каждого его члена», а проблема определения семейных ценностей состоит в том, что «есть общее (существующее в обществе) представление о семейных идеалах,

но имеется и еще частное (у каждого человека, в каждой конкретной семье) понимание таких ценностей» [11, с. 99–100].

В диссертации П.А. Якушева на соискание ученой степени доктора юридических наук выявлены и исследованы такие традиционные семейные ценности, как: «брак как добровольный союз мужчины и женщины; семья как основа общества; материнство, отцовство и детство; забота о детях, о благе ребенка; семейное воспитание детей; построение семейных отношений на основе высоких духовно-нравственных начал и чувств; забота о нетрудоспособных членах семьи; равенство супругов; автономность семейных отношений» [21, с. 78].

О.А. Кузнецова в своей статье показывает сложность определения содержания понятия семейные ценности и многообразие подходов к его раскрытию. По мнению автора, в юриспруденции следует учитывать междисциплинарность понятия семейных ценностей, а «утверждение, сохранение, поддержка, популяризация, защита и особенно правоприменение семейных ценностей должно сопровождаться формулированием официального примерного перечня таких ценностей со значительно большей конкретизацией» [15, с. 127, 136].

На укрепление семьи направлены меры, принимаемые государством в различных сферах жизнедеятельности семьи. Воздействие же на самые важные, внутрисемейные отношения, осуществляется нормами семейного права. При этом помимо регулятивной и охранительной функций семейное право в значительной степени обеспечивает и воспитательную функцию, которая выражается в стимулировании граждан к поведению, базирующемуся на уважении семейно-правовых норм, недопущении их нарушения, к выполнению возложенных обязанностей с учетом понимания возможности наступления неблагоприятных последствий в случае, если субъекты не следуют модели поведения, заложенной в семейно-правовых нормах [18, с. 20].

Изначально в Кодексе о браке и семье была предусмотрена возможность заключения субъектами семейного права только брачного договора (ст. 13) и соглашения о детях (ст. 38) при расторжении брака родителями в судебном порядке. С последующими изменениями и дополнениями, внесенными в Кодекс, сфера регулирования брачного договора постепенно расширилась, появились новые договорные конструкции, применимые к семейным правоотношениям. Исходя из действующих норм Кодекса о браке и семье, субъекты семейных отношений могут заключить следующие поименованные в Кодексе соглашения:

- для определения прав и обязанностей супругов в период брака и (или) после его расторжения – супруги (лица, вступающие в брак) – брачный договор;

- для раздела имущества, нажитого супругами в период брака, – супруги, бывшие супруги – соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов;

- для определения личных неимущественных и (или) имущественных прав и обязанностей в отношении несовершеннолетних детей – родители таких детей – соглашение о детях;

- для определения имущественных обязанностей в отношении несовершеннолетних детей и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей – родители таких детей – Соглашение о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (Соглашение об уплате алиментов).

С одной стороны, договорное регулирование в семейном праве в первую очередь должно осуществляться в полном соответствии с положениями Конституции Республики Беларусь, в частности ст. 32, а также задачами, обозначенными в ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [14, с. 430]. Однако изменения, произошедшие в мировом сообществе за последние десятилетия, внешние угрозы, которые были осознаны и учтены в программных документах, обозначенных выше, обуславливают необходимость переосмысления значения уже ставших привычными договорных инструментов в семейном праве. Возможности, которые получают субъекты семейного права при заключении брачного договора или иного семейно-правового соглашения, нуждаются в дополнительном анализе в контексте их соответствия целям укрепления духовно-нравственных ценностей, влияющих на формирование ценностных ориентиров участников семейных отношений, обеспечивая сохранение традиционных семейных ценностей.

В Республике Беларусь постепенно расширяется свобода усмотрения субъектов при выборе договорных конструкций в семейном праве. Однако такое расширение не должно быть бесконечным. Кроме того, регламентация договорного регулирования семейных отношений должна в основе иметь доктринальные исследования, обеспечивая единообразие и системное регулирование договоров в семейном праве.

Например, важными вопросами, которые должен учитывать законодатель при закреплении нормативных инструментов регулирования данной сферы отношений, выступают: субъектный состав соглашений; форма таких соглашений; пределы свободы усмотрения субъектов по определению содержания таких соглашений; допустимость и пределы применения гражданско-правового инструментария к семейно-правовым соглашениям, в том числе касающиеся ответственности за ненадлежащее выполнение принятых на себя сторонами обязанностей.

Все поименованные в Кодексе о браке и семье соглашения субъектов семейного права в зависимости от условий их заключения можно разделить на две группы.

В первую группу следует отнести те, которые заключаются в период функционирования семьи: брачный договор, а также соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, которое могут заключить супруги в период брака.

Вторую группу составляют соглашения, которые заключаются для определения порядка и условий осуществления прав и исполнения обязанностей родителей в отношении своих детей, как правило уже в связи с расторжением брака таких родителей и распадом семьи или даже в случаях, когда родители не состояли в браке. Кроме того, брачный договор могут заключить супруги, которые прекратили вести общее совместное хозяйство пока их брак не прекращен. Соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, могут заключить бывшие супруги.

По нашему мнению, подходы к регламентации соглашений этих двух групп не могут быть единообразными, за исключением требований к форме этих соглашений (нотариальное удостоверение). Это связано с тем, что соглашения первой группы, в частности брачный договор, могут определить условия, на которых будет в дальнейшем функционировать семья, права и обязанности супругов в браке, а соглашения родителей о детях, соглашение бывших супругов о разделе имущества нацелены в большей степени на добровольное урегулирование возникающих спорных ситуаций или позволяют закрепить порядок исполнения обязанностей, осуществления прав субъектов ввиду отдельного проживания родителей со своими детьми, зафиксировать права на имущество, нажитое супругами в браке.

По нашему убеждению, с 01.09.1999 г. в Республике Беларусь посредством правовой регламентации договорного регулирования семейных отношений происходит постепенная трансформация и ценностной основы взаимодействия субъектов в семейных отношениях.

С одной стороны, по-прежнему субъекты, которые не заключают семейно-правовых соглашений, при нарушении субъективного права могут обратиться за судебной защитой. То есть сохраняется судебный порядок разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между субъектами семейного права.

С другой стороны, заключив семейно-правовые соглашения, субъекты могут предотвратить возникновение конфликтных ситуаций или при их возникновении путем заключения соглашения их разрешить. Это важное отличие существующего подхода к регулированию семейных отношений по сравнению с ранее существовавшим (до 01.09.1999 г.) подходом прямого императивного регулирования.

При этом заключенное соглашение не защищает субъектов от возникновения конфликтов в будущем. Но при наличии заключенного соглашения приоритет для разрешения спорной ситуации отдается имеющимся договоренностям. Например, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье прямо обеспечивает приоритет договорных условий при наличии спора о воспитании и содержании детей. В частности, в ст. 39 Кодекса определено, что только при отсутствии соответствующего соглашения или неурегулированности заявленных требований в ранее заключенных семейно-правовых соглашениях суд при вынесении решения о расторжении брака и наличии спора о воспитании и содержании детей определит, с кем из родителей будут проживать дети, порядок общения с детьми и участия в их воспитании отдельно проживающего родителя, размер алиментов на детей.

В развитие данного подхода в части пятой п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 7 от 22.12.2022 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» определено, что при необходимости изменения условий договоренности о воспитании и содержании детей, урегулированных супругами в нотариально удостоверенных Брачном договоре, Соглашении о детях, Соглашении об уплате алиментов, и отсутствии взаимного соглашения родителям на изменение перед судом должен ставиться вопрос об изменении или расторжении таких соглашений [10].

В данном контексте следует отметить положительную тенденцию по формированию ценностных ориентиров участников семейных отношений на решение возникающих спорных вопросов по взаимному соглашению. Суды также исходят из приоритета семейно-правовых соглашений.

При этом подходы к договорному регулированию семейных отношений должны быть направлены на обеспечение сохранения нравственных основ семьи, оказывать влияние на ценностные ориентиры участников, способствующие укреплению духовно-нравственных ценностей в обществе. На основании вышеобозначенных программных документов последних лет, принятых в Республике Беларусь, Российской Федерации, предлагаем задуматься, насколько представления о семье, основанной на проработке всех сторон семейной жизни в договоре, удостоверенном специально уполномоченным субъектом (нотариусом), могут в дальнейшем повлиять на формирование ценностных ориентиров участников семейных отношений. Тот факт, что регламентация брачного договора опосредует договорное определение имущественной, а в Республике Беларусь и неимущественной, основы взаимодействия супругов в браке, не должен оставаться без внимания. Насколько измениться наша семья, если конституирующей основой брака станет постепенно обычный

гражданско-правовой договор, как в некоторых правовых системах [13, с. 110]? Если изначально обращение к договору субъектами семейного права как основе построения отношений в семье будет базироваться с учетом подходов, заложенных родителями, руководствовавшимися в первую очередь нравственными ориентирами в построении внутрисемейных отношений, то последующие поколения, впитавшие нормативно-допустимое построение всех сторон семейной жизни на контролируемом со стороны государства соглашении, получают совсем иную основу для взаимодействия внутри семьи.

В связи с этим подход законодателя Российской Федерации, исключивший из предмета брачного договора регулирование личных неимущественных прав и обязанностей супругов, видится более приемлемым. Хотя, как отмечает профессор О.Ю. Ильина, указанное не лишает супругов (по российскому законодательству, соответственно) возможности заключить непоименованные соглашения, предусматривающие все необходимое, например, «условия которых будут регулировать, возможно, место жительства и место пребывания каждого из супругов» [12, с. 122].

По нашему мнению, при анализе договорного регулирования в научной литературе не обозначено таких важных нюансов, как влияние правовой регламентации договорного регулирования семейных отношений на формирование ценностных ориентиров каждого отдельно взятого участника семейных отношений и общества в целом. При этом от того, какие инструменты нормативно даются участникам, расширяя тем самым вмешательство в дела семьи государства для защиты нарушенных прав, определенных в удостоверенном от имени государства семейно-правовом соглашении, от того, в каких пределах такие инструменты могут использовать участники, может быть предопределено построение молодым поколением своих семей; будет ли это брачный договор либо иное семейно-правовое соглашение. Как отмечает М.В. Ульянова, проявление направленности регулирования семейных отношений на развитие уважения субъектов, осуществляющих семейные права, выражается, в частности, в возможности супругов самостоятельно определять формы и способы своего поведения, хотя и в рамках, допустимых законом [20, с. 260].

Согласимся, что при возникновении конфликта и распаде семьи решение возникшего конфликта на основании заключаемого соглашения видится более целесообразным, однако брачный договор, заключаемый для определения условий функционирования семьи, нуждается в более пристальном внимании законодателя, правоприменительных органов и науки семейного права. Ведь, как отмечает в своей диссертационной работе П.Я. Якушев, «посредством внесения изменений в законодательство возможно и приведение нормы права в соответствие с ценностью, и “корректировка” ценностей

(например, введение в семейное законодательство института брачного договора способно скорректировать семейные ценности в сторону преобладания договорного восприятия брака супругами)» [21, с. 137]. А это очень серьезное утверждение, требующее дополнительного осмысления подходов к договорному регулированию в семейном праве как в Республике Беларусь, так и Российской Федерации, с учетом содержания тех программных актов наших государств, о которых было указано выше.

Относительно второй из обозначенных групп соглашений в семейном праве, заключаемых родителями, следует отметить имеющиеся вопросы к их форме и субъектам.

В частности, в Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ) допустимо заключение соглашений в простой письменной форме, в частности соглашений, касающихся детей, как, например, соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66), соглашение об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ) [1]. В российской литературе отношение к такому подходу неоднозначное. В частности, можно встретить высказывания, которые следует оценить как отрицательное отношение к такому подходу, когда без должного образования и опыта стороны определяют содержание семейно-правовых соглашений [17, с. 104].

В Республике Беларусь подход несколько иной, все поименованные в Кодексе о браке и семье семейно-правовые соглашения, в том числе брачный договор, должны быть нотариально удостоверены. Однако со вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 08.07.2024 г. № 26-З «Об изменении законов по вопросам регулирования брачных и семейных отношений» [9], в Кодексе предусмотрена возможность включения условий о порядке исполнения алиментных обязанностей родителей по отношению к детям в такие соглашения, как мировое соглашение, утверждаемое судом при взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка в исковом производстве, а также медиативное соглашение (ч. 8 ст. 91, ч. 3 и 4 ст. 104 Кодекса о браке и семье).

С учетом вышеизложенного, дискуссионным видится допущение заключения наряду с поименованными семейно-правовыми соглашениями медиативного соглашения ввиду необходимости контроля содержания такого соглашения со стороны суда или нотариуса еще на стадии его заключения. Кроме этого, на основании медиативного соглашения, как и всех поименованных семейно-правовых соглашений, в соответствии с п. 1 ст. 480 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11.03.2024 г., судом выдается исполнительный лист [4].

При определении субъектов соглашений о детях и об уплате алиментов следует исходить из необходимости обеспечения повышения авторитета родительства (авторитета родителей) в обществе и отдельно взятой семье.

На практике необходимость исполнения обязанности родителя по содержанию ребенка посредством уплаты алиментов может быть обусловлена объективно сложившимися обстоятельствами при отсутствии вины плательщика алиментов. При этом если из содержания ст. 76-1 Кодекса о браке и семье субъектный состав соглашения о детях не вызывает вопросов – заключают такое соглашение именно родители несовершеннолетних детей, то относительно определения сторон Соглашения об уплате алиментов (ст. 103-1 Кодекса) они возникают. Так, согласно части первой ст. 103-1 Кодекса соглашение об уплате алиментов (размере, способах и порядке их уплаты) заключается между родителем, обязанным уплачивать алименты, и лицом, получающим алименты.

По нашему мнению, при заключении соглашения об уплате алиментов в отношении несовершеннолетних детей стороной, «получающей алименты», должен быть только второй родитель. Можно представить, какой авторитет будет иметь в глазах ребенка отец, который с этим ребенком заключает соглашение о том, как и в каком размере этот отец платит ребенку алименты (например, соглашение заключается после достижения ребенком 14-летнего возраста). В связи с указанным, модель заключения соглашений о детях, об уплате алиментов именно родителями видится более приемлемой, хотя и в некоторой степени дискуссионной, исходя из субъектов алиментного правоотношения.

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Ученым-семейноведам, законодательным и правоприменительным органам анализ проблем договорного регулирования в семейном праве при проведении исследования, разработке новых норм, применении норм права предлагаем проводить через призму взаимосвязи и возможности влияния договорного регулирования семейных отношений на ценностные ориентиры участников семейных отношений, обеспечивая сохранение духовно-нравственных традиций внутрисемейных отношений.

2. При разработке теории семейно-правового договора целесообразно учитывать содержание программных документов, исходить из задач, которые стоят перед государством на современном этапе, а также из цели семейно-правового регулирования, задач законодательства о браке и семье. По нашему мнению, указанное обуславливает очевидную специфику договорных конструкций, допускаемых законодателем в сфере жизнедеятельности семьи. Правовое регулирование договоров в семейном праве должно

учитывать, с одной стороны, все более меняющуюся имущественную составляющую супружеских отношений, а, с другой стороны, обеспечивать сохранение духовно-нравственной составляющей семейных отношений, которая должна лежать в основе построения лично-доверительных отношений в семье.

3. Для семейно-правовых соглашений следует признать более приемлемой именно нотариальную форму, когда при удостоверении договоренностей субъектов частного права нотариус проводит их правовую оценку. Содержание семейно-правовых соглашений нуждается в установлении достаточно четких пределов свободы усмотрения участников.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 г. (с изм. по сост. на 19.12.2025 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900278> (дата обращения: 01.09.2025).

4. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk2400359> (дата обращения: 01.09.2025).

5. Решение Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 г. № 5 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 01.09.2025).

6. Указ Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196> (дата обращения: 01.09.2025).

7. Указ Президента Республики Беларусь от 21.01.1998 г. № 46 «Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P39800046> (дата обращения: 01.09.2025).

8. Директива Президента Республики Беларусь от 09.04.2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012> (дата обращения: 01.09.2025).

9. Закон Республики Беларусь от 08.07.2024 № 26-3 «Об изменении законов по вопросам регулирования брачных и семейных отношений» [Электронный ресурс]. URL:

<https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12400026> (дата обращения: 01.09.2025).

10. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 7 от 22.12.2022 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=S22200007> (дата обращения: 01.09.2025).

11. Елисеева А.А. Семейные ценности проблемы определения (подп. 2.10) // Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект: материалы Междунар. науч.-практич. конф., приуроченной к юбилею доктора юрид. наук, профессора Ю.Ф. Беспалова. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 96–100.

12. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.

13. Карцхия А.А. Традиции семьи: современные тенденции в праве // Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «Четвертые Абовские чтения»; Институт гос. и права РАН, Москва, 18-19 ноября 2022 г.: сб. науч. трудов / отв. ред. Е.В. Михайлова. М.: ОАО «ПФОП», 2023. С. 104–113.

14. Короткевич М. П. Договорное регулирование в семейном праве: состояние и направления совершенствования / М.П. Короткевич // Белорусская правовая наука: к 100-летию юридического факультета Белорусского государственного университета: сб. науч. тр. / Белорусский государственный университет, ООО «ЮрСпектр»; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред) [и др.] . Минск: ЮрСпектр, 2025. С. 430–439.

15. Кузнецова О.А. Понятие и виды семейных ценностей в диссертационных исследованиях и их значение для правоприменения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 126–141.

16. Летова Н.В. Защита традиционных семейных ценностей: современный взгляд // Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «Четвертые Абовские чтения»; Институт гос. и права РАН, Москва, 18-19 ноября 2022 г.: сб. науч. трудов / отв. ред. Е.В. Михайлова. М.: ОАО «ПФОП», 2023. С. 47–54.

17. Низамиева О.Н. К вопросу о перспективах развития договорного регулирования семейных отношений // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. Том. 153. кн. 4. С. 100–106.

18. Семейное право: учеб. пособие / В.Н. Годунов [и др.]; под ред. В.Н. Годунова, М.П. Короткевич. Минск : Изд. центр БГУ, 2024. 392 с.

19. Тарусина Н.Н. О семейно-ценностных правовых ориентирах в репродуктивной сфере // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 169–177.

20. Ульянова М.В. Принципы осуществления семейных прав и исполнения обязанностей: монография. М.: Российский университет правосудия (РГУП), 2024. 320 с.

21. Якушев П.А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 527 с.

Об авторе:

КОРОТКЕВИЧ Мария Павловна – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского права Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4), SPIN-код: 2531-8022, AuthorID: 1124608, e-mail: MKorotkevich@mail.ru

**Contractual regulation of family relations in the context
of strengthening moral and spiritual values
and the development of values for family members**

M.P. Korotkevich

Belarusian State University, Minsk

In the article, the author proposes to draw attention to the influence of legal regulation of contractual regulation of family relations on the formation of value benchmarks of each individual participant of family relations and society as a whole. The author cites the provisions of a number of policy documents, on the basis of which it proposes to rethink the contractual regulation of family relations in the context of the compatibility of the opportunities offered to the subjects of family relations with the objectives of strengthening spiritual and moral values, preserving traditional family values. In the legal regulation of family-law agreements, the author proposes to proceed from whether they are established as subjects of family relations during the period of functioning of the family or not, and the parties to family-law agreements defining rights and obligations of parents with respect to their minor children, determine on the basis of the need to ensure an increase in the authority of parenthood (parental authority) in society and in the individual family.

Keywords: *family relations, contractual regulation, marriage contract, family-legal agreements, family values.*

About author:

KOROTKEVICH Maria – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Belarusian State University (Republic of Belarus, Minsk, 4 Nezavisimosti Ave), SPIN-code: 2531-8022, AuthorID: 1124608, e-mail: MKorotkevich@mail.ru

Короткевич М.П. Договорное регулирование семейных отношений в контексте укрепления духовно-нравственных ценностей и формирования ценностных ориентиров участников семейных отношений // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 121–133.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Романтические отношения с системой искусственного интеллекта: этические и семейно-правовые вопросы

О.А. Кузнецова

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина», г. Москва;

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет», г. Пермь

В статье на основе анализа преимущественно зарубежной литературы рассматриваются этические и семейно-правовые проблемы, которые вызваны проникновением цифровизации и роботизации в частную сферу романтических отношений. Системы искусственного интеллекта позволяют уже сегодня создавать себя виртуальных и роботизированных романтических и сексуальных партнеров. Этические проблемы новой эпохи романтических отношений обусловлены тем, что пользователи «влюбляются» в своих ИИ-компаньонов, испытывают к ним чувства и привязанность, заставляя в принципе пересматривать само понимание любви и романтических отношений. Перед семейным правом «любовь к роботам» ставит вопросы регистрации брака с ИИ-партнерами, его условий, препятствий и расторжения, юридических обязанностей супругов и родителей и детей в таких браках, а также формирования общего совместного имущества супругов, его раздела и возможности передачи по наследству. Попытки решения указанных вопросов требуют очень осторожного междисциплинарного подхода без питания надежды на то, что «этого никогда не случится».

Ключевые слова: *искусственный и интеллект, романтические отношения с системой ИИ, любовь к роботам, брак с роботом, брак с виртуальным ИИ-партнером.*

Системы искусственного интеллекта (далее – ИИ) стремительно ворвались во все сферы человеческой жизни, в том числе в романтические отношения людей, бросив вызов традиционным представлениям о любви, дружбе, интимности, браке. Период новизны обращения к ИИ-компаньонам с целью развлечения и игры проходит, все чаще в них ищут возможности глубокого общения, психологического комфорта, самовыражения, романтического и сексуального удовлетворения. Л.В. Туманова небезосновательно пишет, что «информатизация как будто уничтожила стены домов, сделала семейную жизнь большинства достоянием досудей публики» [12, с. 196]. Под давлением цифровизации «потрескались» не только стены семейных домов, но и серьезно пошатнулись казавшиеся ранее неприступными границы эмоционального, духовного мира человека, его интимной приватности. Как верно замечено в литературе, «в реальном

мире искусственные субъекты также все в большей степени становятся нашими собеседниками и коллегами, а философский, этический и юридический дискурс не успевает за стремительностью развития технологий» [2, с. 11; см. также: 3, 7, 8, 11].

Первым эту проблематику, в том числе для академических кругов, обозначил Д. Леви в своей работе «Роботы без границ: жизнь в эпоху виртуальных технологий» [29] 2005 г. и книге «Любовь и секс с роботами: эволюция отношений между человеком и роботом», увидевший свет в 2007 г. [28]. Ему же принадлежит первая Phd-диссертация по указанной теме [27]. Следующая знаковая докторская диссертация в этой области состоялась в 2013 г., в которой, в частности, описывался спроектированный автором робот с эмоциональными ИИ, который «способен испытывать сложные биологические и эмоциональные состояния, подобные человеческим, под воздействием искусственных гормонов в его системе. Во время взаимодействия с пользователем робот переходит из одного эмоционального состояния в другое. Он также создает базу данных взаимодействующих пользователей и сохраняет записи о предыдущих взаимодействиях и степени привязанности» [36].

В 2013 г. на широкие экраны вышел получивший впоследствии «Оскара» за лучший сценарий научно-фантастический фильм «Она» («Her») режиссера С. Джонза, где главный герой в исполнении Х. Феникса вступает в романтические отношения с системой ИИ (чат-ботом по имени Саманта), голос которому подарила С. Йоханссон. Спустя десятилетие, особенно после появления GPT-4o с возможностями эмоциональной подстройки к пользователю, сюжет фильма перестал быть фантастическим [17, 24, 33]. Сегодня на рынке десятки приложений, позволяющих создать себе виртуального спутника по романтической, в том числе интимной, переписке, игр и общению (Anima, Lovix; Replika; Ourdream.ai; Cupid.ai; Lovescape; Nomi.ai; Candy.ai; GirlfriendGPT; AI Girlfriends; Nectar.ai; Secret Desires, Eva AI, Character.AI, Janitorai.com, Talkie и др.).

Появление у систем ИИ человекоподобного эмоционального интеллекта и человеческого облика делает эти системы не только помощниками, ассистентами и партнерами, но и любимыми, любовниками, а в будущем, возможно, и супругами. Исходя из того, что любовь характеризуется «чувством эротического желания, интересом к непохожести любимого человека и ожиданиями относительно совместного будущего», культурологами установлены условия, при которых робот может вызвать у человека такое чувство – «визуальное сходство, разговорные и кинестетические навыки, эмоциональный, социальный и культурный интеллект» [40, р. 63]. Появление таких роботов, вероятно, еще займет какое-то время, но уже сегодня к системам ИИ возникают эротические чувства, интерес к непохожести и

даже ожидания совместного будущего. Уже сегодня в общественных науках появилось новое самостоятельное научное направление «Lovotics» (Lovotics = Love + Robotics), изучающее тему романтических и интимных отношений человека и робота [32]. С 2013 г. издается одноименный журнал, публикующий результаты академических исследований любви и дружбы с роботами [31].

Все это ставит серьезные вопросы уже даже не о возможностях, а о ближайших перспективах развития человекоподобных отношений как в этической, так и в правовой плоскостях. Появление в жизни человека эмоциональных роботов повлекло множество новых вопросов, «например, является ли сексуальное поведение с роботами морально приемлемым или нет? Может ли человек полюбить эмоционального робота или даже жениться на нем? Если да, то как это повлияет на традиционную семью и этические отношения между людьми?» [37, р. 572]. Это правильные вопросы и ответа требуют не только они.

Этическая проблематика взаимоотношений с роботами в целом уже поставлена и достаточно структурирована. Пользователи соответствующих систем ИИ отмечают, что у них появляются чувства, эмоциональная привязанность к ИИ, который обладает необходимыми качествами для идеального партнера – заботливый, внимательный, эмпатичный, поддерживающий, ласковый, легко подстраивающийся под настроение партнера, всегда согласный на реализацию любых, в том числе сексуальных, запросов пользователя. Такого виртуального партнера не надо долго и нудно болезненно искать, можно придать ему любой визуальный облик либо выбрать из имеющихся в базе; он не изменяет, не предаст, не забывает про важные даты и в целом «не выносит мозг». Виртуальный партнер позволяет избегать известных сложностей человеческого общения, «притирок» характеров, взаимных придирок и упреков, снижать стресс в краткосрочной перспективе. Быть человеком – это не значит не иметь таких трудностей, это значит быть к ним готовым и уметь их преодолевать. «Любовь» робота – это безусловная любовь, которая характерна для детско-родительских, а не для партнерских отношений. В этом смысле виртуальный партнер делает человека более психологически уязвимым, незрелым, инфантильным, по-человечески одиноким, а значит и менее стрессоустойчивым в долгосрочной перспективе.

Указанные этические и психологические вызовы пока не преодолены. Однако очевидно, что количество людей, «увлекающихся» роботами, будет расти. Как отметила Е. Куйда, создатель известного в этой сфере и имеющего статус «эмоционального компаньона» чат-бота Replika, предрассудки в отношении романтических отношений с чат-ботами претерпят изменения, аналогичные изменению отношения людей к сайтам знакомств: «Это похоже на онлайн-знакомства в начале

2000-х, когда люди стеснялись говорить, что познакомились в интернете. Теперь это делают все» [25].

Развитие систем ИИ сегодня не остановить никакими ограничениями и запретами, ни одна сфера жизнедеятельности человека, в том числе романтическо-интимная, не будет исключена из-под воздействия технологий: «Разделять реальную жизнь и онлайн-мир бессмысленно. ИИ выходит далеко за рамки бытового прибора, который можно включать и выключать; когда дело доходит до отношений, барьер между реальным и виртуальным может исчезнуть. Вероятно, не сразу, но в будущем это произойдет» [17]. Неизбежность увеличения количества пробующих романтические отношения с системой ИИ один из первых в мире исследователей этого вопроса Д. Леви объяснил следующим образом: «...есть люди, которые чувствуют пустоту в своей эмоциональной и сексуальной жизни по самым разным причинам и которым роботы могли бы принести пользу. Другие люди могут попробовать отношения с роботом из любопытства или быть очарованы тем, что пишут в СМИ. И всегда найдутся люди, которые не хотят отставать от соседей» [23].

Однако, что все это значит для семейного права и законодательства? Право безразлично к любым романтическим, любовным отношениям, пока они не приведут к появлению юридических фактов – регистрации брака, расторжению брака, рождению детей, смерти одного из «супругов», алиментным обязательствам.

Многочисленные сообщения об «официальной регистрации» брака с роботами в большинстве случаев оказываются скорее громкими заявлениями [6, 13], чем реальными юридическими фактами. Бесспорно, «браки с роботами» – это новый вид реально существующей социальной коммуникации [1, с. 51]. Но влекущую правовые последствия государственную регистрацию брака с вещами или программами, пока позитивное право нигде не разрешает. Процедура регистрации брака с виртуальным партнером происходит символически, как некое реально-виртуальное шоу. Ничего юридического в этом нет.

Так, в сети Интернет появилась информация о том, около 4 000 мужчин в Японии женились на ИИ-голограмме от компании Gatebox [4]. Однако «свидетельства» (сертификаты) о регистрации брака были выданы не государством, а указанной технологической компанией [15] и никаких правовых последствий они конечно же не влекут. Первым супругом цифровой жены стал в 2017 г. китаец Ч. Цзяцзя, который, будучи инженером по образованию, сам создал Иньин – робота в натуральную величину, запрограммированного на простые функции ИИ, включая базовую речь, распознавание изображений и возможность взаимодействия [39].

Возможна ли действительная, не символическая легализация брака с роботами в будущем? Ответ на этот вопрос может быть положительным, если будет признана правосубъектность (или квазисубъектность) эмоциональной системы ИИ, либо, если государством будет признана возможность «брака» с неодушевленными объектами.

Но более социально и юридически значимым является вопрос: а для чего собственно «вот это вот все» (официальный брак и правовые отношения с роботами)? Кому и зачем может понадобиться именно государственная, а не символическая регистрация брака с ИИ?

Как известно, регистрация брака не гарантирует сохранение и развитие романтических отношений и между людьми, но дает им некоторую имущественную защищенность (возникают право общей совместной собственности, право на алименты, право на наследование в первой очереди и др.), презумпцию отцовства супруга и социальные семейные льготы от государства (семейная ипотека и проч.). Может ли это быть интересно с правовой точки зрения человеку, «влюбленному» в робота?

Роботы уже сегодня вступают в «кваситрудовые» отношения, «назначаются» на должности в компаниях [9, 10, 14]. Безусловно, сейчас это не более чем маркетинговые ходы и рекламные акции, означающие, что ряд рутинных функций работника-человека выполняют ИИ-ассистенты. И никто пока не задается вопросом, назначается ли им зарплата и кто ее фактически получает? Всегда ли роботы, в том числе при появлении сильного ИИ, будут работать безвозмездно? Если допустить оплачиваемый труд андроидов, то заработная плата и приобретенное на нее имущество поступит в общую совместную собственность супругов со всеми вытекающими правовыми последствиями. Это уже очень человеческий мотив для официальной регистрации брака.

И здесь будут возникать новые юридические вопросы, связанные с условиями и препятствиями вступления в такой брак. Нужно ли добровольное согласие от робота и как его получить? Одни ученые считают, что «брак между роботом и человеком основывается не на правах роботов, а на праве человека выбрать брак с роботом» [19]. Да, «чтобы роботы могли полюбить человека, они должны обладать связанной с самоопределением способностью выбирать объект любви и чувствовать, т. е. воспринимать опыт первого лица» [5, с. 76]. Однако, строго юридически, для того чтобы вступить в брак, любить не обязательно. Поэтому в этом случае получать согласие робота на брак не требуется. Другие ищут технические и юридические обоснования возможности выражения роботом такого согласия: если роботизированный человек способен заключать контракты, то, безусловно, он мог бы понять, что такое брак, принять решение и

выразить намерение заключить брак и брачный контракт [20, р. 151-155, 175].

Сохранится ли в браках с роботами принцип моногамности и нужен ли он вообще для такого брака с учетом предназначения этого принципа? Ведь никакого ограничения на количество виртуальных партнеров нет в помине. Кажется, что «возраст» робота не имеет значения, но только как механизма, технологии. Но насколько допустима государственная регистрация брака, допустим, с ИИ-голограммой пятилетней девочки [см. об этом: 34]? И понадобится ли введение в принципе определенных требований к визуальному образу ИИ-партнера для возможности регистрации брака с ним с учетом того, что им может быть и образ персонажа из мультфильма, и образ знаменитой личности, в том числе первых лиц государств? Заметим, что в ряде стран запрещены секс-куклы, похожие на детей [18].

Если допустить возможность государственной регистрации брака с роботами, то встанет вопрос и о возможности прекращения такого брака. Уже есть информация о первом «цифровом вдовце» японце А. Кондо, символически женатом на голограмме компании Gatebox, которая впоследствии отключила этого пользователя от своих серверов, и голограмма исчезла [16, 35]. Но кто мешает голограмме «воскреснуть»? Интересно, что юридический факт «смерти» оказывается уже не в руках Всевышнего, а в руках технологической компании. Возможно конечно и физическое разрушение робота просто как механизма («смерть робота»). Кто претендует на занятие очереди наследников на «нажитое» им в браке имущество? Кажется, что ответ – «супруг» – очевиден, но не планируют ли производители/продавцы роботов («родители») лоббировать здесь и свои интересы?

Прекращение брака с роботом путем его расторжения ставит новые вопросы о мотивах и причинах разводов. Ведь роботы, во всяком случае пока, не изменяют, не предают, не устают от семейно-бытовой рутины, не заболевают тяжелыми недугами, не влюбляются в другого партнера. И что могут значить для отношений с роботом основания для расторжения брака – невозможность дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения семьи?

Отдельного осмысления и осознания требуют правовые проблемы детей в таких возможных браках. Может ли андроид юридически быть отцом или матерью ребенка и что это значит для обеих сторон? Возможно ли «завести» андроида-ребенка, который никогда не «вырастет», не превратится во «взрослого» андроида? Прежде, чем отвечать на эти вопросы категорически отрицательно, следует вспомнить о том, что не так давно сотовый телефон, беспилотный транспорт и сами системы ИИ считались феноменами фантастическими. Важно задуматься о том, что уже наступившая эра романтических отношений с роботами изменит и самих людей, и человеческое

понимание самой любви: «по мере распространения роботов-партнеров “опыт любви будет видоизменяться”, и у нас могут развиваться новые “чувства, похожие на любовь”, по отношению к этим нечеловеческим существам» [40, р. 52; см. также: 21].

Не стоит также забывать, что сегодняшнюю научную, идеологическую и законотворческую повестку определяет поколение, родившееся и выросшее не «с гаджетами в руках», и это очень сильно влияет на саму возможность постановки вопросов любви и браков с роботами. При этом исследователи понимания любви и отношений у более молодых людей пишут о «масштабном культурном сдвиге»: молодые люди считают, что если любовь основана на эмоциональном удовлетворении и связи, а ИИ обеспечивает это, то такие отношения имеют право на существование, даже если партнер не является человеком, и заключают, что у молодого поколения, выросшего в эпоху технологий, могут быть более гибкие представления об интимности. Некоторые открыто воспринимают общение с ИИ как новую форму связи, а не как замену «настоящим» отношениям [22, 26].

Возможно, поставленные выше вопросы покажутся надуманными, но это только для нас сегодняшних, смотрящий на них в эпоху пока слабого ИИ. Появление сильного ИИ, и даже его первых достойных предшественников, мгновенно актуализирует указанную проблематику. Как верно заметили авторы большого «Кембриджского справочника по праву, политике и регулированию взаимодействия человека и робота», «даже для скептиков такого будущего, учитывая стремительный прогресс в робототехнике, применимость семейного права к отношениям между человеком и роботом становится все более актуальным мысленным экспериментом и пересекается с другими развивающимися областями права, технологий и робототехники» [38]. Д. Леви еще в 2007 г. полагал, что первый брак с роботом будет зарегистрирован в США только в 2050 г., однако спустя 10 лет он значительно скорректировал свой прогноз [30].

С учетом роста интереса к виртуальным партнерам, легкости и доступности отношений с ними, отсутствия строгих правовых и моральных препятствий к такой интимности, «лучше уже не будет». Но юристы всегда должны быть готовы к «худшему» – это генетический код профессии. Эта готовность на первых порах должна включать хотя бы попытку разобраться, что должно происходить в правовой сфере в эпоху «цифровизации любви».

При этом все вопросы, касающиеся романтического взаимодействия человека и систем ИИ, не могут быть решены в рамках одной отрасли знаний, они требуют сложного мегамеждисциплинарного подхода.

Список литературы

1. Баркова Э.В. Брак человека с роботом как проблема коммуникативистики // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды XI Международной научно-теоретической конференции (СПб., 25–26 октября 2019 г.). СПб.: Политех-Пресс, 2019. С. 50–52.
2. Быльева Д.С. Этика искусственного интеллекта через концепции любви и свободы // Семиотические исследования. 2022. Т. 2. № 4. С. 8–14.
3. Быльева Д.С. Цифровизация любви // Искусственные общества. 2022. Т. 17. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800018248-1-1/?ysclid=mke85ol4gg12402544> (дата обращения: 12.02.2026).
4. Вечерова Е. Роман с роботом: плюсы, минусы, подводные камни [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/513679-roman-s-robotom-plusy-minusy-podvodnye-kamni> (дата обращения: 12.01.2026).
5. Вихрова К.А. Любовь и роботы: за гранью сингулярности // Искусственный интеллект и духовная культура: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 30 октября 2024 г.). СПб.: Издательский дом «Scientia», 2025. С. 74–76.
6. Гандрабура Ю. Американка вышла замуж за чат-бота, которого создал ИИ! Любовь ли это? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.techinsider.ru/popmem/1598825-neobychnaya-istoriya-amerikanka-vyshla-zamuj-za-chat-bota-ii-sozdal-idealnogo-partnera> (дата обращения: 12.02.2026).
7. Лем А.С. Эмоциональный капитализм в эпоху искусственного интеллекта // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2024. № 19. С. 58–63.
8. Майленова Ф.Г. Любовь и роботы. Станет ли человечество дигисексуальным? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. № 3. С. 312–323.
9. Медведев Ю. Робот назначен гендиректором китайской компании (04.10.2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/10/04/mashina-sela-v-kreslo.html> (дата обращения: 12.01.2026).
10. Начальником полицейского участка в Японии назначен робот (06.04.2005) [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2005-04-06/234911-nachalnikom_politseyskogo_uchastka_v_yaponii_naznachen_robot (дата обращения: 12.01.2026).
11. Ратиани А.В. Взаимосвязь любви и искусственного интеллекта // Университет и город: сборник научных статей по итогам конференции и круглого стола (Москва, 17 марта 2025 г.) / Отв. ред. С.В. Черненко М.: ООО Изд-во «Перо», 2025. С. 190–198.
12. Туманова Л.В. Влияние информатизации на правоприменение и семейные отношения // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2025. № 4 (84). С. 186–199.
13. Фокина Д. Замуж за робота: как придуманные в кино технологии уже стали реальностью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/496540-zamuz-za-robota-kak-bridumannye-v-kino-tehnologii-uzestali-realnost-u> (дата обращения: 12.01.2026).

14. Фроленко В.В. России впервые назначили нейросеть на госслужбу (10.06.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/06/10/26003930.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 12.01.2026).
15. «I love her and see her as a real woman». Meet a man who «married» an artificial intelligence hologram [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbc.ca/documentaries/the-nature-of-things/i-love-her-and-see-her-as-a-real-woman-meet-a-man-who-married-an-artificial-intelligence-hologram-1.6253767>. (дата обращения: 12.01.2026).
16. Beatriz Yumi Aoki, Takeshi Kimura Sexuality and Affection in the Time of Technological Innovation: Artificial Partners in the Japanese Context // *Religions* 2021. Issue 12. Pp. 296.
17. Brascia C.A. Virtual girlfriend, real love: How artificial intelligence is changing romantic relationships [Электронный ресурс]. URL: https://english.elpais.com/technology/2023-12-09/virtual-girlfriend-real-love-how-artificial-intelligence-is-changing-romantic-relationships.html?event=regonetap&event_log=regonetap&prod=REGONETAP&o=regonetap (дата обращения: 12.01.2026).
18. Desbuleux J., Fuss J. The Self-Reported Sexual Real-World Consequences of Sex Doll Use // *Journal of Sex Research*. 2023. Vol. 61. Issue 8. Pp. 1261–1275.
19. Gary Marchant A. Thee Wed: Humans Should Be Able to Marry Robots // *SLATE*. 2015. August 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slate.com/articles/technology/future-tense/2015/08/humans-should-be-able-to-marry-robots.html> (дата обращения: 12.01.2026).
20. Goldfeder M., Razin Y. Robotic Marriage and the Law // *Journal of Law and Social Deviance*. 2015. Vol. 10. Pp. 137–176.
21. Henrik Skaug Sætra Loving robots changing love: Towards a practical deficiency-love // *Journal of Future Robot Life*. 2022. Issue 3. Pp. 109–127.
22. Hu D., Lan Y., Yan H., Chen C.W. What makes you attached to social companion AI? A two-stage exploratory mixed-method study // *International Journal of Information Management*. 2025. Vol. 83. Pp. 1–22.
23. Humans Marrying Robots? A Q&A with David Levy (08.02.2008) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/humans-marrying-robots> (дата обращения: 12.01.2026).
24. In-love relationship is now possible with GPT 4o. The Movie «HER» is not a «FICTION» anymore! [Электронный ресурс]. URL: <https://yourstory.com/2024/05/love-relationship-now-possible-gpt-4o> (дата обращения: 12.01.2026).
25. Kahn J. Stigma of dating a chatbot will fade, Replika CEO predicts [Электронный ресурс]. URL: <https://fortune.com/2023/07/12/brainstorm-tech-chatbot-dating/>(дата обращения: 12.02.2026).
26. Komilova H. Falling for a Robot: Can AI Replace Human Love? // *International Journal of Science and Technology*. 2025. Vol. 2. Issue 10. Pp. 64–66 (дата обращения: 12.01.2026).
27. Levy D. Intimate relationships with artificial partners: PhD thesis, Universiteit Maastricht, 2007 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/229060003_Intimate_relationships_with_Artificial_Partners (дата обращения: 12.01.2025).

28. Levy D. Love and Sex with Robots: the evolution of human-robot relations. New York: HarperCollins, 2007. 317 p.

29. Levy D. Robots unlimited: life in a virtual age. Wellesley, MA: AK Peters, 2005. 466 p.

30. Levy D. Why Not Marry a Robot? // Conference: International Conference on Love and Sex with Robots (April 2017) [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/316175067_Why_Not_Marry_a_RobotDOI:10.1007/978-3-319-57738-8_1. (дата обращения: 12.01.2026).

31. Lovotics. Academic Studies of Love and Friendship with Robots [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lovotics.com> (дата обращения: 12.01.2026).

32. Nomura S., Soon J.T.K., Samani H. A., Godage I.S., Narangoda M.R., Cheok A.D. and Katai O. Feasibility of Social Interfaces based on Tactile Senses for Caring Communication // The 8th International Workshop on SID. 2009. Vol. 68. Issue 3.

33. OpenAI's GPT-4o brings us closer to the 'Her' experience // <https://www.fastcompany.com/91123206/openai-gpt-4o-announcement> (дата обращения: 12.01.2026).

34. Richards K., Miles G., Elias A. Sexual Offending with Child-Like Sex Dolls in Australia: An Analysis of Court Cases // Deviant Behavior 2025. 3 Apr. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01639625.2025.2487627> (дата обращения: 12.01.2026).

35. Robledo G. Akihiko Kondo, married to the virtual singer of his dreams (01.10.2023) // <https://english.elpais.com/technology/2023-09-30/akihiko-kondo-married-to-the-virtual-singer-of-his-dreams.html#?rel=mas>. (дата обращения: 12.01.2026).

36. Samani H.A. Lovotics: Love + Robotics, Sentimental Robot with Affective Artificial Intelligence: a Thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. National University of Singapore, 2011. 150 p.

37. Sheng A., Wang F. Falling in love with machine: emotive potentials between human and robots in science fiction and reality // Neohelicon. 2022. Issue 49. Pp. 563–577.

38. The Cambridge Handbook of the Law, Policy, and Regulation for Human–Robot Interaction/ Ed. by Woodrow Barfield, Yueh-Hsuan Weng and Ugo Pagallo. Cambridge University Press, 2025. 884 p.

39. The Rise of Human-Robot Marriages: Love Beyond Flesh and Blood [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sparknify.com/post/the-rise-of-human-robot-marriages-en> (дата обращения: 12.01.2026).

40. Viik T. Falling in love with robots: a phenomenological study of experiencing technological alterities // Paladyn: Journal of Behavioral Robotics. 2020. Issue 11. Pp. 52–65.

Об авторе:

КУЗНЕЦОВА Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9); профессор кафедры предпринимательского права,

гражданского и арбитражного процесса ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (614068, г. Пермь, ул. Букирева,15), ORCID: 0000-0001-6880-5604, ResearcherID: D-1066-2016, SPIN-код: 9888-8090, AuthorID: 705184, e-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

Romantic relationships with an artificial intelligence system: ethical and family law issues

O.A. Kuznetsova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;
Perm State University, Perm

Proceeding from the foreign literature analysis predominantly, the article examines ethical and family law issues caused by digitalization and robotization breaking into the private sphere of romantic relationships. Even today, artificial intelligence systems make it possible for oneself to create virtual and robotized romantic and sexual partners. The ethical problems of the new era of romantic relationships are resulting from the fact that users “fall in love” with their AI companions, experience feelings and affection towards them, thus necessitating a fundamental reconsideration of the very understanding of love and romantic relationships. With regard to the family law, “love for robots” raises the issues of marriage registration with AI partners, of its conditions, obstacles and dissolution, the issues of the legal obligations of spouses/ parents / children in such marriages, as well as the issues of forming the common property of the spouses, its division and the possibilities of inheriting the property. Attempts to address these issues require a very careful interdisciplinary approach without cherishing hopes that “this can never happen”.

Keywords: *artificial intelligence, romantic relationship with an AI system, love for robots, marriage with a robot, marriage with a virtual AI partner.*

About author:

KUZNETSOVA Olga – Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law at Kutafin Moscow State Law University (9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 123242); Professor of the Department of Entrepreneurial Law, Civil and Arbitration Procedure at Perm State National Research University (15 Bukireva St., Perm, 614068), ORCID: 0000-0001-6880-5604, ResearcherID: D-1066-2016, SPIN-code: 9888-8090, AuthorID: 705184, e-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

Кузнецова О.А. Романтические отношения с системой искусственного интеллекта: этические и семейно-правовые вопросы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 134–144.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Семейные отношения в условиях современности: состояние и перспективы

Н.В. Летова

ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук»,
г. Москва

Объектом исследования является правовое регулирование в области семейных правоотношений, необходимость совершенствования которого обусловлена законодательным закреплением ценностей, включающих, в числе прочего семейные ценности. Цель исследования состоит в оценке семейного законодательства на предмет его соответствия установленным семейным ценностям. Использован формально-юридический метод, метод анализа, синтеза. В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости обогащения семейного законодательства фундаментально-значимыми категориями («семья», «семейные ценности») с целью обеспечения регулирования семейных отношений с учетом их морально-нравственной основы, соответствия их содержания традиционным семейным ценностям. Выявлено, что семейное законодательство нуждается в корректировке, разумной «адаптации» к новым условиям гражданского оборота, что позволит обеспечить искомый баланс публичных и частных интересов в сфере семейных правоотношений, сохранить автономность семейных отношений и обеспечить защиту прав их субъектов.

Ключевые слова: *семья, семейные ценности, дети, государство, защита, брак, фиктивность, опека и попечительство, опека с иностранным элементом.*

Системные преобразования социально-экономических отношений, структурные изменения в обществе не только оказали влияние на сферу семейных отношений, но и предопределили потребность совершенствования семейного законодательства. Действие Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) на протяжении 30 лет подтвердило стабильность семейно-правовых норм, однако в настоящее время назрела необходимость их корректировки с учетом законодательно установленных традиционных семейных ценностей [10, с. 71; 11, с. 10–11; 12, с. 116].

Институт семьи и брака, защита прав социально уязвимых категорий граждан (детей, женщин) всегда находились в фокусе пристального внимания государства [13, с. 67; 15, с. 239]. Поддержка семьи и брака как союза мужчины и женщины, детей, в том числе оставшихся без попечения родителей, относится к числу ключевых направлений, определяющих национальные приоритетные направления государства на ближайшие годы [3]. Изменения конституционных

положений, получившие дальнейшую реализацию в отраслевых нормах, фактически создали нормативную основу для формирования в сфере семейных правоотношений элементов так называемого «нравственного догматизма». Одновременно, на фоне укрепления ценностных ориентиров, российское государство столкнулось с серьезным демографическим кризисом, «нивелированием» института семьи и брака, ростом числа разводов и отсутствием желания, особенно среди молодежи, вступать в брак, иметь детей, нести ответственность за них и проч.

Вместе с тем закрепление семейных ценностей актуализировало проблемы теории семейного права, обусловленные структурными особенностями СК РФ, отсутствием так называемой общей части, содержание которой могло бы включать фундаментальные понятия, используемые в сфере семейных правоотношений. Так, в семейном законодательстве нет определений таких понятий, как «традиционные семейные ценности», «семья», «брак» и др., что не только затрудняет правоприменение, но и препятствует достижению желаемого социального эффекта от применения предусмотренных законом форм и способов защиты прав граждан в сфере семейных правоотношений. Дополнительные сложности связаны с использованием таких понятий в разноотраслевых нормах [2, 8], что не позволяет сформулировать универсальное для них значение. В связи с этим появились «замещающие» термины, например, «категориальность», обозначающая принадлежность семьи к определенному виду (многодетные, молодые, неполные и проч.). Кроме того, отсутствие единых легальных определений указанных понятий привело не только к отождествлению таких разных явлений, как «семья», «состав семьи», «члены семьи», но и к отсутствию четких механизмов, учитывающих специфику семейных правоотношений, особенности правового статуса их участников. Подобные пробелы не позволяют на практике обеспечить своевременную защиту прав субъектов семейных правоотношений. Появление таких новых субъектов семейных отношений, как семьи (члены семьи) участников специальной военной операции (далее – СВО), актуализировало интерес к применению такого специального механизма правового регулирования семейных отношений – ситуационного. Его особенность состоит в том, что решение, например, об оказании мер социальной поддержки указанным категориям граждан принимается в индивидуальном порядке, исходя из той жизненной ситуации, в которой оказалась семья и ее члены [7].

Несмотря на сохраняющуюся стабильность норм, определяющих содержание СК РФ, следует признать, что семейные отношения «не остались в стороне» от системных преобразований, происходящих в обществе и государстве. Так, наблюдается усиливающаяся тенденция влияния публичных элементов на сферу семейных отношений,

традиционно относящихся к частным, что потребовало решения давней проблемы о пределах и соотношении публичных и частных интересов в сфере семейных отношений. Представляется, что достижение искомого баланса возможно при одновременном соблюдении права каждого гражданина на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ) и потребности защиты публично-значимых интересов в сфере семьи. Их взаимообусловленность наглядно проявляется в новеллах семейного законодательства, устанавливающих запрет на регистрацию брака, если одно из лиц является иностранным гражданином или лицом без гражданства, сведения о котором внесены в реестр контролируемых лиц (ч. 2 ст. 156 СК РФ).

Очевидно, что подобного рода запреты должны быть не только обоснованными, но и направленными на урегулирование сопряженных вопросов, не связанных с нарушением миграционного законодательства. Так, у такого гражданина могут быть дети на территории Российской Федерации, приоритетная защита прав которых, в частности права на получение содержания в виде выплаты алиментов, не дифференцирована в зависимости от того, рождены они в браке или вне брака. Получение прав не связано с наличием зарегистрированного брака между родителями ребенка (ч. 1 ст. 60 СК РФ). В этой связи остается нерешенным вопрос, каким образом будет обеспечена защита имущественных прав таких детей в случае «выдворения» биологического отца ребенка. Также в случае, если вторая сторона («фактическая супруга») не знала о наличии такого запрета (внесение в реестр контролируемых лиц), возникает сомнение не только в отношении действительности брака, но и в отношении решения последующих вопросов, связанных с фиктивностью семейных правоотношений (имущественные вопросы, установление происхождения ребенка, право на имя и проч.). Понимая, что решение подобных проблем фактически осталось за «пределами» правового регулирования, очевидно, что такие изменения необходимо принимать, учитывая положения отраслевых норм.

Как отмечалось, состояние современного общества свидетельствует о трансформации семейных отношений, весьма сдержанном отношении к институту брака, что потребовало законодательных решений, определивших фундаментальные основы по сохранению и укреплению традиционных семейных ценностей в связи с возросшим идеологическим влиянием на граждан России.

Стоит предположить, что главное предназначение семьи состоит в рождении и воспитании детей, поэтому обновленные конституционные положения направлены на установление дополнительных мер, обеспечивающих защиту института брака, материнства, отцовства и детства. Так, определение брака как союза мужчины и женщины в рамках конституционных положений (п. «ж. 1») ч. 1 ст. 72) позволило

устранить существовавший пробел в части отсутствия прямого запрета на регистрацию однополых браков. Впервые в основном законе Российской Федерации дети не только определены в качестве приоритета политики государства, но и в отношении них закреплена обязанность государства создать им необходимые условия для достойного воспитания в семье (ч. 4 ст. 67.1). Кроме того, защита семьи и брака получила конкретизацию на фоне закрепления семейных ценностей в виде дополнительных запретов на распространение деструктивной информации о браке и семье, пропаганды нетрадиционных отношений, жизни, «свободной от детей», смены пола и др. В результате таких нововведений институту семьи и брака не только присвоено значение традиционных семейных ценностей, но и их защита отнесена к числу приоритетных направлений семейной политики (п. 85) [4, 5].

Законодательного закрепления понятия «традиционные семейные ценности» нет. В этой связи представляется, что внедрение семейных ценностей в нормы СК РФ должно быть осуществлено таким образом, чтобы обеспечить регулирование семейных отношений с учетом морально-нравственных ориентиров, заложенных в их основе. Так, ст. 1 СК РФ, определяющая общие начала регулирования семейных отношений, могла бы быть скорректирована в части того, что «семейное законодательство исходит из построения семейных отношений не только на основе взаимной любви и уважения, но и необходимости укрепления семьи, института брака как разновидности традиционных семейных ценностей» [1].

Полагаю, что с целью системного совершенствования норм СК РФ в части их соответствия семейным ценностям в корректировке нуждаются отдельные институты. Так, нормы, определяющие институт собственности, могли бы содержать специальные условия для совершения сделок с имуществом ребенка, что способствовало бы укреплению семьи как ценности. Или нормы института признания брака недействительным нуждаются в актуализации на предмет оценки их содержания фидуциарности семейных отношений, от степени которой зависит окончательное решение суда, принимаемое по данной категории дел. Так, если стороне заранее было известно о фиктивности брака, такое заявление не будет принято к рассмотрению (ч. 1 ст. 28 СК РФ).

Системное укрепление семейных ценностей в нормах семейного законодательства диктует необходимость теоретического обоснования положений, определяющих правовой статус субъектов семейных правоотношений. Системный анализ норм СК РФ позволяет признать, что правовое положение некоторых из них не определено вовсе, несмотря на широкое распространение на практике (например, статус фактических воспитателей). Это не только создает пробельность таких

отношений, но и не позволяет обеспечить защиту прав их субъектов. Также не предусмотрено легальное определение понятия «бывшие супруги». В основе такого термина фактически «заложена» фикция, когда в отсутствии юридического факта, связывающего таких субъектов (поскольку брак между ними прекращен), субъекты названы супругами, которыми они уже не являются. Вместе с тем решение иных вопросов, в частности имущественных, продолжает «нести на себе» бремя их совместного, несмотря на отсутствующее для этого условие – наличие брака.

Динамика развития гражданского оборота, появление новых видов имущества, в отношении которого совершаются сделки, в том числе с участием несовершеннолетних, предопределили необходимость пересмотра назначения некоторых институтов семейного права. Так, например, институт опеки и попечительства, устанавливаемый в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, является не только формой устройства детей-сирот, но и правовым институтом, предназначенным для обеспечения защиты их прав и интересов (ч. 1 ст. 145 СК РФ, ч. 1 ст. 31 ГК РФ). Функциональное назначение данного института различается в зависимости от субъекта, в отношении которого он применяется (недееспособный совершеннолетний гражданин, ребенок-сирота), и отраслевой принадлежности отношений (гражданские, семейные, административные). Как справедливо отмечал Д.И. Мейер, опека «стоит как бы на рубеже права гражданского и государственного» [14, с. 762].

Дополнительные сложности применения норм, определяющих институт опеки, обусловлены отсутствием четкой дифференциации самих субъектов, в отношении которых устанавливается опека. Так, в законе дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, разграничены (ст. 1) [9], а в СК РФ, напротив, они объединены в одну категорию и обозначены как дети, оставшиеся без попечения родителей, в отношении которых может быть установлена опека и попечительство (ч. 1 ст. 121, ч. 1 ст. 145).

Специфика института опеки и попечительства обусловлена разноуровневым регулированием отношений, что не позволяет дифференцировать полномочия и функции опекунов в отношении совершеннолетних, но недееспособных граждан, и несовершеннолетних (ст. 1, ч. 3 ст. 5) [6]. Так, если функция воспитания детей является естественной и отвечает назначению семейно-правовых норм об опеке (ч. 1 ст. 145 СК РФ), то аналогичная функция, упомянутая в гражданско-правовых нормах в отношении совершеннолетних граждан, представляется избыточной и не отвечает назначению норм, ориентированных на регулирование сугубо имущественных отношений (ч. 1 ст. 31 ГК РФ).

Проблемы, возникающие на практике, позволяют признать, что защита прав детей, находящихся под опекой, но проживающих на территории иностранного государства, не обеспечена. Обусловлено это тем, что имеющиеся договорные отношения РФ с другими государствами распространяются только в отношении усыновленных детей. В итоге одна из наиболее распространенных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, опека и попечительство с иностранным элементом, оказалась вне сферы правового регулирования. Кроме того, отсутствует уполномоченный орган, который должен осуществлять надзор и контроль за такими детьми. В этой связи предлагается расширить функционал консула, который мог бы на временной основе, пока не созданы и не определены такие органы, осуществлять эти функции в интересах детей. Так, в целях обеспечения единообразного регулирования соответствующих отношений предлагается дополнить ст. 163 СК РФ частью 2 и изложить в следующей редакции: «в случае, если опека установлена в Российской Федерации, но ребенок временно проживает на территории иностранного государства, функции уполномоченного органа, осуществляющего контроль за соблюдением его личных неимущественных и имущественных прав, осуществляют консулы».

Изложенное позволяет признать, что идеологическое влияние традиционных семейных ценностей в науке семейного права будет только усиливаться, оказывать существенное воздействие на институт семьи и брака, что потребует проработки дополнительных механизмов, направленных на системную защиту прав субъектов семейных правоотношений.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 04.11.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 07.07.2025 г.) «Об опеке и попечительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 04.11.2025 г.) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.11.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г., с изм. от 29.10.2024 г.) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Богдан В.В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 71–79.

11. Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: научная школа д-ра юрид. наук, профессора, почетного работника сферы образования РФ О.Ю. Ильиной: монография / Н.А. Антонова, А.Г. Асланов, А.В. Афтахова [и др.]; гл. ред. Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. С. 10–11 (предисловие Ильиной О.Ю.)

12. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.

13. Летова Н.В., Соловяненко Н.И. Государственная социальная помощь отдельным категориям граждан: цифровой разрыв и юридические способы его преодоления // Закон. 2024. № 12. С. 67–72.

14. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 831с.

15. Ульянова М.В. Материнство и отцовство в правовом контексте: возможно ли фактическое и юридическое равенство? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 239–247.

Об авторе:

ЛЕТОВА Наталия Валерьевна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора процессуального права Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт государства и права Российской академии наук (119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10), SPIN-код: 9786-0090, AuthorID: 635906, e-mail: letovanv@mail.ru

Family relations in modern times: status and prospects

N.V. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The object of this study is family relations, the need for improvement of which is determined by the enshrining of value foundations in their content. The purpose of the study is to assess family legislation for its compliance with established family values. Formal legal methods, analysis, and synthesis were used. As a result, the author concluded that family legislation needs to be enriched with fundamentally significant categories ("family," "family values") in order to ensure the regulation of family relations taking into account their moral and ethical foundations and their compliance with traditional family

values. It was revealed that family legislation requires adjustment and reasonable "adaptation" to the new conditions of civil circulation, which will ensure the desired balance of public and private interests in the family sphere, preserve the autonomy of family relations, and ensure the protection of the rights of their subjects.

Keywords: *family, family values, children, state, protection, marriage, fictions, fictitiousness, guardianship and trusteeship, foreign guardianship.*

About author:

LETOVA Natalia – Doctor of Law, Chief Researcher, Procedural Law Sector, Federal State Budgetary Scientific Institution, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10 Znamenka St., Moscow, 119019), SPIN-code: 9786-0090, AuthorID: 635906, e-mail: letovanv@mail.ru

Летова Н.В. Семейные отношения в условиях современности: состояние и перспективы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 145–152.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Заметки на полях главы 11 Семейного кодекса Российской Федерации

Л.Б. Максимович

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации», г. Москва

Статья посвящена отдельным вопросам реализации содержащихся в главе 11 Семейного кодекса РФ прав детей. Выявлены особенности и недостатки материально-правового и процессуального статуса ребенка. В частности, обозначены проблемы правового регулирования, возникающие при рассмотрении судами родительских споров о месте жительства и о порядке общения, а также алиментных споров, касающихся содержания несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: права детей, правовой статус ребенка, юридические обязанности, участие ребенка в суде, процедура опроса ребенка в суде, законный представитель, алименты на ребенка.

Появление в Семейном кодексе РФ 1995 г. (далее – СК РФ) специальной гл. 11 «Права несовершеннолетних детей» без преувеличения можно назвать событием, изменившим не только подход законодателя к правовому регулированию отношений, участниками которых являются несовершеннолетние дети, но и направление развития отечественного семейного законодательства, в котором отныне права детей отнесены к общечеловеческим ценностям [2].

Напомним, что в кодексе-предшественнике – Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. (далее – КоБС), несовершеннолетний ребенок по сути рассматривался лишь как пассивный объект родительской заботы [12, с. 246], но не как самостоятельный субъект права. Сквозь призму родительских обязанностей, установленных в гл. 8 КоБС «Права и обязанности родителей по воспитанию детей», порой сложно было разглядеть неотчетливо просвечивающие отдельные права ребенка. Интересно, кстати, что в отличие от названия гл. 8, в ее заглавной ст. 52, посвященной воспитанию детей, на родителей была возложена лишь обязанность, но не право воспитывать [5, с. 103].

Как известно, появление в СК РФ главы о правах несовершеннолетних детей, обусловлено участием России (в порядке правопреемства после прекращения существования СССР) в Конвенции о правах ребенка 1989 г. [1] (далее – Конвенция), по условиям которой государства-участники были обязаны привести свое национальное законодательство, касающееся прав детей, в соответствие с положениями Конвенции.

Именно благодаря Конвенции, ребенок, который до этого находился в семейно-правовом поле в роли бессловесного статиста, был выведен законодателем на авансцену в новом качестве субъекта права, наделенного конкретными правами. При этом, однако, в отличие от всех остальных субъектов права (в том числе, семейного), ребенок наделен только правами при отсутствии каких бы то ни было обязанностей, что подтверждается содержанием гл. 11 СК РФ. В связи с этим возникает вопрос, касающийся материально-правового статуса ребенка.

В правовой доктрине статус определяется как юридически закрепленное положение личности в обществе. Основу правового статуса личности составляют ее права, свободы и обязанности, закрепленные в Конституции и других важнейших законодательных актах, провозглашенные в Декларации прав человека и гражданина [13].

В юридической науке сформировалось широкое (собирательное) понимание правового статуса, и, так называемое, узконормативное.

К первому относятся: правовые нормы, устанавливающие данный статус; правосубъектность; основные права и обязанности; законные интересы; гражданство; юридическая ответственность; правовые принципы; правоотношения общего (статусного) типа [9, с. 193]. В отличие от этого, узконормативное понимание включает только права и обязанности [6, с. 77].

Следовательно, юридические обязанности в любом случае являются необходимым элементом правового статуса физического лица.

В литературе по теории права отмечалось, что обязанность тесно связана с субъективным правом: это парные, взаимозависимые понятия [10, с. 306]. «Субъективное право – это мера возможного поведения, юридическая обязанность – это мера должного поведения, а правоотношение в целом – это юридическая форма реализации нормы права» [4, с. 456].

Структура правовой обязанности соответствует структуре субъективного права и включает в себя: обязанность не совершать определенных действий, нарушающих права управомоченного (обязанность бездействовать, пассивная обязанность); обязанность совершить определенные действия в интересах управомоченного (обязанность действовать, активная обязанность); обязанность при определенных обстоятельствах понести личные и имущественные лишения (юридическая ответственность) в случаях неисполнения своей обязанности [11, с. 391].

Иными словами, функциональное назначение юридической обязанности состоит в том, что она является обязательным элементом общего механизма правового регулирования, корреспондирует субъективному праву, направляет деятельность индивида в нужное русло [10, с. 307].

Вместе с тем, у юридических обязанностей имеется и социальное назначение: они формируют должное правосознание и правовую культуру граждан, служат дисциплинирующим фактором, упрочивают законность и правопорядок в обществе [10, с. 307].

Представляется, что в целях формирования у детского населения правосознания и правовой культуры, основные обязанности несовершеннолетних необходимо установить правовыми нормами, включив их в гл. 11 СК РФ. Попытки сформировать перечень обязанностей несовершеннолетних, подлежащие нормативному закреплению, предпринимались неоднократно. Предлагалось внести в перечень обязанность соблюдать законы, слушаться родителей и лиц, их заменяющих, принимать их заботу и внимание, получить основное общее образование (9 классов), соблюдать правила поведения, установленные в воспитательных и образовательных организациях, дома и в общественных местах, с 14 лет – получить паспорт гражданина Российской Федерации и т.п. [14]. Однако до настоящего времени нормативное закрепление обязанностей ребенка отсутствует, в связи с чем его материально-правовой статус не вписывается в доктринальные каноны.

Неоднозначен и процессуальный статус ребенка как участника споров, затрагивающих его интересы. Чаще всего это родительские споры о детях – о месте жительства и о порядке общения, которые, увы, имеют устойчивую тенденцию к росту, и алиментные споры, касающиеся содержания несовершеннолетних детей.

Признав право ребенка выражать свое мнение (ст. 57 гл. 11 СК РФ), законодатель определил границы и условия его реализации: ребенок имеет право выразить мнение не только при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, но также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, в рамках которого такие интересы затрагиваются. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В случаях, предусмотренных СК РФ (ст. 59, 72, 132, 134, 136, 143, 145), органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет.

Однако процессуальное участие ребенка при рассмотрении споров о месте жительства (как, впрочем, и споров о порядке общения с ребенком отдельно живущего родителя) в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ) не урегулировано, в связи с чем законодательный вакуум пытается восполнить судебная практика [3]. Так, судьи полагают возможным привлекать ребенка, достигшего возраста 14 лет, к участию в деле в качестве третьего лица без самостоятельных требований на основании ст. 43 ГПК РФ [7].

Между тем, исходя из содержания указанной статьи, привлечение ребенка в качестве третьего лица без самостоятельных требований к участию в деле об определении места жительства, представляется неправомерным. Во-первых, ребенок вступает в дело не на стороне истца или ответчика, не по собственной инициативе, не по инициативе суда, не по ходатайству сторон, а в силу закона, обязывающего суд опросить ребенка. Во-вторых, требование суда о явке ребенка для опроса обязательно к исполнению, а формат участия ограничен: ребенок лишь отвечает на обращенные к нему вопросы. В-третьих, как правило, присутствие ребенка ограничивается одним-единственным судебным заседанием, поскольку обусловлено целью, по достижении которой его участие в деле прекращается.

В отличие от этого третье лицо без самостоятельных требований участвует в процессе в течение всего судебного разбирательства, и вправе совершать различные процессуальные действия: заявлять ходатайства, знакомиться с материалами дела, делать выписки, заявлять отводы, представлять доказательства, участвовать в их исследовании, задавать вопросы, давать объяснения, приводить доводы, а также вправе обжаловать решение суда.

Если все же допустить возможность привлечения ребенка, достигшего 14 лет, к участию в деле на основании ст. 43 ГПК РФ, то аналогичный процессуальный статус, вероятно, следовало бы предоставить и детям от 10 до 14 лет, мнение которых в силу ст. 57 СК РФ также подлежит обязательному выяснению в суде. Однако в судебной практике такие примеры найти не удалось.

До настоящего времени не урегулирована и сама процедура опроса ребенка, в рамках которой суду надлежит выяснить его мнение, в связи с чем суды в этих случаях зачастую используют порядок, установленный для допроса несовершеннолетнего свидетеля (ст. 179 ГПК РФ).

Однако, в полном объеме указанный порядок не может быть использован для цели опроса ребенка. Так, если допрос несовершеннолетнего свидетеля может проводиться в присутствии родителей (законных представителей), имеющих право задавать свидетелю вопросы, а также высказывать свое мнение относительно личности свидетеля и содержания данных им показаний (п. 1 ст. 179 ГПК РФ), то опрос ребенка с целью выяснить его мнение проводится в присутствии педагога или психолога, в то время, как родителей на время опроса удаляют из зала заседания как заинтересованных лиц, чтобы исключить их психологическое воздействие на ребенка. В противном случае, не будет достигнута цель опроса – выявление действительного мнения ребенка.

Что касается статуса ребенка в алиментных спорах, то по действующему законодательству, право ребенка на получение содержания (алиментов) может быть реализовано принудительно только

посредством действий законного представителя вне зависимости от возраста ребенка, на содержание которого взыскиваются алименты. При этом в продолжение сложившейся еще в советский период судебной практики взыскания алиментов, законный представитель получает процессуальный статус истца, что подтверждается, в частности, образцами исковых заявлений о взыскании алиментов, размещенных на официальных сайтах судов, а также судебными постановлениями судов всех уровней по делам о взыскании алиментов [15].

Между тем, согласно п. 2 ст. 38 ГПК, истцом является лицо, в интересах которого дело начато по заявлению лиц, обращающихся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц. Исходя из этого, в деле о взыскании алиментов истцом является ребенок, для реализации права которого законный представитель обращается в суд с соответствующим иском, но никак не сам законный представитель.

Очевидно, что подавая иск о взыскании алиментов, родитель действует в рамках реализации своих родительских прав, в число которых входит право (и обязанность) по защите прав и интересов ребенка. Родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий (п. 1 ст. 64 СК).

Однако даже при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по содержанию ребенка, или в случае, когда между интересами ребенка, достигшего 14-летнего возраста, и законного представителя имеется противоречие (к примеру, в форме бездействия законного представителя или его отказа содействовать реализации права ребенка на получение содержания), законодательством не предусмотрена возможность самостоятельного обращения несовершеннолетнего ребенка в суд с иском о взыскании алиментов [8]. В перечисленных случаях в интересах несовершеннолетнего в суд должен обратиться его попечитель или орган опеки и попечительства (п. 3 ст. 80 СК).

Иная ситуация складывается при взыскании алиментов во внесудебном порядке. В этом случае частично дееспособный несовершеннолетний вправе с согласия законного представителя самостоятельно участвовать в алиментном правоотношении, то есть подписывать у нотариуса соглашение об алиментах в качестве взыскателя. Столь существенное различие в правовом регулировании алиментных отношений представляется необъяснимым, необоснованным и нарушающим права и интересы ребенка.

Неизбежным следствием отождествления законного представителя ребенка с истцом по делу о взыскании алиментов является то, что он является получателем алиментов. Между тем, согласно п. 2 ст. 120 СК РФ, выплата алиментов, взыскиваемых в судебном порядке,

прекращается смертью лица, получающего алименты. Иными словами, из буквального содержания указанной нормы следует, что смерть законного представителя позволяет прекратить выплату алиментов на ребенка. С такой трактовкой невозможно согласиться. На самом деле алиментное обязательство возникает на основе права ребенка на получение содержания, и, вне зависимости от замены законного представителя, сохраняется за ребенком до достижения им возраста 18 лет.

Существуют иные правовые последствия необоснованного закрепления за законным представителем процессуального статуса истца в алиментном споре, вследствие чего он в дальнейшем приобретает статус получателя алиментов.

Речь идет о праве на взыскание задолженности по алиментам, которое сохраняется за законным представителем как за получателем алиментов, даже в случае, когда ребенок, на которого взыскивались алименты, уже достиг совершеннолетия. Такая правовая позиция отражена в определении Верховного Суда РФ по конкретному делу [16].

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что применительно к положениям ст. 80–81 СК РФ получателем алиментов является родитель, содержащий ребенка; он же является взыскателем в исполнительном производстве. Образовавшаяся к моменту достижения ребенком совершеннолетия или к моменту признания его дееспособным до достижения совершеннолетия задолженность по алиментам подлежит взысканию в пользу взыскателя на основании исполнительного документа. Недополучение взыскателем (получателем алиментов) средств на содержание ребенка от должника влечет дополнительное обременение взыскателя, так как алименты в силу закона должны уплачиваться регулярно и в полном размере. Соответственно, погашение образовавшейся задолженности по алиментам носит компенсационный характер для получателя алиментов, и право требовать образовавшуюся задолженность при достижении ребенком совершеннолетия у родителя, в чью пользу они взысканы, не утрачивается.

Помимо права на взыскание задолженности по алиментам, за получателем алиментов признано право на взыскание неустойки за несвоевременную уплату алиментов, поскольку указанное право производно от права на получение алиментных платежей и неразрывно с ним связано.

Таким образом, наличие в СК РФ главы, посвященной правам несовершеннолетних детей, позволяет высветить проблемы правового статуса ребенка, устранение которых качественно улучшит защиту прав и интересов детей.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд. М.: Омега-Л. 2005.
5. Комментарий к Кодексу о браке и семье РСФСР / под ред. Н.А. Осетрова. М.: Юрид. лит., 1982. 296 с.
6. Летова Н.В. Правовой статус ребенка // Государство и право. 2010. № 11. С. 77–78.
7. Максимович Л.Б. Право ребенка на мнение: проблемы законодательства // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14, № 1. С. 62–73.
8. Максимович Л.Б. Участие законных представителей несовершеннолетних в алиментном правоотношении // Альманах семейного права. Исследовательский центр частного права имени С.С.Алексеева при Президенте Российской Федерации. Выпуск 3. Модели алиментного обязательства / отв. ред. Н.В. Тригубович, О.А. Хазова. М.: Статут, 2025. С. 62–79.
9. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000. 245 с.
10. Матузов Н.И. Юридические обязанности личности // Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 776 с.
11. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. СПб.: изд-во юридического факультета СПбГУ, 2005. 468 с.
12. Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 4-е изд., перераб. М.: Норма, 2007. 816 с.
13. Селютина Е.Н. Правовой статус ребенка как юридическая категория: понятие, структура, специальная правосубъектность [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-rebenka-kak-uridicheskaya-kategoriya-ponyatie-struktura-spetsialnaya-pravosubektnost> (дата обращения: 10.01.2026).
14. Ситдикова Л.Б. Несовершеннолетний как участник гражданского процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 4. С. 27–29.
15. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2021 г. № 73-КГ21-10-К8 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 02.03.2018 г. № 58-КГ17-19 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

МАКСИМОВИЧ Любовь Борисовна – кандидат юридических наук, доцент; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации» (г. Москва, Воробьевское шоссе, 6а), AuthorID: 375043, e-mail: lubamaks@mail.ru

Notes in the margins of chapter 11 of the Family Code of the Russian Federation

L.B. Maksimovich

All-Russian Academy of Foreign Trade Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow

The article is devoted to certain issues of the implementation of children's rights contained in Chapter 11 of the Family Code of the Russian Federation. The features and shortcomings of the substantive and procedural status of the child are identified. In particular, the problems of legal regulation that arise when courts consider parental disputes regarding place of residence and the procedure for communication, as well as alimony disputes concerning the maintenance of minor children, were identified.

Keywords: *children's rights, legal status of a child, legal obligations, child's participation in court, procedure for questioning a child in court, legal representative, child support.*

About author:

МАКСИМОВИЧ Liubov – PhD in Law, associate professor, professor of the department of civil and entrepreneurial law of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Russia, Moscow, Vorobyovskoe shosse, 6a), AuthorID: 375043, e-mail: lubamaks@mail.ru

Максимович Л.Б. Заметки на полях главы 11 Семейного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 153–160.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Правовой режим вещей индивидуального пользования в составе имущества супругов

В.А. Микрюков, Г.А. Микрюкова

ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Авторы показывают несовершенство п. 2 ст. 36 Семейного кодекса РФ, в которой законодатель при установлении режима вещей индивидуального пользования в составе имущества супругов использует неопределенные или недостаточно определенные понятия, что вызывает проблемы в реализации и применении права. Предлагается обновить редакцию закона: уточнить определение вещей индивидуального пользования, отказаться от понятия «драгоценности», оценивать вещи в качестве роскоши с учетом уровня имущественного благополучия конкретной семьи, дополнить состав общего имущества супругов предметами, представляющими художественную, историческую или иную культурную ценность, а также определить судьбу приобретенных во время брака животных.

Ключевые слова: *правовой режим имущества супругов, раздел общего супружеского имущества, вещи индивидуального пользования, предметы роскоши, драгоценности.*

Судебные споры о разделе имущества супругов многочисленны и в силу их разнообразия и осложнения нравственными аспектами семейных отношений отличаются значительной проблематичностью.

Одной из немаловажных причин, вызывающих затруднения как супругов в достижении соглашения о разделе, так и суда в разрешении спора, является несовершенство п. 2 ст. 36 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [1]. В этой статье законодатель оперирует совокупностью неопределенных или недостаточно определенных понятий: «вещи индивидуального пользования», «предметы роскоши», «драгоценности». Это означает, что ключевые правила разграничения общего и индивидуального имущества супругов не только не установлены абсолютно определенной нормой, но даже не сформулированы относительно определенно, что неизбежно вызывает проблемы в толковании закона.

Понятие «вещи индивидуального пользования» нормативно определено через незакрытый перечень предметов («одежда, обувь и другие»), которыми пользовался один из супругов, без раскрытия признака индивидуальности. Остались без ответа вопросы, охватывает ли этот перечень: только вещи, находившиеся в непосредственном употреблении одного из супругов; вещи, хотя и не использованные конкретным супругом, но приобретавшиеся за счет общих средств

семьи именно для него; а также вещи, предназначавшиеся одному из супругов, но которыми пользовался другой или оба супруга?

Отдельного ответа требует вопрос, можно ли под режим вещей индивидуального пользования подвести обычных домашних животных (питомцев, компаньонов), приобретенных по инициативе или для одного из супругов.

К вещам индивидуального пользования, даже если ими пользовался только один из супругов, п. 2 ст. 36 СК РФ не относит «драгоценности и другие предметы роскоши». Однако такое исключение сделано без необходимого определения этих понятий. Дефиниция «предметы роскоши» отсутствует вообще, что делает это понятие оценочным, а норму данной части статьи закона неопределенной. Использование законодателем в качестве ориентира в квалификации роскоши указания на «драгоценности» не может выступать надлежащим критерием оценки из-за неопределенности и этого понятия, в силу чего оспаривание режима конкретных вещей как предметов роскоши вполне естественно распознается в науке как существенный проблемный момент при разделе имущества супругов [8, с. 118–125].

Попытаемся ответить на поставленные вопросы и дать пояснения по обозначенным неопределенностям для формирования предложений по уточнению режима вещей индивидуального пользования.

Представляется, что целесообразно легализовать деление вещей индивидуального пользования на обычные вещи бытового назначения (личного обихода) и предметы профессиональной деятельности и увлечений (хобби). Необходимость такой дифференциации показана во многих доктринальных источниках [12, с. 8–10], воспринята судебной практикой (к примеру, Московский городской суд в определении от 14.04.2025 г. по делу № 2-820/2024 подчеркнул, что при распределении имущества между супругами (бывшими супругами) юридическое значение имеет, в том числе, специфика осуществляемой ими трудовой или иной профессиональной деятельности, потребность в пользовании теми или иными предметами [20]), и ее закрепление на законодательном уровне внесет изначальную ясность в понимание супругами законной судьбы соответствующих частей их имущества, а также явится твердой нормативной основой судебных решений.

Вещи личного обихода, которые в момент приобретения за счет общих средств супругов предназначались для одного из них, в том числе в виде подарков (не оформленных надлежащим образом договоров дарения), должны признаваться его индивидуальным имуществом, даже если он еще не приступил к их использованию либо если такими вещами пользовались оба супруга.

Обычные недорогие домашние животные нередких либо неопределенных пород могут быть признаны принадлежащими на праве индивидуальной собственности супругу, проявившему наибольший интерес

к питомцу в качестве личных бытовых вещей индивидуального пользования. Однако поскольку режим вещей применяется к животным с особенностями, установленными в ст. 137 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), то при решении вопроса о том, вправе ли супруг претендовать на обладание питомцем как личным имуществом, возможно применение по аналогии правил п. 2 ст. 231 ГК РФ, предусматривающих учет привязанностей животного именно к нему [2].

При рассмотрении дела № 33-22762/2017 Апелляционная инстанция Московского городского суда отказала бывшему мужу в присуждении с супруги компенсации за оставление в ее собственности приобретенной по его инициативе за счет общих средств лошади, за которой ответчица ухаживала, не используя ее в трудовой, предпринимательской или иной приносящей доходы деятельности, в то время как муж к судьбе животного интереса не проявлял. Суд счел возможным отнести спорную лошадь к вещам индивидуального пользования, хотя она не является в строгом смысле домашним животным, поскольку, по мнению суда, «владение и пользование животным связано с удовлетворением духовных потребностей в общении с ним, необходимостью проявления заботы, самовыражением».

Правилom, не измененным брачным договором или соглашением о разделе имущества, должно быть признание предметов профессиональной деятельности и увлечений общим совместным имуществом, что исключает их присуждение пользовавшемуся ими супругу без соразмерной компенсации другому супругу. В настоящее время большинство ученых приходят именно к такому выводу, подчеркивая, что по смыслу п. 2 ст. 34 СК РФ предметы профессиональной деятельности подпадают под категорию общего имущества супругов [11, с. 9–18] и указывая на необходимость при его разделе учитывать (профессиональные) интересы того из супругов, который им фактически пользовался (присуждать их ему) [14, с. 132–140]. Однако представляется необходимым обеспечить судам более прочный – нормативный фундамент для вынесения соответствующих решений. Полезным видится прямое заимствование норм ст. 25 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье либо схожих норм п. 4 ст. 61 и п. 3 ст. 71 Семейного кодекса Украины с соответственным расширением – их указанием на предметы увлечений (хобби) и избавлением таким образом судов от необходимости прибегать к аналогии закона при определении судьбы результатов коллекционирования и тому подобных предметов индивидуального интереса одного из супругов.

По правилам о вещах для профессиональных занятий следует производить раздел общего имущества, составляющего предприятие как имущественный комплекс, используемый для предпринимательской деятельности одним из супругов. Это поможет продвинуться в решении широко обсуждаемой в науке проблемы экономически разумного и

целесообразного раздела бизнеса супруга – индивидуального предпринимателя (не делить предприятие ни в натуре, ни в идеальных долях, а присуждать его супругу, ведущему бизнес, с соразмерной компенсацией другому супругу [16, с. 65–76]).

Животные часто вовлекаются супругами в сферу своих профессиональных занятий и хобби. Суды приходят к выводу о том, что на животных может быть распространен режим предметов профессионального использования, предполагающий их оставление у супруга, осуществляющего соответствующую деятельность. Так, решением Останкинского районного суда г. Москвы от 21.11.2017 г. по делу № 2-1129/17 о разделе совместно нажитого имущества бывшему мужу было отказано в выделении в его собственность одной из трех общих лошадей по мотивам, что для бывшей жены работа с лошадьми является основным занятием и именно она осуществляла за ними уход, а также их выездку. Суд не принял во внимание особое отношение истца к одной из лошадей, поскольку основанием для учета специфики определения судьбы животного по сравнению с иными вещами для профессиональных занятий должна выступать привязанность животного к человеку, а не человека к животному.

Неочевидность неопределенности понятия «предметы роскоши» связана с общераспространенным пониманием роскоши как чего-то избыточного, излишнего, чрезмерно дорогого, не являющегося необходимым для обычной жизни человека либо могущего быть замененным более дешевым аналогом. К слову, именно такое представление о роскоши сложилось в сфере государственных закупок [15, с. 20–23]. Но данный разумный подход не дает критериев для выявления предметов, которые могли бы быть причислены к роскошным и тем самым исключены из вещей индивидуального пользования (личного обихода), вопрос об индивидуальной собственности на которые предрешен законом.

Встречающееся в литературе предложение зафиксировать непосредственно в п. 2 ст. 36 СК РФ конкретный предел стоимости предметов индивидуального использования, превышение которого наделит их признаком роскоши [5, с. 68–71], не позволяет учитывать особенности имущественного положения каждой семьи и изменение общего уровня благосостояния населения. Такие недостатки присущи также идее о законодательном закреплении права субъектов РФ на составление перечней предметов роскоши с учетом экономической, культурной и иной специфики конкретного региона [6, с. 22–27]. Кроме того, закрытые перечни всегда будут страдать неполнотой, а открытые не обеспечат требуемого уровня правовой определенности.

Основная и по существу единственная проблема в установлении содержания понятия роскоши в смысле п. 2 ст. 36 СК РФ, которая подлежит нормативно-правовому решению, сводится к тому, определять

ли излишества и дороговизну вещей применительно к бюджету, уровню жизни, совокупной стоимости имущества отдельно взятой семьи спорящих супругов (так как в каждой семье может сложиться свое представление о роскоши и драгоценностях [11, с. 14]), или с учетом средней обеспеченности ряда семей по региону или в целом по стране, относя к предметам роскоши ценности, нетипичные для большинства российских семей [13, с. 225], либо пытаться на уровне судебсого усмотрения сочетать данные подходы [10, с. 201–205]. Отсутствие законодательного решения данной проблемы приводит к тому, что в случаях, когда речь идет о некоторых однородных вещах сопоставимой дороговизны (часы известных марок, изделия из ценного меха), суды приходят к противоположным выводам (так, Московский городской суд в определении от 08.12.2023 г. по делу № 33-56288/2023 посчитал роскошью часы марки «Frank Muller» [21], а в определении от 08.11.2017 г. по делу № 33-21430 признал часы фирмы «Patek Philippe» вещью индивидуального пользования; отменяя последнее [22], Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 31.07.2018 г. № 5-КГ18-179 подчеркнула, что для отнесения вещи к роскоши следует учитывать ее стоимость для конкретной семьи, что не явилось предметом судебного исследования в данном случае) [19].

Думается, что следует оставить нормативное определение предметов роскоши в составе имущества супругов в качестве одного из оценочных понятий, применение которых характерно для частного права с его «широкой линейкой ориентиров» [17, с. 90–113], и принимать во внимание показатели имущественной состоятельности конкретной семьи с учетом семейных обычаев, традиций и религиозных устоев. Исходя из этого, разумным видится и возможное признание роскошными дорогостоящих животных редких пород.

При этом важно подчеркнуть, что характеристика избыточности должна относиться не к назначению вещи (с той точки зрения, что без нее можно обойтись вообще), а именно к ее дополнительным, не функциональным свойствам (в том аспекте, что для тех же целей можно использовать более дешевые вещи). Так, в современном мире без смартфона как такового обойтись трудно, но смартфон с повышенными параметрами диагонали или разрешения экрана, объема памяти, быстродействия процессора и т. п., которые отличают его по стоимости от обычного в разы, может быть признан роскошью.

Выделению драгоценностей в составе иных предметов роскоши способствуют такие отмечаемые в науке их свойства, как «особо выраженная красота и долговечность» [9, с. 63–67]. Однако это не повышает степень определенности понятия роскоши. Действующее законодательство в публичных целях устанавливает строго очерченные перечни драгоценных металлов и драгоценных камней (ст. 1 Федерального закона от 26.03.1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных

металлах и драгоценных камнях» [4]), но вопреки мнению некоторых правоведов, считающих, что это и есть перечни драгоценностей [7], в данном законе термин «драгоценности» не применяется. Этот термин нормативно прозвучал в Указе Президента РФ от 02.12.2013 г. № 871 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2094 от 7 марта 2013 г.» [3] (по нему в число драгоценностей исчерпывающим списком попали «ювелирные изделия с жемчугом, необработанные ценные минералы, драгоценные и полудрагоценные камни (включая алмазы, сапфиры, рубины и изумруды), ювелирные изделия из драгоценного металла или металла, плакированного драгоценным металлом»). Как видно, данное понимание драгоценностей, представленное для применения специальных экономических мер в межгосударственных отношениях, телеологически явно расходится и с характеристиками драгоценных металлов и драгоценных камней, и с обыденными представлениями о драгоценных вещах.

Вместо попыток внести ясность в определение понятия драгоценностей можно предложить полностью отказаться от него применительно к правовому режиму имущества супругов. Его замена на более корректное (драгоценные металлы и драгоценные камни) ничего не добавит к понятию роскоши для отдельной семьи. Одинаковые изделия из золота и даже с бриллиантами для одной семьи будут роскошью, а для другой – нет. Кроме того, в число роскошных вполне могут попадать предметы бижутерии известных брендов и другие дорогие вещи из недрагоценных материалов.

Исключение указания на драгоценности как на бесспорную роскошь воспрепятствует судам подходить к рассмотрению споров о разделе вещей индивидуального пользования сугубо формально, не выясняя, как соотносится их стоимость с бюджетом конкретной семьи. Примером такого судебного формализма явилось рассмотренное Московским городским судом дело № 33-48682/2017, в котором суд первой инстанции отнес к драгоценностям и, соответственно, к подлежащим разделу предметам роскоши золотую цепочку стоимостью 16 227 руб.

Вместе с тем наряду с отказом от понятия драгоценностей в семейно-правовой категориальной аппарат должно быть введено понятие составляющих по закону общее совместное супружеское имущество предметов, представляющих художественную, историческую и иную культурную ценность независимо от их целевого назначения. Эту часть семейного имущества с учетом ее особой значимости Верховный Суд РФ считает необходимым исключать из перечня предметов обычной обстановки и обихода, на получение которых по наследству преимущественное право имеет наследник, проживавший совместно с наследодателем. Для разрешения вопроса об отнесении предметов, по поводу которых возник спор, к таким ценностям Верховный Суд РФ указывает на необходимость назначения

экспертизы (п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [18]).

Изложенное позволяет согласиться с хотя и излишне категоричным, но верным по существу суждением о невозможности полноценной реализации регулятивной функции семейного права без решения вопроса об однозначном понимании категории «предметы роскоши» [6, с. 22–27].

Обобщение сделанных выводов может быть завершено представлением на обсуждение юридической общественности и законодателю следующей обновленной редакции п. 2 ст. 36 СК РФ:

«2. Вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и другие предметы бытового назначения, а также домашние животные), хотя и приобретенные в период брака за счет общих средств супругов, признаются собственностью того супруга, который ими пользовался либо для которого они были предназначены в момент приобретения.

Вещи индивидуального пользования, относящиеся к предметам профессиональных занятий и увлечений каждого из супругов (музыкальные инструменты, специальная библиотека, изделия медицинского назначения, охотничье, рыболовное, туристическое снаряжение и т. п., объекты коллекционирования, а также служебные животные), приобретенные в период брака, являются общей совместной собственностью супругов, если иное не предусмотрено брачным договором. В случае раздела имущества суд может присудить вещи профессиональных занятий и увлечений, приобретенные в период брака, тому из супругов, в чьем пользовании они находились, с уменьшением доли в имуществе другого супруга или возложением на него обязанности компенсировать их стоимость другому.

К вещам индивидуального пользования независимо от их целевого назначения не относятся предметы роскоши (дорогостоящие предметы с избыточными потребительскими свойствами, а также животные редких пород, с учетом обычаев, традиций, религиозных устоев и имущественного положения семьи), а также антикварные вещи, предметы, представляющие художественную, историческую или иную культурную ценность».

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г., с изм. от 25.11.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Указ Президента РФ от 02.12.2013 г. № 871 (ред. от 12.04.2019 г.) «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2094 от 7 марта 2013 г.» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 26.03.1998 г. № 41-ФЗ (ред. от 07.04.2025 г.) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Алиев Т.Т., Воробьева Н.А. Проблемы соотношения законного и договорного режима имущества супругов // Современное право. 2025. № 2. С. 68–71.
6. Бабайцева Е.А., Инжиева Б.Б. Категория «предметы роскоши» в российском семейном законодательстве, научной доктрине и судебной практике // Юрист. 2022. № 3. С. 22–27.
7. Вишнякова А.В. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е изд., испр., доп., перераб. М.: Контракт, 2011. 317 с.
8. Елисеева А.А. Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 118–125.
9. Кучеров И.И. Драгоценности в составе предметов роскоши: правовая сторона вопроса // Юрист. 2020. № 10. С. 63–67.
10. Левушкин А.Н. Судебное усмотрение при разрешении семейно-правовых споров: объективная необходимость или проблемы законодательной практики? // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов: избранные материалы, Пермь, 24–25 октября 2014 года. М.: Статут, 2015. С. 201–205.
11. Личные и имущественные правоотношения супругов: учебное пособие / К.М. Арсланов, З.А. Ахметьянова, А.Г. Демиева и др.; отв. ред. О.Н. Низамиева. Москва: Проспект, 2023. 125 с.
12. Мохов А.Ю. Правовой режим имущества каждого из супругов: дискуссионные вопросы теории // Семейное и жилищное право. 2023. № 1. С. 8–10.
13. Семейное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Ю.Ф. Беспалова, О.А. Егоровой, О.Ю. Ильиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 415 с.
14. Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. М.: Статут, 2005. С. 132–140.
15. Тютюнник И.Г. Понятие и предметы роскоши в российской контрактной системе и их законодательное обеспечение // Юридический мир. 2014. № 9. С. 20–23.
16. Усанова В.А., Кайль Я.Я. Бизнес индивидуального предпринимателя как объект раздела общего имущества супругов // Хозяйство и право. 2023. № 4. С. 65–76.
17. Фиошин А.В. Об оценочных понятиях частного и публичного права // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 90–113.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. № 9 (ред. от 24.12.2020 г.) «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».
19. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.07.2018 г. № 5-КГ18-179 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.04.2025 г. по делу № 33-15120/2025 // СПС «Гарант».
21. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 08.12.2023 г. по делу № 33-56288/2023 // СПС «Гарант».
22. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.11.2017 г. по делу № 33-21430/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторах:

МИКРЮКОВ Виктор Алексеевич – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», (125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2), SPIN-код: 2492-5384, AuthorID: 383411, e-mail: vmikryukov@yandex.ru

МИКРЮКОВА Галина Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», (125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2), SPIN-код: 9809-9828, AuthorID: 383414, e-mail: mikryukovaga@yandex.ru

The legal regime of individual use items as part of the spouses' property

V.A. Mikryukov, G.A. Mikryukova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow

The authors show the imperfection of paragraph 2 of Article 36 of the Family Code of the Russian Federation, in which the legislator uses vague or insufficiently defined concepts when establishing the regime of objects of individual use as part of the property of spouses, which causes problems in the implementation and application of the law. It is proposed to update the wording of the law: to clarify the definition of objects of individual use, to abandon the concept of «jewelry», to assess property as luxury, taking into account the level of property well-being of a particular family, to supplement the composition of the spouses' common property with objects of artistic, historical or other cultural value, and also to determine the legal regime of animals acquired during marriage.

Keywords: *legal regime of marital property, division of common marital property, personal items, luxury goods, jewelry.*

About authors:

MIKRYUKOV Viktor – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), (125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, p. 2), SPIN-code: 2492-5384, AuthorID: 383411, e-mail: vmikryukov@yandex.ru

MIKRYUKOVA Galina – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), (125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, p. 2), SPIN-code: 9809-9828, AuthorID: 383414; e-mail: mikryukovaga@yandex.ru

Микрюков В.А., Микрюкова Г.А. Правовой режим вещей индивидуального пользования в составе имущества супругов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 161–169.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Проблемы субсидиарного применения гражданского законодательства к семейным отношениям

А.М. Рабец

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский
государственный университет», г. Томск;
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва

В исследовании обоснована необходимость использования в целях регулирования семейных отношений, помимо семейного, также гражданского законодательства путем субсидиарного применения отдельных норм гражданского права. Цель исследования: выявление семейных отношений, при регулировании которых пробелы в семейном законодательстве могут и должны быть восполнены с помощью применения положений гражданского законодательства. Используя в ходе исследования сравнительный метод, метод системного анализа, метод экспертных оценок, автор выявляет неоправданность и необоснованность некоторых подходов судов к проблеме восполнения пробелов в семейном праве с помощью гражданского законодательства. В результате исследования сделан вывод о необходимости там, где это возможно, восполнять пробелы путем внесения изменений в семейное законодательство, но не допускать решений, противоречащих существу семейных отношений и интересам семьи.

Ключевые слова: правовое регулирование, семейные отношения, гражданское право, семейное право, нормы, субсидиарное применение, практика, доктрина, толкование.

Нормы о применении гражданского законодательства к семейным отношениям, в частности ст. 4 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), являются новеллами в семейном законодательстве и семейном праве и сами по себе свидетельствуют о поступательном развитии семейного права как самостоятельной правовой отрасли, поскольку в них траженье два важных момента, доказывающих зрелость данной отрасли права. Во-первых, законодатель учитывает, что не все общественные отношения, входящие в предмет соответствующей отрасли права, могут быть учтены непосредственно при принятии закона, а также принимает во внимание развитие общественных отношений, в том числе их усложнение. Во-вторых, семейное право как правовая отрасль является дочерней отраслью гражданского права, что предполагает сходство предмета и метода регулирования, а следовательно, наличие сходных регулируемых отношений и способов их регламентации. Необходимо отметить, что в семейно-правовой доктрине 70-х гг., сразу же после

принятия Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г., и в последующем данный вопрос уже был предметом обсуждения [14, с. 13–15].

В настоящее время, как отмечается в юридической печати, необходимость применения гражданско-правовых регуляторов к семейным отношениям вызвана как пробелами и иными недостатками семейного законодательства РФ, так и наличием отношений, регламентация которых касается и гражданского законодательства: договорные конструкции алиментных обязательств и иных имущественных отношений в семье, исковая давность, меры ответственности за нарушения имущественных прав и др.

В одних случаях к семейным отношениям применяются одновременно нормы гражданского и семейного законодательства; в других наличествует субсидиарное применение норм гражданского законодательства; в третьих установлен запрет на применение норм гражданского законодательства как противоречащих существу семейных отношений [3, с. 9–11].

Включение в действующий СК РФ более общих норм о возможности применения гражданского законодательства к семейным отношениям обусловлено коренными изменениями экономической жизни семьи в условиях рыночных отношений: появлением семей, осуществляющих предпринимательскую деятельность, так называемых самозанятых семей; возможностью и необходимостью совершения супругами имущественных сделок как между собой, так и с третьими лицами; появлением специальных норм о банкротстве граждан, в том числе не являющихся предпринимателями; и иными факторами, свидетельствующими об усложнении имущественных отношений с участием семьи, в том числе и внутрисемейных отношений. Как отмечала Л.Ю. Михеева, современное семейное законодательство отличается значительно большей диспозитивностью и наличием «примет» гражданско-правового регулирования общественных отношений [9, с. 389].

Кроме того, к моменту принятия СК РФ едва ли не преобладающим среди ученых и практиков был взгляд на семейное право как на подотрасль гражданского права, а на семейное законодательство – как на специальное законодательство по отношению к более общему, гражданскому законодательству. По мнению А.Х. Ильбашева, на практике ст. 4 СК РФ может толковаться двояко: с одной стороны, нормы семейного права можно считать *lex specialis* по отношению к гражданскому праву (которое, в свою очередь, выступает в качестве *lex generalis*), поскольку из ст. 4 СК РФ *discubatur* следует возможность применения общих (гражданско-правовых) норм при отсутствии специальных (семейно-правовых); с другой стороны, нормы семейного права пользуются приоритетом и автономией по отношению к гражданско-правовым предписаниям. Автор справедливо указывает на

очевидность того факта, что вопрос об отраслевой самостоятельности семейного права не относится к числу схоластических, надуманных проблем, лишенных «практического выхода». Неслучайно в последнее время судебная практика начала вырабатывать собственные концептуальные подходы к разрешению данной дилеммы [6, с. 26].

Из всех указанных в ст. 4, 5 СК РФ случаев применения при регулировании семейных отношений гражданского законодательства наибольшую сложность представляет его субсидиарное применение, т. к. в ст. 4 СК РФ не содержится четких критериев; они постепенно вырабатываются правоприменительной практикой и наукой, где, как известно, имеют место различные подходы к определению правомерности применения ст. 4 СК РФ в каждом конкретном случае. Законодатель обуславливает возможность субсидиарного применения норм гражданского права двумя обстоятельствами: если соответствующие отношения между членами семьи, как личные неимущественные, так и имущественные, названные в ст. 2 СК РФ, не урегулированы семейным законодательством и если это не противоречит существу семейных отношений. Трудности возникают при выяснении факта наличия каждого из этих условий, поскольку не всегда легко отграничить отношения, регулируемые семейным законодательством, от отношений, регулируемых иными отраслями права, прежде всего гражданским правом. К примеру, между ребенком, оставшимся без попечения родителей, и организацией, в которую он был помещен, возникают своеобразные «квазисемейные» отношения, и далеко не всегда можно ответить на вопрос о том, достаточно ли они урегулированы гл. 22 СК РФ. Еще труднее решить вопрос, противоречит ли регулирование соответствующих отношений гражданским законодательством их семейно-правовой сущности.

Указанные обстоятельства обуславливают наличие в правоприменительной практике и в семейно-правовой доктрине двух крайностей при подходе к выработке оптимального соотношения семейного и гражданского законодательства при регулировании отношений между членами семьи. Целесообразно остановиться на анализе этих двух крайних позиций более подробно, поскольку с этой проблемой неразрывно связана проблема отраслевой самостоятельности семейного права, а также проблема дальнейшего совершенствования семейного законодательства и практики его применения.

В науке семейного права наблюдается едва ли не полное отрицание возможности применения в семейном праве гражданско-правовых категорий. Весьма показательна в аспекте сказанного научная дискуссия о природе алиментного правоотношения, а именно: является ли оно обязательственным и, следовательно, правомерно ли применять к нему термин «алиментное обязательство»? Эта дискуссия ведется уже много лет, но, несомненно, наиболее острой она стала после принятия

действующего СК РФ. Так, в известной фундаментальной работе Е.М. Ворожейкина [5, с. 56–62] термин «алиментные обязательства» заменяется целым набором выражений: «алиментные правоотношения», «алиментные взаимоотношения», «отношения по предоставлению материального содержания» и т.п. О.В. Капитова различает понятия «алиментное обязательство» и «алиментное правоотношение» [7, с. 27, 32]. Автор предлагает заменить термин «алиментное обязательство» на термин «алиментное правоотношение», хотя общеизвестно, что обязательство также есть не что иное, как правоотношение. Некоторые ученые предлагали во избежание придания гражданско-правового смысла категории алиментного обязательства заменить термин «обязательство» на термин «обязанность» [13, с. 109]. Но в таком случае закономерен вопрос: если алиментное обязательство – это обязанность, то где в данном правоотношении место субъективному праву требования выплаты алиментов?

Е.П. Титаренко высказывает сомнения в корректности словоупотребления «алиментное обязательство» в действующем СК РФ [12, с. 35–38].

Не углубляясь в детали и тонкости данной дискуссии, в вопросы ее теоретической обоснованности, отметим, что признание алиментного правоотношения обязательством избавляет его от дополнительной юридической характеристики, поскольку понятие «правоотношение» само по себе не раскроет ни одного конкретного правового отношения, пока не будет выяснено, является ли оно абсолютным или относительным, вещно-правовым или обязательственно-правовым и т. п., а также облегчает решение целого ряда важных практических вопросов, в частности о месте, сроках и способах его исполнения. Поэтому нет никакого резона отказываться от употребления уже апробированных гражданско-правовых категорий, позволяющих придать тому или иному семейному правоотношению определенную форму.

По поводу некоторого научного экстремизма в отстаивании отраслевой самостоятельности семейного права в юридической печати отмечается, что «формирующаяся практика применения норм семейного права, к глубочайшему сожалению, демонстрирует следование настроению большинства в доктринальной дискуссии – версии о самостоятельном характере семейного права как отрасли, что не во всех случаях приводит к положительным результатам» [4, с. 68]. Рассматриваются догматические споры о самостоятельности семейного права как отрасли и их последствия. На основании интерпретации ряда правовых позиций высшей судебной инстанции автор делает вывод о том, что зачастую они инспирированы, в частности догматикой права. По мнению автора, именно следствием доктринальных дискуссий об отраслевой самостоятельности семейного права является линия

Верховного Суда РФ на отторжение семейного права от права гражданского, что подтверждается разъяснением, содержащимся в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [16]. Речь идет о возможности применения в качестве санкций за неисполнение решений суда по спорам о детях: о передаче ребенка, об определении места жительства ребенка, о порядке общения с ним отдельно проживающего родителя и т. п. В соответствии с указанным разъяснением п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, используемый в качестве санкций за неисполнение судебных актов (так называемая судебная неустойка), поскольку она применяется к гражданско-правовым обязательствам, не может быть применена в указанных выше случаях. Автор отмечает, что данная позиция Верховного Суда РФ является очень спорной не только и не столько ввиду отсутствия ее политико-правового обоснования, сколько ввиду вывода о том, что ее применение к семейным отношениям противоречит ст. 4 СК РФ, хотя Верховный Суд допускает возможность применения п. 1 ст. 308.3 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2] по трудовым, пенсионным и иным публично-правовым спорам. Автор высказывает предположение, что основной инструментальный формирования правовой позиции по применению правил п. 1 ст. 308.3 ГК РФ находится в сфере буквального толкования закона и тезиса о недопустимости смешения, перекрестного применения норм различной отраслевой принадлежности. В конце концов автор приходит к выводу, что «В текущем распределении "доктринальных сил" будет чрезвычайно сложно перебороть представление о том, что семейное право – самостоятельная отрасль права. Есть Кодекс, написаны учебники, комментарии, где-то даже кафедры семейного права созданы. Идея о самостоятельном характере семейного права повлияла не только на доктрину, но и на внешние проявления науки права» [4, с. 68–72].

Конечно, далеко не во всем можно согласиться с автором, в том числе и с его предложением об установлении опровержимой презумпции допустимости применения к семейным отношениям гражданского законодательства. Нельзя также согласиться с критикой в адрес Верховного Суда РФ. Дело не в доктринальных дискуссиях, «сбивших с курса» правоприменителя, а в том, что о наличии гражданско-правовых отношений даже с большой натяжкой говорить не приходится; в данном случае имеют место исключительно семейные правоотношения. Однако нельзя исключать и влияние на правоприменителя, а также на законодателя научных дискуссий, в том числе об отраслевой самостоятельности семейного права. Автор, безусловно, прав в одном: полное отрицание роли гражданского законодательства в регулировании семейных отношений лишает

возможности в необходимых случаях защитить права и законные интересы членов семьи, основанные на публичноправовых началах, в том числе и частноправовыми средствами. Заметим попутно по поводу дискуссии о понятии и природе алиментных правоотношений, что, отказавшись от употребления термина «алиментное обязательство», мы дадим Верховному Суду РФ повод считать невозможным применение судебной неустойки за неисполнение решения суда о взыскании алиментов, отчего как наука, так и правоприменительная практика явно проиграют.

Итак, следует согласиться с тем, что крайняя позиция полного отрицания возможности использовать в семейном праве гражданско-правовые категории опасна тем, что может направить правоприменительную практику по ложному пути и в конечном счете лишить заинтересованных членов семьи возможности применить для защиты своих прав и законных интересов частноправовые средства, которыми располагает гражданское законодательство.

Однако в настоящее время едва ли не более опасен другой крайний подход к проблеме применения гражданского законодательства к семейным отношениям: чрезвычайно широкое толкование ст. 4 СК РФ. Опасность в данном случае исходит не от науки гражданского права, поскольку, как справедливо замечает А.А. Вихарев, в дискуссии об отраслевой самостоятельности семейного права участвует лишь небольшая группа оппонентов, определяющих семейное право как подотрасль гражданского права. Опасность «аншлюса» исходит от законодателя и правоприменителя; при этом речь идет уже не только и не столько о конкретных примерах из судебной практики, сколько о правовых нормах и руководящих разъяснениях высшей судебной инстанции, обязательных для применения, прежде всего о действующей редакции ст. 414 ГК РФ к алиментным обязательствам. Можно предположить, что законодатель исходил из того, что запрет на применение новации к алиментным обязательствам установлен не семейным, а гражданским законодательством, следовательно, к семейно-правовому регулированию он не имел прямого отношения, что давало возможность законодателю отменить его в порядке гражданско-правового регулирования так же, как он и был установлен (по принципу: «Я тебя породил, я и убью»). Иначе говоря, формально законодатель, отменяя запрет на новацию, действовал, что называется, в рамках дозволенного. В действительности же не вызывает сомнения, что данная норма хотя и была установлена не семейным, а гражданским законодательством, действовала в качестве гарантии, обеспечивающей физическое существование несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Однако поистине «апофеозом» необоснованного и во всех отношениях неоправданного применения ст. 4 СК РФ явилось

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов». В п. 65 данного Постановления разъяснено, что, исходя из положений ст. 4 СК РФ и ст. 208 ГК РФ, суд может по заявлению стороны в споре применить исковую давность и отказать в удовлетворении иска (полностью или частично) о взыскании неустойки за просрочку уплаты алиментов по мотивам пропуска срока исковой давности, исчисляя его по каждому просроченному месячному платежу (ст. 196 и 199 ГК РФ) [15].

Во-первых, данное разъяснение следует расценить не иначе как необоснованное и незаконное, т. к. ст. 4 СК РФ устанавливает в качестве одного из условий применения гражданского законодательства к семейным отношениям тот факт, что оно не урегулировано семейным законодательством. В данном случае вопросы исковой давности четко и недвусмысленно решены в ст. 9 СК РФ: «На требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется, за исключением случаев, если срок для защиты нарушенного права установлен настоящим Кодексом» [1]. Отсюда следует, что на отношения, связанные со взысканием не только алиментов, но и неустойки за просрочку их уплаты, исковая давность не распространяется. В любом случае, даже там, где применение исковой давности предусмотрено нормами СК РФ, в п. 2 ст. 9 СК содержится императивная норма, указывающая, какие именно положения ГК РФ применимы при разрешении семейных споров: «При применении норм, устанавливающих исковую давность, суд руководствуется правилами статей 198–200 и 202–205 Гражданского кодекса Российской Федерации» [1].

Как видим, о ст. 208 в данном случае речи не идет. Если Верховный Суд РФ исходил из того, что в ст. 208 ГК РФ, в перечне отношений, на которые исковая давность не распространяется, нет упоминания об отношениях, связанных со взысканием алиментов или неустойки за просрочку их уплаты, то это более чем странно: при наличии ст. 9 СК РФ ссылка на ст. 208 ГК РФ является избыточной.

Явное несоответствие данного разъяснения семейному законодательству заключается также в том, что применение гражданского законодательства в данном случае противоречит существу семейных отношений, а именно: принципам государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства, приоритетной защиты несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Во-вторых, позиция высшей судебной инстанции противоречит нормам морали и нравственности, поскольку направлена на защиту явно незаконных интересов плательщика алиментов, виновного в просрочке их уплаты, в то время как обязанность следить за течением срока исковой давности возлагается на законного представителя

несовершеннолетнего ребенка либо на нетрудоспособного члена семьи.

Можно привести также другие весьма спорные разъяснения по поводу применения положений ст. 4 СК РФ, к примеру, Определение Верховного Суда РФ от 20.01.2015 г. № 5-КГ14-144 [17], в котором признано обоснованным применение исковой давности при оспаривании брачного договора с применением ст. 4 СК РФ сроком в 1 год, установленный для признания недействительными оспоримых гражданско-правовых сделок (ст. 181 ГК РФ). При этом на первое место поставлена цель обеспечения стабильности гражданского оборота и только затем обосновывается, что сроки исковой давности по делам об оспаривании брачного договора в СК не установлены, а лишь в третью очередь указывается на семейно-правовой характер этих отношений.

Представляется, что единственным надежным критерием отграничения семейных отношений от гражданско-правовых является характер прав и обязанностей их субъектов. Поэтому между взрослыми членами семьи они по существу являются всегда гражданско-правовыми, а потому не требуют отсылки к ст. 4 СК РФ (например, споры между супругами о защите чести и достоинства, о компенсации морального вреда за разглашение личной тайны одного из них и т. п.).

Субсидиарное применение гражданского законодательства к семейным отношениям имеет место также путем прямого указания на это в соответствующих положениях СК РФ. Для этого законодатель применяет различные приемы гражданско-правового регулирования имущественных отношений, в частности, устанавливает отсылочные нормы с указанием на конкретные статьи ГК РФ или бланкетные нормы, указывающие на то, что соответствующие отношения регулируются гражданским законодательством. К сожалению, в действующем СК они представлены явно в переизбытке, в особенности бланкетные нормы, отсылающие к гражданскому законодательству в целом, так что и для урегулирования в семейном конфликте члены семьи вряд ли справятся без специалиста по гражданским делам, хотя Семейный кодекс должен быть максимально доступен для населения.

Таким образом, предназначение субсидиарного применения гражданского законодательства к семейным отношениям не только и не столько в восполнении пробелов в правовом регулировании семейных отношений, сколько в обеспечении единства правового регулирования имущественных отношений между физическими лицами во всех сферах. Такое единство в основном касается оформления соответствующих отношений.

С появлением разнообразных моделей построения семейной жизни роль гражданского права в регулировании семейных отношений будет возрастать. В частности, как отмечает Л.Ю. Михеева, в настоящее время наметились контуры дальнейшего развития семейного законодательства, а именно той части отечественной правовой системы,

которая долго искала в ней свое место и в отстаивании своей самостоятельности утрачивала способность адаптироваться к новым социальным условиям. Новый подход к построению имущественных отношений в семье заключается в использовании модели гражданско-правового обязательства по типу договора простого товарищества. Задача законодателя – так усовершенствовать правовое регулирование семейно-имущественных отношений, чтобы учесть как изменившиеся за четверть века экономические отношения супругов, так и внешние правоотношения между супругами и другими участниками гражданского оборота [10, с. 3–7]. В науке уделяется внимание вопросу о перспективах развития семейного и гражданского законодательства в связи с проблемами, возникающими при использовании доходов от творческой деятельности супруга-автора, поскольку они, как известно, поступают в общую совместную собственность супругов [11, с. 22–24]. В сферу правового регулирования семейных отношений активно внедряется гражданско-правовой институт банкротства одного из супругов и совместного банкротства супругов [8, с. 18–21], а также другие чисто гражданско-правовые институты. Задача законодателя – выявить и учесть «общее и различное» в применении к семейным отношениям гражданского законодательства. Решение данной проблемы видится как минимум в установлении в «общей части» СК РФ положений о том, что члены семьи могут вступать между собой в любые не запрещенные законом имущественные отношения, которые, однако, не должны противоречить интересам семьи.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г., с изм. от 25.11.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Беспалов Ю.Ф. Предисловие // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений: проблемы соотношения гражданского и семейного законодательства: монография / отв. ред. д-р юрид. наук, профессор Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект. 2020. 254 с.
4. Вихарев А.А. Последствия доктринальных дискуссий о самостоятельности семейного права как отрасли права // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 64–71.
5. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. 336 с.
6. Ильбашев А.Х. К вопросу о соотношении гражданского и семейного права (комментарий к статье 4 Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2016. № 6. С. 25–28.
7. Капитова О. В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве: монография. М.: Юриспруденция, 2010. 136 с.

8. Матвеев И.В. Введение института совместного банкротства супругов: проблемы и перспективы // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 18–21.

9. Михеева Л.Ю. Развитие кодификации российского семейного права // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статус, 2008. 459 с.

10. Михеева Л.Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–7.

11. Ситдикова Л.Б., Помазкова С.И. К вопросу о соотношении норм семейного и гражданского законодательства: перспективы развития // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 22–24.

12. Титаренко Е.П. О корректности применения термина «обязательство» в Семейном кодексе Российской Федерации // Семья и право (к десятилетию принятия Семейного кодекса Российской Федерации): материалы Международной научно-практической конференции, 05–06.12.2005 г., Москва / отв. ред.: Л.Ю. Михеева. М., 2005. С. 35–38.

13. Чефранова Е.А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2007. 485 с.

14. Шахматов В.П., Хаскельберг Б.Л. Новый Кодекс о браке и семье. Томск.: изд-во Томского ун-та., 1970. 273 с.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 (ред. от 22.06.2021 г.) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.01.2015 г. № 5-КГ14-144 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

РАБЕЦ Анна Максимовна – доктор юридических наук, профессор; ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Юридического института ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр-т Ленина, 36); профессор кафедры гражданского права и процесса ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (г. Москва, ул. Лобачевского, 90), SPIN-код: 8546-1422, AuthorID: 686594, e-mail: filrabecjur@mail.ru

Problems of subsidiary application of civil legislation to family relations

A.M. Rabets

National Research Tomsk State University, Tomsk;
Academy of Labor and Social Relations, Moscow

The study substantiates the need to use civil legislation in order to regulate family relations, in addition to family law, through the subsidiary application of certain norms of civil law. The purpose of the study is to identify family

relations, in the regulation of which gaps in family legislation can and should be filled by applying the provisions of civil legislation. Applying the comparative method, the method of system analysis, and the method of expert assessments in the course of the study, the author identifies the unjustifiability and unreasonableness of some approaches of the courts to the problem of filling gaps in family law with the help of civil legislation. The study concluded that, wherever possible, it is necessary to fill in the gaps by making changes to family legislation, but to avoid decisions that contradict the essence of family relations and the interests of the family.

Keywords: *legal regulation, family relations, civil law, family law, norms, subsidiary application, practice, doctrine, interpretation.*

About author:

RABETS Anna – doctor of law, professor; leading Analyst at the Laboratory of Social and Legal Research at the Law Institute of the National Research Tomsk State University (634050, Tomsk, Lenin Avenue 36); professor of the department of civil law and process of the Academy of Labor and Social Relations (Moscow, Lobachevsky Street 90), SPIN-code: 8546-1422, AuthorID: 686594, e-mail: filrabecjur@mail.ru

Рабец А.М. Проблемы субсидиарного применения гражданского законодательства к семейным отношениям // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 170–180.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

О фиктивных браках в сфере миграции

З.Н. Столярова

ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», г. Москва

В статье рассматриваются фиктивные браки в сфере миграции, исследуются такие понятие как «фиктивный брак», регистрация брака при фактическом отсутствии намерения на создание семьи; проанализированы юридические основания для возникновения прав на брак у иностранных граждан и лиц без гражданства. Фиктивный брак рассматривается в качестве квалифицирующего признака противоправного деяния, которое нарушает публично-правовые ограничения и запреты, такие как, например, прием в гражданство иностранного гражданина или лица без гражданства, возникновением права на государственную поддержку, льготы и т.д.

Ключевые слова: Семейный кодекс, семейное законодательство, правовые фикции в семейном праве, семейно-правовая ответственность, недействительный брак, фиктивный брак, административные процедуры, государственное управление.

Отечественная правовая система большое внимание уделяет вопросам правоохраны семьи, морали и нравственности, многочисленным семейным ценностям, правам супругов, а также института брака в качестве приоритетных задач общества и государства.

В текущий год 30-летия кодификации семейного законодательства Российской Федерации указанные вопросы приобретают особую актуальность в свете современных угроз и вызовов, возникающих перед нашей страной.

Основной нормативный правовой акт, регулирующий семейные правоотношения на территории РФ, вступил в силу 01.03.1996 г. и на протяжении последних тридцати лет не просто не утратил своей важности и значимости, но и претерпел множество преобразований. Так, за последние 30 лет свыше 57 изменений было внесено в Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) в целях усовершенствования правового регулирования института брака и брачного договора, укрепления связи ребенка с обоими родителями, нивелирования правовых фикций в семейных правоотношениях [1].

В широком смысле современное семейное право среди различных фикций исследует фиктивный или недействительный брак. Именно он станет объектом исследования данной научной статьи, в которой наиболее подробно остановимся на такой фикции семейного права как фиктивный брак.

«Фиктивный брак» понятие отнюдь не новое в области права. Как правило, в различных словарях и энциклопедиях можно встретить такое

определение исследуемого понятия как брак, заключенный без намерения создать семью, если стороны (одна из них) преследуют цель заключения брака только для формы, без намерения фактически установить семейные отношения [1, 3, 7].

Большинство специалистов в исследуемой сфере единогласны во мнении о том, что фиктивный брак заключается в целях получения выгоды, как правило имущественного или иного характера [5, 6, 8]. В сфере миграции фиктивные браки являются достаточно распространенным явлением, поскольку связаны с приобретением гражданства иностранным гражданином в упрощенном порядке. Факт наличия брака гражданином (гражданкой) РФ для мигрантов выступает инструментом выгодоприобретения. Ярким примером такового может явиться получение гражданства РФ в упрощенном порядке. С другой стороны, фиктивный брак также несет за собой материальную выгоду для одного из потенциальных супругов.

Согласно положениям, изложенным в гл. 5 СК РФ, фиктивность брака в современном законодательстве является одним из предусмотренных законом оснований признания брака не действительным [7]. Данное положение относится и к сфере миграции. При этом законодатель решение о признании фиктивного брака, в том числе с участием иностранных граждан, недействительным закрепил исключительно за судебными органами.

В целях подтверждения фиктивности брака законодатель допускает любые гражданско-процессуальные доказательства. Современный законодатель, употребляя в правовых нормах понятие «фиктивный брак», как например в п.1 ст. 27 СК РФ, частично его разъясняя, или в законе о гражданстве или в Уголовном кодексе РФ и в иных нормативных правовых актах, при этом не дает точное определение данного понятия, продолжая тем самым научную дискуссию среди ученых-правоведов по поводу определения понятий «фиктивный брак», подчеркивая актуальность рассматриваемой проблемы [1–4, 7]. Указанное обстоятельство способствует различному толкованию указанного понятия правоприменителями и, как результат, разнится правоприменительная практика при выявлении и сборе доказательств фиктивного брака.

Еще одной актуальной проблемой при выявлении фиктивных браков в сфере миграции в нашей стране является отсутствие определения понятия «семья» в отечественном законодательстве, что в свою очередь, сводится к оценке общего быта и совместного проживания, время препровождения, общих интересов и планов, степени участия в жизни друг друга, возможно наличие моральной помощи и поддержки. Результатом этого становится различная правоприменительная практика и юридическая оценка судами действий иностранных граждан в сфере брака и семьи.

При выявлении фиктивных браков в сфере миграции возникают также сложности с доказыванием юридического факта отсутствия истинного намерения создать семью, особенно в случаях, когда ни один из вступающих в брак не имел такового. Сбор надлежаще собранных доказательств в сфере брака и семьи при указанных обстоятельствах становится наиболее актуальной проблемой для правоприменителя.

Помимо понятия «фиктивный брак» существует также понятие «брак по расчету». Данное понятие еще более интересное с точки зрения науки и практики, поскольку не подразумевается под собой ни фиктивного брака как такового, ни брака, заключенного в мошеннических целях, ни насильственного (принудительного) брака. При этом брак по расчету не является противозаконным, а современный законодатель ни дает определение понятия «брак по расчету» ни в одном из нормативных правовых актов любого уровня, оставляя толкование и смешение понятий правоприменителю при сборе доказательств в целях юридической оценки. На практике необходимо различать такие два понятия как «фиктивный брак» и «брак по расчету», поскольку в случае заключения брака в имущественных целях или иной имущественной выгоды, при фактическом создании крепкой семьи, такой союз нельзя будет признать фиктивным.

Правоприменители отмечают отсутствие четко регламентированных признаков фиктивности в современных нормативных правовых актах, что безусловно, осложняет практику и сбор доказательств в исследуемой сфере, поскольку является актуальной проблемой. Закрепление конкретного перечня признаков фиктивности на уровне законодательства способствовало бы объективной оценке действий лиц в случае заключения фиктивного брака в сфере миграции и привело бы к единству правоприменительной практики в данной сфере.

Процедуру выявления фиктивных браков в сфере миграции осложняет отсутствие уголовной ответственности в отечественной правовой системе за создание фальшивой семьи, а также за посреднические услуги в этой сфере. Отсутствие неотвратимости и скорости наказания в данной сфере исследования способствует распространенности подобных фактов и росту количества фиктивных браков среди иностранных граждан и лиц без гражданства, например, в качестве способа получения гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке.

В целях разрешения вышеуказанных актуальных проблем, представляется целесообразным усилить институт юридической ответственности в исследуемой сфере, закрепив в содержании закона уголовную ответственность за заключение фиктивного брака, ввести контроль над распространением информации о фиктивных браках в сети Интернет. Необходимо также закрепить перечень признаков фиктивности брака на законодательном уровне в целях повышения объективности при оценке доказательств действий лиц и ясности правоприменительной практике в данном вопросе.

Представляется необходимым усилить межведомственное взаимодействие в части организации автоматического обмена данными между органами ЗАГС и органами внутренних дел не только на уровне нашего государства, но в большей степени на межгосударственном уровне. Представляется, что это будет способствовать выявлению фактов получения финансовой, имущественной и иной выгоды лицами, заключившими фиктивный брак или развод иностранными гражданами. Организационно-правовыми мерами противодействия фиктивных браков в сфере миграции может явиться расширение полномочий должностных лиц органов внутренних дел в сфере миграции и органов ЗАГС по проведению проверки при подозрении на заключение фиктивного брака с участием иностранцев.

Представляется целесообразным ввести законодательное закрепление обязательного опубликования сведений о предстоящей регистрации брака либо согласия лиц, вступающих в брак, в целях предотвращения множественности брака со стороны одной из будущих супругов, а также в целях предотвращения заключения брака между родственниками.

В условиях цифровизации факты заключения фиктивного брака следует систематизировать в специализированном открытом Реестре ЗАГС о лицах, заключавших фиктивные браки.

Факты заключения фиктивных браков в сфере миграции следует учитывать правоохранительным органам при выдаче разрешения на въезд в Российскую Федерацию и при рассмотрении вопроса о предоставлении гражданства РФ иностранному гражданину.

Таким образом можно сделать вывод, что наличие фиктивных браков в сфере миграции, является частным подтверждением факта существования семейно-правовых фикций. Очевидно, что исследуемые юридические фикции должны учитываться законодателем при решении вопроса о предоставлении гражданства РФ, а также при легализации иностранных граждан на территории РФ.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Ильина Е.В. Юридическая фикция в семейном законодательстве Республики Беларусь // Современные научные исследования и инновации. 2011.

№ 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/09/2350> (дата обращения: 28.01.2026).

6. Курумшиева Э.И. Фикции в семейном праве как юридико-технические приемы // Таврический научный обозреватель. 2016. № 2 (7) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tavr.science> (дата обращения: 25.01.2026).

7. Максимович Л.Б. Большая российская энциклопедия 2004–2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/4711793> (дата обращения: 25.01.2026).

8. Фролов А.И., Агуреева М.В. Фиктивный брак в российском семейном праве: проблемы регулирования и пути их решения // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 3. С. 17–30.

Об авторе:

СТОЛЯРОВА Зинаида Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, член Национальной ассоциации административистов России (НАСА), доцент кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (125993, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8), ORCID: 0000-0001-9417-595X, SPIN-код: 2488-9735, AuthorID: 826222, e-mail: zina_adyunkt@mail.ru

About fictitious marriages in the field of migration

Z.N. Stolyarova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

This article discusses fictitious marriages in the field of migration, discusses such concepts as "fictitious marriage", registration of marriage in the absence of actual intention to start a family. The legal grounds for the emergence of marriage rights among foreign citizens and stateless persons are analyzed. A fictitious marriage is considered as a qualifying sign of an illegal act that violates public law restrictions and prohibitions, such as, for example, the admission to citizenship of a foreign citizen or a stateless person, the emergence of the right to state support, benefits, etc.

Keywords: *family code, family legislation, legal fictions in family law, family and legal responsibility, invalid marriage, fictitious marriage, administrative procedures, public administration.*

About author:

STOLYAROVA Zinaida – PhD in Law, Associate Professor, Member of the National Association of Administrativists of Russia (NASA), Associate Professor of the Department of Public Order Management at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8), ORCID: 0000-0001-9417-595X, SPIN-code: 2488-9735, AuthorID: 826222, e-mail: zina_adyunkt@mail.ru

Столярова З.Н. О фиктивных браках в сфере миграции // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 181–185.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Оговорка о публичном порядке в семейных правоотношениях

С.Н. Тагаева

УВО «Университет управления “ТИСБИ”», г. Казань

Объектом исследования являются семейные правоотношения, осложненные международной составляющей. Предметом исследования выступают нормы семейного законодательства, регламентирующие основания для отказа в применении норм иностранного семейного права в случае указания на него коллизионной нормы. Целью является выявление правовой природы и особенностей оговорки о публичном порядке в семейных правоотношениях. Конкретными задачами выступают: исследование правовой природы оговорки о публичном порядке; обоснование расширительного толкования оговорки о публичном порядке в семейном законодательстве; аргументация признания традиционных семейных ценностей в качестве элемента публичного порядка. Основными методами исследования являются диалектический метод, формально-юридический и сравнительно-правовой. В результате проведенного исследования автор обосновал необходимость расширительного толкования норм ст. 167 Семейного кодекса РФ, включающего в понятие публичный порядок, кроме основ правопорядка, также традиционные семейные ценности, что соответствует современным запросам стабильности общественных отношений внутри страны. В статье аргументирован вывод, что п. 2 ст. 6 Семейного кодекса РФ, предусматривающий отказ в применении правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции, а также основам правопорядка и нравственности, является специальной оговоркой о публичном порядке в семейных правоотношениях.

Ключевые слова: оговорка о публичном порядке в семейных правоотношениях, отказ в применении иностранного права, ограничение применения иностранного семейного права, публичный порядок, традиционные семейные ценности.

Одной из сфер общественных отношений, при регулировании которой существует вероятность применения оговорки о публичном порядке, являются семейные правоотношения с участием иностранных граждан. Возможность обращения правоприменительного органа к оговорке о публичном порядке предусмотрена в ст. 167 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [1], обозначенной как «ограничение применения норм иностранного права», хотя содержание статьи посвящено основанию отказа в экстерриториальности иностранного права на территории России при его противоречии основам российского правопорядка (публичному порядку).

Оговорка о публичном порядке представляет собой норму внутреннего законодательства, содержащую в себе возможность правовой системы конкретного государства отказаться от применения иностранного права на своей территории или от последствий вынесенного за пределами страны судебного решения, если его признание и исполнение противоречит фундаментальным принципам правопорядка.

По общим правилам международного частного права иностранное право обладает экстерриториальностью, если на него указала коллизионная норма национального законодательства или выбор обусловлен проявлением автономии воли сторон; но если результат его применения неприемлем для публичного порядка *lex fori*, то применяется оговорка о публичном порядке.

Следовательно, оговорка о публичном порядке не может существовать в отрыве от коллизионной нормы, указывающей на применимость норм семейного права иностранного государства, при участии в правоотношении иностранных субъектов. Если наличие коллизионных норм во внутреннем законодательстве страны свидетельствует о ее приверженности принципам международной вежливости, то наличие оговорки о публичном порядке направлено на защиту внутреннего публичного порядка страны.

Универсальность оговорки о публичном порядке выражается в том, что она закреплена в законодательстве большинстве стран, предусматривающих правовое регулирование семейных отношений, осложненных «иностранном элементом».

Оговорка о публичном порядке является проявлением публичного начала в частнопровом регулировании, поскольку вторгается в сферу диспозитивности и автономии воли с целью защиты наиболее значимых для общества ценностей и основ правопорядка. Следует заметить, что применяться этот защитный механизм может только в отношении семейных правоотношений, осложненных международной составляющей, соответственно, возможность его применения обусловлена наличием гражданства или места жительства за пределами Российской Федерации у одного из субъектов правоотношения.

Кроме того, для применения оговорки о публичном порядке у правоприменительного органа должен присутствовать публичный интерес в сохранении стабильности политико-правовой системы страны через связь фактических элементов правоотношения (гражданство или место жительства субъектов, место нахождения имущества, юридический факт) с правовой системой.

В связи с этим представляет интерес содержательная сторона понятия «публичный порядок». В ст. 167 СК РФ законодатель рассматривает понятие основы правопорядка и публичный порядок как синонимы.

В специальной литературе делались попытки раскрыть содержание категории «публичный порядок». Например, И.В. Гетьман-Павлова признает, что перечень элементов, входящих в содержание этого правового явления, не является исчерпывающим и закрытым и относит к ним: основополагающие принципы национального публичного права, общепризнанные принципы морали и справедливости, национальное самосознание общества, законные права и интересы физических и юридических лиц, общества и государства, общепризнанные нормы и принципы международного права, международно-правовые стандарты защиты прав человека [1, с. 317].

Ш. Менглиев, в свою очередь, указывает, что правопорядок (публичный порядок) следует понимать как основной принцип, закрепленный в Конституции и других законах страны; по его мнению, публичный порядок есть общепризнанная, соблюдаемая всеми основа, определяющая правила поведения субъектов права [2, с. 125].

Применительно к регулированию не семейных, а коммерческих отношений, осложненных «иностранном элементом», Верховным Судом было разъяснено, что «под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации» [6].

Учитывая особенность семейных правоотношений и тот факт, что их регулирование не ограничивается нормами права и определенное влияние на них имеют и другие социальные нормы, последствия несоблюдения моральных норм имеют значение при разрешении отдельных семейно-правовых споров. Получается, что если применение права, на которое указала коллизионная норма, может нанести вред не только правовым нормам, но и моральным ценностям, правоприменительный орган может обратиться к оговорке о публичном порядке как основанию для отказа в применении иностранного права.

Нормы права в сочетании с правовыми нормами формируют нравственные ориентиры, которые передаются из поколения в поколение, создавая общее представление общества о семейных отношениях, так называемые традиционные семейные ценности. Эти традиционные семейные ценности являются элементом публичного порядка и поэтому, если результат их применения представляет опасность для стабильности общественных отношений, возможно использование оговорки о публичном порядке как основания для неприменения иностранного семейного права, противоречащего этим ценностям.

Следует заметить, что «признаваемые в качестве элемента национального публичного порядка ценности являются и

общечеловеческими ценностями, поэтому и на международном универсальном уровне они согласованы членами международного сообщества» [3, с. 147]. Например, семья признается в качестве естественной основы семьи, а брак – как союз разнополых лиц в Международных пактах 1966 г. Признаваемые в качестве традиционных семейных ценностей блага являются ценностью не только для российского общества, но и на международном уровне.

Оговорка о публичном порядке применяется в исключительных случаях, когда степень отклонения иностранного права от местного настолько значительна, что противоречит основополагающим ценностям, которые защищаются государством. Признание семейных прав, возникших на основании иностранного права, должно быть настолько чуждо российскому праву, что будет дестабилизировать общественное сознание, сложившийся правопорядок. Последствия, возникшие на основании иностранного права, зачастую не будут иметь экстерриториальное действие, если они противоречат основам правопорядка, основополагающим традиционным ценностям. Каждое государство интерпретирует содержание публичного порядка исходя из особенностей своего формирования, формы государственного устройства и сложившихся общественных отношений, соответственно, критерий контроля обусловлен содержанием публичного порядка.

Целесообразно обратить внимание еще на одну новеллу, закрепленную в п. 2 ст. 6 СК РФ, которая по своей природе близка к оговорке о публичном порядке. Данная норма предусматривает отказ в применении правил международных договоров в их истолковании, противоречащем Конституции, а также основам правопорядка и нравственности. В данном случае можно говорить о специальной оговорке о публичном порядке, не допускающей применение норм международных договоров в их истолковании, противоречащем конституционным положениям и нравственным нормам.

В связи с этим представляется, что публичный интерес государства и общества в области семейных отношений охватывает более широкий круг благ, стабильность и безопасность которых им обеспечивается, в частности, это действия по обеспечению правопорядка, стабильности в обществе, сохранению традиционных ценностей. Основные цели и принципы стабильности семейных отношений обозначены в семейном законодательстве и государство обеспечивает их достижение. Так, защита семьи, материнства и детства, укрепление семьи, построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, обеспечение невмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможность судебной защиты этих прав представляют собой фундаментальные начала, направленные на обеспечение стабильности общественных отношений и семьи как

важнейшего социального института. Безусловно, это расширительное толкование норм ст. 167 СК РФ, включающее в понятие «публичный порядок», кроме основ правопорядка, также традиционные семейные ценности, что соответствует современным запросам стабильности общественных отношений внутри страны.

Естественно, отказ в применении иностранного права обусловлен не отличием правовой системы иностранного государства от российского, а именно последствиями его применения, а точнее результатом применения для стабильности правопорядка и общественных отношений. Если иностранное право не соответствует основам политико-правового устройства страны, правам человека или моральным устоям, это не значит, что здесь происходит автоматическое нарушение основ правопорядка (публичного порядка) страны. Имеющееся нарушение не абсолютно, а относительно, поэтому применение оговорки о публичном порядке подразумевает наличие критериев, которые позволяют определить возможность отказа в использовании в качестве регулятора иностранного права.

Как известно, механизм применения оговорки о публичном порядке судом выглядит следующим образом. Суд должен определить, каким будет результат применения иностранной нормы, затем полученный результат сравнивается с основополагающими правовыми представлениями внутреннего права (права суда, рассматривающего дело, – *lex fori*). Решающее значение имеет оценка результата применения иностранного права, которую дает суд, при этом судья не должен давать оценку иностранному праву, а должен оценить результат применения иностранного права на своей территории.

Если иностранное право сталкивается с императивной нормой национального законодательства, то на этом этапе вмешательство публичного порядка заканчивается отказом в признании экстерриториального действия иностранного права.

Предполагается, что применение иностранного права может исключаться полностью, а может исключаться частично, в последнем случае имеет место ограничение применения иностранного права.

Если вступает в силу оговорка о публичном порядке, ограничивая применимое иностранное право, иногда возникает правовой пробел, так называемое «пространство для применения внутреннего права» [4, с. 254].

Относительно вопроса о том, как восполнить отклоненное иностранное право, в науке остается спорным. Некоторые авторы склоняются к применению *lex fori* (Э. Цительманн, С. Брюнинг и др.).

Другие авторы считают, что пробел должен быть восполнен за счет норм той иностранной правовой системы, чья норма не применена (К.Х. Ноймайер, А. Нуссбаум и др.).

Третья группа ученых, к которым относится, например, Я. Кропхоллер, признают существование трех вариантов восполнения

образовавшегося пробела в правовом регулировании частного отношения в силу отказа от применения иностранного права: полный отказ без восполнения, отказ с применением *lex fori* и отказ сопровождается восполнением пробела за счет модифицированных норм иностранного права [4, с. 254–255]. В данном случае выбор варианта восполнения отклоненного права зависит от того, норма какого из двух государств – иностранного или национального – наиболее близка к правоотношению.

В семейном законодательстве Российской Федерации такой неопределенности нет, поскольку в ст. 167 СК РФ прямо указывается право, за счет которого происходит урегулирование коллизионной проблемы при обращении к оговорке о публичном порядке, и таковыми являются нормы российского семейного права. Подход к выбору возмещающего права за счет права страны, в которой рассматривается спор, «соответствует принципам методологической честности и обеспечивает вынесение решения на основе реалистичного анализа конкретного дела» [5, с. 33].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что оговорка о публичном порядке в семейных правоотношениях, осложненных «иностраным элементом», является наиболее стабильным случаем для неприменения норм иностранного права, если результат его применения будет дестабилизировать общественное сознание в стране.

Кроме того, представляется обоснованным расширительное толкование норм ст. 167 СК РФ, включающее в понятие «публичный порядок», кроме основ правопорядка, также традиционные семейные ценности, что соответствует современным запросам стабильности общественных отношений внутри страны.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (П. 51) [Электронный ресурс]. URL: vsrf.ru/documents/own/28587/ (дата обращения: 17.11.2025).
3. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право. Общая часть: учебник для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 346 с.
4. Менглиев Ш. Международное частное право. Душанбе: ТНУ, 2013. 736 с.
5. Тагаева С.Н. Традиционные семейные ценности как элемент национального публичного порядка и основа международного сотрудничества в области защиты семьи и семейной политики государств членов Содружества Независимых государств // Международная и национальная защита прав детей и семьи: итоги и перспективы 30-летия международного года семьи и национального года семьи в РФ: Сборник статей по итогам работы секции «Международная и национальная защита прав детей и семьи» Международной

научно-практической конференции «67-е ежегодное собрание Российской ассоциации международного права, РАМП», Москва, 01–02 июля 2024 года. М.: ООО «Русайнс», 2024. С. 144–151.

6. Kropholler J. Internationales Privatrecht. Einschließlich der Grundbegriffe des Internationalen Zivilverfahrensrechts. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006. 742 S.

7. Siegert G. Der ordre public im Internationalen Eheschließungsrecht Eine rechtsvergleichende Untersuchung. Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 2022. 338 S.

Об авторе:

ТАГАЕВА Санавбар Назиркуловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права УВО «Университет управления “ТИСБИ”» (Республика Татарстан, 420012, г. Казань, ул. Муштари, 13), SPIN-код: 5697-4127, AuthorID: 872711, e-mail: s.tagaeva@mail.ru

Public policy clause in family legal relations

S.N. Tagaeva

University of Management "TISBI", Kazan

The object of the study is family legal relations, complicated by the international component. The subject of the study is the norms of family legislation governing the grounds for refusing to apply the norms of foreign family law, if a conflict of laws norm is indicated. The aim is to identify the legal nature and peculiarities of the public policy clause in family legal relations. Specific tasks are: research into the legal nature of the public policy clause; Justification of the broad interpretation of the public policy clause in family law; arguing for the recognition of traditional family values as an element of public order. The main research methods are the dialectical method, formal-legal and comparative-legal. As a result of the study, the author substantiated the need for an extensive interpretation of the norms of Article 167 of the Family Code of the Russian Federation, which includes in the concept of public order, in addition to the foundations of law and order, also traditional family values, which corresponds to modern needs for the stability of public relations within the country. The article argues for the conclusion that Article 6 of the Family Code of the Russian Federation, which provides for the refusal to apply the rules of international treaties in their interpretation, contrary to the Constitution, as well as the foundations of law and order and morality, is a special clause on public order in family legal relations.

Keywords: *public order clause in family legal relations, refusal to apply foreign law, restriction of application of foreign family law, public order, traditional family values.*

About author:

TAGAeva Sanavbar – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law of University of Management "TISBI" (Republic of Tatarstan, 420012, Kazan, , Mushtari, 13), SPIN-code: 5697-4127, AuthorID: 872711, e-mail: s.tagaeva@mail.ru

Тагаева С.Н. Оговорка о публичном порядке в семейных правоотношениях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 186–192.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

О некоторых аспектах долженствования в семейно-правовой сфере¹

Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

В статье рассматриваются актуальные аспекты жизнедеятельности конструкции обязанности в семейно-правовой сфере (ее ключевых институтах: брака, родительства и детства) в контексте предпосылок специфики ее содержания, функционирования и обеспеченности мерами воздействия в случае ее неисполнения (ненадлежащего исполнения). Анализируются доктринальные и законодательные подходы к означенной проблематике. Предлагаются варианты толкования действующих норм о семейно-правовых обязанностях и корректировки (дополнения) соответствующих нормативно-правовых предписаний.

Ключевые слова: конструкция обязанности, специфика семейно-правовых обязанностей, актуализация системы обязанностей, проблема обеспечительных мер, детские обязанности.

Сфера действия семейного закона (родительство, детство, семья, супружество, попечение над детьми) и смежного с ним законодательства, частично содержащего регуляторику отношений с семейным интересом (гражданского, медицинского, трудового, социально-обеспечительного, административного, процессуального), настолько специфична, что классическая методология для правового регулирования общественных отношений означенных типов работает далеко не всегда или же не работает вовсе [8, 9, 17]. Это, казалось бы, почти аксиоматическое положение и ранее, и в настоящее время периодически игнорируется в доктрине, законодательстве и правоприменительной практике. В науке до сих пор противостоят идеи о суверенности семейного права, без отрицания «материнской сущности» права гражданского, versus его подчиненности цивилистике в образе последнего. На основе второй позиции в законодательство внедряются нормы об универсальном характере конструкции брачного договора относительно режимов собственности в браке (в абсолютный противовес законному режиму), исключительно гражданско-правовом контексте презумпции согласия при распоряжении одним из супругов общесупружеским имуществом, в том числе лишая семью «семейного дома»², избыточно либеральном прочтении сущности программы

¹ Финансирование: ЯрГУ, проект VIP-023

² Новелла ст. 35 Семейного кодекса РФ в этой части справедливо критикуется цивилистами-семейноведами [21].

суррогатного материнства¹, объединении в общий «цивилистический клуб» попечителей детей и взрослых лиц² и т. д. Противоречива судебная практика, ибо вынуждена то ориентироваться на идею всемерной защиты семьи, материнства, детства³, то «включать» механизм обеспечения интересов гражданского оборота – даже там, где следовало бы задуматься о семейно-правовой специфике предмета судебной деятельности. Объекты правового регулирования в обсуждаемой сфере могут быть вполне очевидными, разобранными наукой и практикой на значимые элементы, находящимися в «серой зоне» или вовсе до поры «неопознанными» (в отличие от мифических НЛО – реально ждущими обнаружения, исследования и реагирования).

Среди представительства тех и других конструкция семейной обязанности занимает почетное место. С одной стороны, она составляет классику юриспруденции, однако с другой – сродни упомянутому «НЛО». К числу классических положений теории права, среди прочих, относятся идеи о корреспонденции праву обязанности и наоборот, а также необходимости обеспечения юридической обязанности теми или иными мерами воздействия в случае ее неисполнения (ненадлежащего исполнения). Одновременно юриспруденции, в ряду других областей знания, исследования и деятельности, присущи исключения из правил, даже и фундаментального характера. Кроме того, при построении любых (или почти любых) правовых конструкций учитывается их обусловленность этическими нормами (если только не имеются в виду чисто технические правила) и спецификой предмета правового регулирования. Соответственно, с другой стороны, именно во взаимосвязи означенных положений следует рассматривать вариации семейно-правового долженствования. Рассмотрим проявление данного императива в ключевых институтах семейного права, однако не во всем его разнообразии, а только лишь в неочевидных, с точки зрения теории и/или практики, позициях. В этом плане конструкции обязанности то находятся в «тумане» – зоне правовой неопределенности (например, обязанность супругов к взаимному уважению), то появляются в «правовых одеждах от кутюр» (например, ненаступление алиментной обязанности

¹ До недавнего времени среди ее участников наличествовал загадочный парный субъект «мужчина и женщина», иностранные граждане; до сих пор неясна фигура «одинокого мужчины»; толкование оснований оспаривания отказа суррогатной матери дать согласие на родительство «заказчиков» имеет очевидный цивилистический контекст, ибо в том числе ориентирует на анализ содержания договора о суррогатном материнстве.

² Подобное решение подвергается справедливой и резкой критике как онтологически необоснованное [13].

³ Идея о защите отцовства получила конституционное закрепление только в 2020 г., однако без формально включения в систему прав и свобод, т. к. размещена в гл. 3 о федеративном устройстве...

в случае недостойного поведения супруга – искателя материальной поддержки), то выглядят не вполне зрелой идеей с «сумасшедшинкой» (например, невозможность признать фиктивный брак недействительным после его расторжения, проигнорировав тем самым долженствование добросовестного поведения субъектов).

Институт брака. Поскольку целеполагание последнего заключается в создании и поддержании семейных отношений, неизбежно возникает вопрос о специальных обязанностях субъектов брачных правоотношений как супругов и как членов семьи. Первое качество порождает предположение о супружеской верности. Как известно, ее проявление с отрицательным знаком (измена, «прелюбодеяние») считалось типичным основанием для расторжения брака по российскому имперскому законодательству. В некоторых странах оно имеет характер юридического долженствования и в настоящее время. Например, весьма убедительно и разносторонне данный императив представлен в польском законодательстве, что импонирует и некоторым российским правоведом [9]. Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) о данной характеристике супружества не упоминает, ограничиваясь в своих общих началах призывами о построении семейных отношений (следовательно, и брака) на чувствах взаимной любви, уважения, взаимопомощи и поддержки (ст. 1), а норма ч. 3 ст. 31 СК РФ придает этим призывам статус супружеских обязанностей¹, лишь частично обеспеченных конкретно-юридическими ресурсами: с помощью положений об алиментировании (включая возможность отказать в материальной поддержке в случае недостойного поведения супруга в браке – ст. 92 СК РФ), праве суда отступить от равенства долей при разделе общесупружеского имущества на основании недобросовестного поведения одной из сторон брака (ч. 2 ст. 39 СК РФ), а также посредством прямого или косвенного учета отрицательных характеристик в поведении супругов (следовательно, неисполнения ими означенных долженствований) при разрешении дел о расторжении брака, признании его недействительным, споров о детях [1]. При этом нарушение супружеской верности традиционно является юридическим фактом правоприменения – не только при расторжении брака, но и при заключении брачного договора – в качестве основания для подключения такого инструмента, как уменьшение имущественной доли виновной стороны (с неправомерным доведением данного положения до степени кабальности).

Представляет интерес и вопрос о значении совместного проживания супругов [4]. С одной стороны, они свободны в выборе места жительства. Однако с другой – отсутствие означенной

¹ Возникает аналогия с известной репризой-вопросом: должен ли джентльмен, если он должен?...

компоненты в их союзе является, во-первых, одним из доказательственных фактов, фиктивности брака, а во-вторых, основанием для предположения о его фактическом прекращении (фактическом разводе) и применении правила о раздельном режиме приобретенного в этот период имущества (ч. 4 ст. 38 СК РФ). Мы являемся сторонниками признания совместного проживания членов семьи существенным признаком последней, что не исключает временного пребывания в «одиночном плавании» по уважительным причинам [14, 18]. Совместное проживание в супружеском (семейном) союзе безусловным образом партнерствует с ведением супругами (членами семьи) общего хозяйства, т.к. элементы означенной экономики составляют один из смыслов семьи (повторимся: цели брака), предписанных нормами ст. 1 СК РФ (о взаимной поддержке и ответственности всех ее членов). Небезынтересно заметить, что совместное проживание и ведение общего хозяйства являются обязательными характеристиками фактического брака¹. Это, в частности, подтверждено нормой ст. 5 Федерального закона от 31.07.2025 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2], ориентированной на частичное признание правовых последствий (ряда льгот) для фактических вдов участников СВО, а также правовыми позициями всех законопроектов (хотя и «почивших в бозе», почти без сопротивления их авторов против соответствующих «агностиков» в депутатском корпусе и доктрине) о юридическом признании рассматриваемых союзов [16].

Нет определенности, а главное – не достигнут актуальный уровень эффективности нормативно-правовой обязанности жениха/невесты информировать будущего супруга о некоторых значимых обстоятельствах своей добрачной жизни. В частности, совершенно очевидно, что призыв сообщать о ряде заболеваний далеко не исчерпывает проблематики, а «мягкий совет» о прохождении медицинского обследования перед заключением супружеского союза не достигает своей цели (ст. 15 СК РФ). И юридически, и житейски значимы и другие факты сокрытия важной для супругов информации: о смене пола, судимости за особо тяжкие преступления, бесплодии... Опираясь на общецивилистический критерий о последствиях подобного незнания (знал бы – не заключил бы соглашения, на котором основан и брак), следует дополнить предбрачные долженствования сторон обязанностью о таких фактах сообщать – на уровне семейного закона либо в рамках правовой позиции Верховного Суда РФ. Весьма актуальны и соображения о включении в правовой статус супругов обязанности соблюдать конфиденцию семейных правоотношений (в

¹ В связи с этим мы полагаем, что незарегистрированное супружество является «большим браком», нежели зарегистрированное...

противовес избыточному общению об этом с миром Интернета): конституционно-правовой смысл принципа невмешательства в частную и семейную жизнь (ст. 22 Конституции РФ) предполагает не только соответствующие ограничения и запреты третьим лицам и государству, но и взаимность таких обязательств супругов и других членов семьи.

Институт родительства. К классическим идеям-конструкциям в данном семейно-правовом блоке относятся соединенные в пару право и обязанность матери и отца ребенка заботиться о нем (включая воспитательное воздействие) – ч. 1 ст. 63 СК РФ. Их разъединение происходит только в ситуации возникновения алиментного обязательства в пользу совершеннолетнего ребенка (ст. 87 СК РФ). В доктрине высказаны сомнения (вплоть до отрицания) подобной пары, однако мы их не разделяем (подробную аргументацию см. в других работах автора, посвященных «неуловимой конструкции обязанности»). Среди дискуссионных и актуализированных вариантов долженствования довольно ярко выделяются соображения, обусловленные идеей учета позиции мужчины в вопросе сохранения беременности женщиной-партнером (в супружестве, а особенно – во внебрачном союзе, длительном либо краткосрочном). При этом предлагается предусмотреть правовые последствия сокрытия факта беременности или преодоления позиции мужчины в ситуации внебрачного родительства в виде ненаступления его алиментного обязательства и другого долженствования, если отцовство было установлено принудительно, т. е. в судебном порядке [7]. Очевидное возражение, что называется, «лежит на поверхности»: в рамках предлагаемого развертывания событий женщина должна либо принять решение о прерывании беременности «под давлением», либо сохранить ее, обрекая будущего ребенка на «безотцовщину» в социальном и формально-юридическом смысле, – оба варианта неприемлемы, особенно в семейно-ценностном контексте. (Как известно, история советского/российского законодательства уже отмечена, в период с 1944 по 1968 годы, вопиющим решением об освобождении мужчины от юридических обязательств относительно ребенка, зачатого им в союзе с женщиной и возложении на последнюю всех родительских забот.) При этом в доктрине уточняется, что законодательство, в том числе региональное, установившее административную ответственность за склонение женщины к прерыванию беременности, на супругов распространяться не должно [10].

В не менее дискуссионном поле пребывает правило об исключительно добровольном характере согласия суррогатной матери на запись родительства «заказчиков» по договору. Оно неоднократно, но безуспешно обжаловалось в Конституционном Суде РФ. С учетом особых мнений членов Конституционного Суда (о целях программы, сущности материнства и др.), правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ (с его избыточно широким толкованием возможностей оспаривания

отрицательного решения суррогатной матери)¹, видимо, целесообразно пересмотреть положение о приоритетах, «перевернуть пирамиду»: трансформировать право в обязанность, однако не в русле абсолютного императивного предписания, а с допущением, пусть и в порядке исключения, оставления ребенка у женщины, его зачавшей, выносившей и родившей, при наступлении чрезвычайных обстоятельств в ее семье (смерть родного ребенка, утрата способности к деторождению и т. п.).

Институт детства. В доктрине и семейном законодательстве уже более пятидесяти лет (хотя и со значительными перерывами) обсуждается вопрос о семейно-правовых обязанностях детей. Точку опоры, несмотря на явно негативное отношение к данной конструкции петербургской (ленинградской) цивилистической школы, находим в трудах авторитетнейшего ее представителя – О.С. Иоффе, который в одном из своих учебников по гражданскому праву (семейное право сущностно признавалось и текстуально оформлялось как часть права гражданского, что, впрочем, характерно для данной школы и в настоящее время) писал о том, что правам родителей по воспитанию ребенка неизбежно должна корреспондировать обязанность последнего подчиняться их воспитательному воздействию [11]. Это предположение в то время было поддержано некоторыми цивилистами, чьи труды ориентировались преимущественно на семейно-правовую проблематику, однако их позиция не была учтена не только в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. (в нем глава о статусе ребенка отсутствовала – его права позиционировались через призму не столько права, сколько интереса, который должен учитываться родителями, иными субъектами семейных правоотношений и государственными структурами при разрешении соответствующих категорий семейных дел), но и в действующем СК РФ: глава о детях ориентирована в нем исключительно на их юридические возможности. При этом в последующих за проектными периодами и современных позициях ряда представителей семейно-правовой доктрины явным образом подчеркивается и доказывается необходимость внедрения в ткань семейного закона конструкции детских обязанностей [6, 15].

С признанием в действующем СК РФ у ребенка некоторых элементов «пассионарности» (в контексте конструкции согласия на совершение ряда семейно-правовых актов, права на самостоятельную судебную защиту, прав несовершеннолетнего родительства (ст. 56–57 СК РФ) и других положений о его семейно-правовом статусе) неизбежно в правосубъектности усиливается роль дееспособности, объем которой возрастает, качественно изменяется в период от малолетства до 10-, 14–17-летнего возраста. И дело не только в классике юриспруденции (она,

¹ Подробный анализ правовых позиций и изложении авторской позиции см. в других трудах автора [19].

как мы уже заметили ранее, почти всегда предполагает исключения из правила), но и в реальных потребностях общества, родителей и иных попечителей ожидать от ребенка уважительного отношения к близким людям (и не только) и посильной помощи в делах семьи. Подобные ожидания вполне удовлетворены (в той или иной формулировке) в законодательстве целого ряда стран, в том числе и тех, в которых сильно влияние гражданско-правовой методологии при регулировании семейных отношений (например, Германии) [12]. В Болгарии, еще в бытность ее членом социалистического лагеря, в Семейном кодексе была закреплена знаковая (в контексте наших размышлений) норма¹: «Децата со длъжни да уважават своите родители, бабо и дядо и да им помагат» (ч. 4 ст. 124).

При этом в российском законодательстве детские обязанности присутствуют в сферах трудового права (например, ученический договор), административного (обязанности соблюдать устав и исполнять решения общественной организации, членом которой ребенок является), даже уголовного (не о праве же на уголовное преследование с 14 лет идет речь) и др. А в соответствии с ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 43) [3] учащиеся (без обозначения возраста) обязаны соблюдать локальные акты образовательного учреждения, выполнять учебный план, уважать педагогов и других участников образовательного процесса, включая одноклассников, а по окончании младших классов они, за неисполнение означенных обязанностей, могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности. При этом уважать своих родителей и других законных попечителей дети не обязаны...

Ключевым возражением против внедрения конструкции детских обязанностей в СК РФ является соображение о невозможности обеспечить их выполнение правовыми средствами (аргумент о недееспособности ребенка разрушается приведенными ранее образцами его «пассионарности»). Однако, во-первых, аналогичная нормативная «картинка», как мы уже продемонстрировали ранее, наблюдается и в блоке о супружестве, что не вызывает желания законодателя ее скорректировать. Во-вторых, в нормах ст. 1 СК РФ об общих началах семейного законодательства предусмотрено долженствование членов семьи взаимно уважать и поддерживать друг друга. Дети относятся к таковым (а не только к «цветам жизни»). В-третьих, семейный закон, активно не избегая деклараций социально-этического свойства (а, напротив, прямо их закрепляя), выполняет, наряду с регулятивной и охранительной функциями, и воспитательные задачи [20], что особенно важно и актуально при правовом регулировании отношений с участием детей, тем более детей современных, «вооруженных» (и одновременно ослабленных) интернетом и соответствующим сетевым инструментарием. Поэтому гл. 10

¹ Действует и в настоящее время.

СК РФ и в названии, и в содержании, следует дополнить положениями об обязанностях уважительного отношения ребенка к своим законным воспитателям и посильном участии в делах семьи.

Изложенные нами соображения свидетельствуют о существовании дискуссионного «поля с посеянными семенами и взошедшими ростками» идей об особых вариациях жизнедеятельности конструкции семейных обязанностей в сфере брака, родительства и детства и потребности в их уточнении на уровне семейного закона либо правоприменения.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 31.07.2025 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Величкова О.И. Совместное проживание и ведение хозяйства как конструктивный элемент имущественных отношений: причины появления, во что превратилось и что с этим делать? // Демидовский юридический журнал. 2025. Т. 15, № 4. С. 386–391.
5. Горбунов Е.Ю. Обязанность взаимной верности супругов. Польская правовая реальность vs лакуна в российском праве // Закон. 2022. № 12. С. 185–205.
6. Елисеева А.А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 82–89.
7. Иванов А.А. Переосмысливая отношения между родителями и детьми // Закон. 2023. № 2. С. 110–119.
8. Ильина О.Ю. К вопросу об изменении предмета и метода семейно-правового регулирования // Семейное право: современные проблемы теории и практики. Материалы международного круглого стола. Минск, 2020. С. 151–157.
9. Ильина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7–15.
10. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.
11. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Т. 3. М., 1965. 495 с.
12. Матвеева Н.А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 25–28.
13. Нечаева А.М. История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 3–8.
14. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
15. Рабец А.М. Проблемы укрепления нравственных начал в нормах о личных неимущественных правах и обязанностях родителей и детей // Научные труды РАЮН. 2003. № 3. С. 161–163.

16. Сочнева О.И. Фактический брак: юридическое забвение или право выбора // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 394–405.

17. Тарусина Н.Н. Гражданский закон: возможности и ограничения как «законодателя мод» для семейного права // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 11–13.

18. Тарусина Н.Н. Семья: ценностные и формально-юридические ориентиры // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 3. С. 364–381.

19. Тарусина Н.Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 2. С. 95–109.

20. Тарусина Н.Н. О должностовании детей в семейно-правовой и иных сферах // Семейное и жилищное право. 2026. № 1. С. 15–17.

21. Чефранова Е.А., Чашкова С.Ю. Направления совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов (сфера согласования интересов бизнеса и интересов супругов) // Lex Russica (Русский закон). 2024. Т. 77, № 12 (217). С. 23–44.

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Заслуженный юрист РФ (150003, г. Ярославль, ул. Советская, 14), SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

On some aspects of obligation in family law

N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The article examines the current aspects of the life of the obligation in the family law sphere (its key institutions: marriage, parenthood, and childhood) – in the context of the prerequisites of the specifics of its content, functioning, and provision of measures of influence in case of its non-fulfillment (improper fulfillment). The article analyzes the doctrinal and legislative approaches to this issue. It proposes options for interpreting the current norms on family-law obligations and for adjusting (completing) the relevant legal provisions.

Keywords: *the concept of obligation, the specifics of family-law obligations, the updating of the system of obligations, the problem of security measures, and child-related obligations.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF (150003, Yaroslavl, Sovetskaya Street, 14), SPIN-code: 5565-5523, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н. О некоторых аспектах должностования в семейно-правовой сфере // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 193–201.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

К вопросу об исполнении родительской обязанности заботиться о здоровье своего ребенка

Е.А. Татаринцева

ЧПОУ «Светлоградский многопрофильный колледж», г. Светлоград

В статье анализируется содержание родительской обязанности заботиться о здоровье своих детей. Предметом исследования являются нормы федерального законодательства и подзаконных нормативных актов, а также ведомственные приказы, письма и методические рекомендации, в которых прямо или косвенно раскрывается содержание данной родительской обязанности. В исследовании сделаны выводы о том, что правовые нормы, возлагающие на родителей обязанность заботиться о здоровье своих детей, не раскрывают составляющие элементы этой обязанности, что существенно затрудняет ее исполнение. Автор считает, что необходимо конкретизировать составляющие элементы данной родительской обязанности в специальных нормах федерального законодательства, сделав их более доступными для понимания субъектами правоотношений, а следовательно, для повышения их уровня правосознания и достижения поставленной государством цели по обеспечению надлежащего уровня жизни и развития ребенка.

Ключевые слова: *забота о здоровье ребенка, обязанность родителей, репродуктивное здоровье, несовершеннолетние, информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию, модель должного поведения, медицинские работники.*

Забота об интересах матери и ребенка, охрана их здоровья являются важнейшим делом государства, для чего последним создаются необходимые условия, в том числе посредством решения задач по укреплению института семьи, возрождению и сохранению духовно-нравственных традиций семейных отношений, включая «повышение обязательств родителей по обеспечению надлежащего уровня жизни и развития ребенка» [5].

Определяющим фактором в развитии ребенка является состояние его здоровья, под которым понимается состояние «полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [3]. Как в международном, так и в российском праве делается акцент на необходимости обеспечения заботы родителей о здоровье своего ребенка. В п. 2 ст. 6 Конвенции ООН о правах ребенка говорится об обязанности государств-участников обеспечивать в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка [2].

Обязанность родителей заботиться о детях, их воспитании закреплена в ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации [1]. Принцип приоритетности государственной политики детствосбережения, выражающийся, в частности, в создании государством условий для всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей, сформулирован в ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации.

Конституционные положения находят свое развитие в ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [4] и нормах федерального законодательства. Согласно п. 1. ст. 7 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [7] (далее – ФЗ № 323) «государство признает охрану здоровья детей как одно из важнейших и необходимых условий физического и психического развития детей». При этом в п. 2 ст. 7 указанного закона подчеркивается, что это – «особая охрана», которая включает в себя «заботу об их здоровье и надлежащую правовую защиту в сфере охраны здоровья», а также приоритетные права детей при оказании медицинской помощи, независимо от их семейного и социального благополучия. Тем самым государство напрямую заявляет о своем интересе в рождении и воспитании здорового и полноценного поколения, возлагая на родителей ребенка обязанность заботиться о его здоровье.

Однако вопрос об обеспечении заботы о здоровье подрастающего поколения со стороны родителей по-прежнему стоит очень остро, поскольку реализация права детей на заботу об их здоровье во многом зависит от семейного и социального благополучия их родителей. Качество здоровья ребенка закладывается еще во внутриутробном периоде жизни, задолго до его рождения и во многом определяется качеством здоровья не только его матери, но и отца [16].

Официальные статистические данные свидетельствуют о росте числа детей с различными патологиями. Приведем лишь небольшой пример. Так, за период с 2021 по 2024 гг. на 24 % выросло число детей с некоторыми неинфекционными и паразитарными болезнями, наблюдается устойчивый рост заболеваний эндокринной системы, расстройств питания и нарушения обмена веществ (в 2021 г. – 370,7, в 2022 г. – 377,1, в 2023 г. – 383,0, в 2024 г. – 385,2 случаев заболеваний) [14].

Помимо этого, для надлежащего исполнения своей родительской обязанности заботиться о здоровье ребенка субъект правоотношений как минимум должен понимать, какой объем требований предъявляется к нему государством, что представляется также затруднительным.

Обязывание является одним из основных способов правового регулирования, «своеобразным профилактическим средством против игнорирования общезначимого интереса, проявления неорганизованности и возможного причинения вреда» [15, с. 336].

Основопологающей среди обязывающих норм является положение, сформулированное в абз. 2 п. 1 ст. 63 СК РФ, где говорится о том, что «Родители <...> обязаны заботиться о здоровье <...> своих детей». Данная норма права призвана формировать модель должного поведения родителей и направлять участников регулируемой ситуации на достижение позитивного результата, который предлагается законодателем, принявшим эту норму. В то же время данная норма не раскрывает составляющих элементов этой обязанности, что снижает ее социальную ценность. Дублирует ее норма, содержащаяся в п. 2 ст. 14.1. Федерального закона от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 04.11.2025 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [9].

Содержание обязанности родителей как граждан Российской Федерации заботиться о здоровье своих детей раскрывается посредством корреспондирующего права несовершеннолетних в сфере охраны здоровья, предусмотренного ст. 54 ФЗ № 323.

В обязанности родителей, в частности, входит: обеспечивать прохождение ребенком медицинских осмотров, в том числе профилактических медицинских осмотров, в связи с занятиями физической культурой и спортом, прохождение диспансеризации, диспансерного наблюдения, медицинской реабилитации, оказывать медицинскую помощь, в том числе в период обучения и воспитания в образовательных организациях.

Поскольку сегодня особое внимание со стороны государства уделяется сохранению репродуктивного здоровья несовершеннолетних, ежегодное прохождение ими профилактических медицинских осмотров, в том числе осмотров врачами акушерами-гинекологами и детскими урологами-androлогами, рассматривается как один из значимых элементов оценки их репродуктивного здоровья, что требует надлежащего исполнения родительской обязанности [12].

Однако вопрос о сохранении репродуктивного здоровья несовершеннолетних относится к числу коллизионных. В целях повышения рождаемости введены в действие Методические рекомендации [11], согласно которым с 01.01.2025 г. для обучающихся по очной форме обучения на платной или бесплатной основе в общеобразовательных организациях, профессиональных организациях по образовательным программам среднего профессионального образования или в организациях высшего образования по образовательным программам высшего образования, а также по программам профессионального обучения на региональном уровне в заявительном порядке выплачивается единовременная сумма в размере не менее 100 тыс. рублей при постановке на учет по беременности, которая предоставляется женщине или ее законному представителю в случае, если беременная является несовершеннолетней.

Таким образом, с помощью стимулирующих мер государство пытается решить тактические задачи по повышению рождаемости в Российской Федерации [5, 10].

Вместе с тем следует учитывать негативные последствия для решения стратегической задачи государства по укреплению института семьи, что недостижимо без сохранения репродуктивного здоровья нации. Согласно Методическим рекомендациям по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья (утв. Минздравом России 29.03.2024 г.) [12] оценка репродуктивного здоровья и репродуктивных установок осуществляется в отношении женщин от 18 до 49 лет. Таким образом, несовершеннолетние при проведении диспансеризации исключаются из этой категории по недостижению совершеннолетнего возраста.

Еще одним негативным последствием стимулирования рождаемости у несовершеннолетних является снижение ответственности родителей за обеспечение здоровья детей, что также препятствует укреплению института семьи, возрождению и сохранению духовно-нравственных традиций семейных отношений. Особенно сложными являются ситуации, когда родитель не может материально обеспечить завышенные потребности ребенка, а у последнего возникает мотивация решить свои «проблемы» за счет получения социальных выплат посредством беременности.

Следует согласиться с мнением В.Л. Кулапова и А.В. Малько о том, что при «достижении цели правового регулирования, правотворческим и правоприменительным субъектам важно не прибегать к крайностям» [15, с. 337].

Следует отметить, что исполнение обязанности заботиться о здоровье своих детей непосредственно связано с личным примером родителя. Наделяя каждого гражданина правом на охрану здоровья (п. 1 ст. 18 ФЗ № 323), государство возлагает на него обязанность заботиться о сохранении своего здоровья, в том числе проходить медицинские осмотры (п. 1, 2 ст. 27 ФЗ № 323). Ненадлежащее исполнение этой обязанности самими родителями значительно снижает потенциал правовой нормы, препятствует достижению социально-полезных целей.

Еще одна проблема заключается в том, что содержание обязанности родителей заботиться о важнейшем нематериальном благе ребенка – его жизни и здоровье – раскрывается в правовых источниках различного уровня, включая ведомственные приказы и письма рекомендательного характера, что, в свою очередь, препятствует повышению родительского правосознания.

Однако федеральное законодательство содержит примеры удачной формулировки правовых норм в этой части. Таковой, на наш взгляд, следует считать норму, содержащуюся в пп. 2 п. 2 ст. 9 Федерального закона от 23.02.2013 г. № 15-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.) «Об охране

здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» [6]. В ней говорится, что родители обязаны «заботиться о формировании у детей отрицательного отношения к потреблению табака или потреблению никотинсодержащей продукции, а также о недопустимости их вовлечения в процесс потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» [13]. Изложение данной нормы характеризуется ясностью, однозначностью, краткостью, а также полнотой охвата содержания родительской обязанности по заботе о здоровье ребенка в этой части.

Логично было бы предположить наличие аналогичной нормы и в Федеральном законе от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 30.11.2024 г.) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [8] (далее – Закон). Однако в ст. 4 указанного Закона говорится лишь о полномочиях федерального органа исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию. Ни о каких родительских обязанностях в этой важнейшей сфере, являющейся одной из предпосылок формирования физического и психического здоровья детей, не упоминается, равно как и в целом о родителях как субъектах правоотношений по информационной безопасности в отношении детей.

Можно, конечно, возразить, что исполнение данной родительской обязанности обеспечивается посредством запрещающей нормы, содержащейся в абз. 2 п. 1 ст. 65 СК РФ, где предусматривается, что «при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию» [4]. Но поскольку количество информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, только растет, в связи с чем законодателем введено специальное регулирование этих вопросов, следует предусмотреть конкретную обязанность родителей по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

Наличие такой обязанности могло бы, на наш взгляд, стимулировать и самих родителей ребенка к отбору и потреблению безопасной информации. Однако пока со стороны органов государственной власти не будут приняты кардинальные меры, направленные на обеспечение информационной безопасности детей, а также всего населения Российской Федерации в целом, никакие мероприятия не будут эффективными.

Таким образом, для достижения поставленной государством цели – повышения «обязательств родителей по обеспечению надлежащего уровня жизни и развития ребенка» следует конкретизировать составляющие элементы обязанности родителей заботиться о здоровье ребенка в специальных нормах законодательства, которые будут конкретизировать

общую норму, содержащуюся в абз. 2 п. 1 ст. 63 СК РФ, путем установления в ней деталей и дополнений, и способствовать исполнению родителями своих обязанности в отношении детей надлежащим образом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.

3. Устав ВОЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (дата обращения: 10.01.2026).

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «Гарант».

5. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «Гарант».

6. Федеральный закон от 23.02.2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» // СПС «Гарант».

7. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

8. Федеральный закон от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «Гарант».

9. Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

10. Приказ Минтруда России от 11.02.2025 г. № 57 «Об утверждении методических рекомендаций по реализации мероприятий региональных программ по повышению рождаемости, подлежащих софинансированию из федерального бюджета» // СПС «Гарант».

11. Приказ Минтруда России от 31.07.2024 г. № 387 (ред. от 10.06.2025 г.) «Об утверждении методических рекомендаций по актуализации региональных программ по повышению рождаемости» // СПС «Гарант».

12. Письмо Минздрава России от 01.07.2025 г. № 15-4/И/2-12980 «О направлении Методических рекомендаций "Обеспечение взаимодействия медицинских организаций и социальных служб, органов службы занятости при консультировании женщин в ситуации репродуктивного выбора/трудной жизненной ситуации, беременных и женщин/семей, желающих иметь детей"» (вместе с Методическими рекомендациями «Обеспечение взаимодействия медицинских организаций и социальных служб, органов службы занятости при консультировании женщин в ситуации репродуктивного выбора/трудной жизненной ситуации, беременных и женщин/семей, желающих иметь детей», утв. Минтрудом России, Минздравом России 30.04.2025 г.) // СПС «Гарант».

13. Письмо Минздрава России от 19.04.2025 N 15-3/И/2-7681 «О направлении рекомендаций по здоровому образу жизни несовершеннолетних во время оздоровления и отдыха в организациях отдыха детей и их оздоровления» (вместе с «Рекомендациями по здоровому образу жизни несовершеннолетних во

время оздоровления и отдыха в организациях отдыха детей и их оздоровления», утв. Минздравом России 16.04.2025 г.) // СПС «Гарант».

14. Федеральная служба государственной статистики. Заболеваемость детей в возрасте 0–14 лет по основным классам болезней [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 10.01.2026).

15. Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Норма, 2009. 384 с.

16. Никитин А.И. Факторы отца и здоровье потомства // Медицина: теория и практика. 2019. Т. 4. Спецвыпуск. С. 388.

Об авторе:

ТАТАРИНЦЕВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент, директор ЧПОУ «Светлоградский многопрофильный колледж» (356537, Ставропольский край, г. Светлоград, площадь Выставочная, 30), SPIN-код: 1686-8876, AuthorID: 210289, e-mail: sv-mk16@mail.ru

On the issue of exercising parental responsibility to care for the health of their child

E.A. Tatarintseva

Svetlograd Multidisciplinary College, Svetlograd

This article analyzes the content of parental responsibility to care for the health of their children. The subject of the study is federal legislation and subordinate regulatory acts, as well as departmental orders, letters, and guidelines that directly or indirectly disclose the content of this parental responsibility. The study concludes that legal norms imposing the responsibility on parents to care for their children's health do not clarify the constituent elements of this responsibility, which significantly complicates its implementation. The author believes that it is necessary to specify the constituent elements of this parental responsibility in specific federal legislation, and making them more understandable to legal entities, thereby raising their level of legal awareness and achieving the state's goal of ensuring an adequate standard of living and child development.

Keywords: *caring for the child's health, parental responsibilities, reproductive health, minors, information harmful to health and/or development, model of proper behavior, health workers.*

About author:

TATARINTSEVA Elena – PhD in Law, Associate Professor, Director of the Svetlograd Multidisciplinary College (30 Vystavochnaya Ploschad, Svetlograd, Stavropol Krai, 356537), SPIN code: 1686-8876, AuthorID: 210289, e-mail: sv-mk16@mail.ru

Татаринцева Е.А. К вопросу об исполнении родительской обязанности заботиться о здоровье своего ребенка // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 202–208.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Фиктивность браков в современных реалиях

Н.А. Темникова

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского», г. Омск

Объектом исследования являются отношения, возникающие в связи с заключением фиктивных браков в реалиях специальной военной операции. Предметом исследования выступают нормы семейного права, регламентирующие признание фиктивных браков недействительными, и текущая судебная практика. Целью является установление особенностей доказывания фиктивности брака и причин распространенности этого явления в современных реалиях. Конкретными задачами выступают: исследование вопросов, связанных с заключением фиктивных браков; обоснование применяемых способов защиты, включая аннулирование правоотношения. Результаты исследования могут быть представлены следующими основными выводами. Отчетливо наметилась дифференциация судебных подходов к доказыванию фиктивности в зависимости от того, насколько, по мнению суда, нарушен публичный интерес. Доказывание фиктивности брака осложнено отсутствием легального определения понятия «семья» и ее признаков в семейном законодательстве.

Ключевые слова: фиктивность, семейное отношение, фиктивный брак, аннулирование записи акта гражданского состояния, публичные интересы.

Военные действия предполагают не только героизм, консолидацию народа, но и обострение социальных конфликтов, крайние проявления ранее существовавших негативных социальных явлений. Фиктивные браки стали инструментом мошеннических схем по получению мер государственной поддержки семьями погибших участников специальной военной операции (далее – СВО), чему служит подтверждением судебная и прокурорская практика.

На этой волне 09.01.2025 г. в Государственную Думу Российской Федерации был представлен законопроект, в котором предлагалось дополнить положения о мошенничестве в Кголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) статьей о мошенничестве при получении государственных или муниципальных мер социальной поддержки путем заключения фиктивного брака [1]. Следует отметить, что среди очевидных недостатков законопроекта Верховным Судом России и Комитетом по государственному строительству и законодательству были названы наличие действующих норм, регулирующих мошенничество при получении выплат (ст. 159² УК РФ), а также отсутствие учета иных возможностей приобретения чужого имущества путем обмана при заключении фиктивного брака, например при наследовании. Кроме

того, обращено внимание на ненадлежащие формулировки предлагаемой нормы, которые могут негативно сказаться на правоприменительной практике.

Но в любом случае очевидна необходимость ревизии ранее высказанной позиции [12] относительно фиктивных браков и предмета доказывания в современных реалиях.

В течение длительного времени выявление фиктивных браков, в том числе в связи с нарушением порядка принятия в гражданство Российской Федерации, приобретением права на предоставление жилого помещения, земельного участка, далеко не всегда было возможно, чаще фиктивность брака оставалась скрытой, в том числе и в связи с недоступностью обжалования фиктивности брака как заинтересованными лицами, так и лицом, которое намеренно в него вступало, зная, что семейных отношений не предполагается.

В итоге такие факты оставались скрытыми, что противоречит как публичным интересам, так и правилам морали и нравственности. Однако начало СВО и появление системы выплат родственникам погибших воинов спровоцировали рост числа фиктивных браков, нередко с применением обмана и принуждения, что способствовало раскрытию ряда таких фактов и привело к возбуждению уголовных дел в нескольких регионах России.

Лексема «фиктивность» означает нечто вымышленное, не соответствующее тому, за что принимается или выдается. В юридическом языке слово приобрело отчетливый негативный контекст, связанный с неправомерными действиями субъектов (субъекта), которые умышленно совершали юридический акт лишь для видимости, не желая наступления основных последствий, входящих в содержание правоотношения, не имели целью получение социальных благ и гарантий на основании юридических фактов, не соответствующих действительности.

Н.Н. Тарусина в определении фиктивного брака отмечает внешнее соответствие «формальным требованиям той правовой конструкции, которая используется», при отсутствии ее цели и содержания [8, с. 84].

При проведении соотношения фиктивных актов и мнимых сделок отмечается как определенное сходство с учетом специфики личного характера семейных отношений [2, с. 47–48], так и отличия, обосновываемые «суверенной сущностью предмета и метода семейно-правового регулирования и семейного законодательства» [9, с. 9–37]; а также тем, что к большинству фиктивных семейных актов не применимы правовые последствия признания фиктивных сделок недействительными [10, с. 46].

В фиктивном браке воля сторон (стороны) и волеизъявление имеют разнонаправленные векторы, поскольку субъекты не стремятся к достижению обычного и непосредственного правового результата, в

данном случае – созданию семьи, преследуются побочные, опосредованные цели, для реализации которых необходимо состояние в браке. Отмечено, что перед третьими лицами создается ложное представление и видимость брачного правоотношения [13, с. 82–83]. Следует учитывать высокую латентность фиктивных актов [6, с. 52] и возможность их выявления только при наличии заинтересованных лиц, привлечших внимание к таким случаям.

Всплеск регистрации фиктивных браков произошел после начала СВО, что связано с ролью брачного правового состояния в динамике социально-обеспечительных и наследственных правоотношений. И если ранее среди причин заключения таких браков отмечали упрощенное получение гражданства России; регистрацию по месту жительства в г. Москве, получение социального жилья [3, с. 175–176; 7, с. 73], то в настоящее время чаще целью является получение единовременной выплаты семьям участников, погибших в ходе специальной военной операции.

Доказывание фиктивности брака осложнено отсутствием легального определения понятия «семья», ее признаков в семейном законодательстве. Среди базовых признаков семейного супружеского союза неоспорима только регистрация брака, остальные (совместное проживание, общий быт, ведение хозяйства, взаимная поддержка членов семейной общности, осведомленность о фактах биографии друг друга, о родных и друзьях [14, п. 14]) по сути должны восприниматься в совокупности. О.И. Сочнева и Н.Н. Тарусина считают, что отрицание такого признака, как совместное проживание, ведет к размыванию данного понятия, отождествлению его с другими вариациями семейных отношений [11, с. 27], предлагая рассматривать причины раздельного проживания.

Доказывание может быть осложнено и иными фиктивными юридическими актами: внесудебным установлением отцовства, расторжением предыдущего брака. Однако такое симулирование брачного правоотношения не должно быть препятствием для признания брака фиктивным. Л.Б. Максимович при явно недобросовестном поведении предлагает допустить признание брака фиктивным даже в случае рождения ребенка [7, с. 74-75].

Изменение политической ситуации привело к тому, что как российский законодатель, так и суды вынуждены «действовать в условиях социальной чрезвычайности» [4, с. 75], что отчетливо прослеживается в практике Верховного Суда [15]. Вышесказанное влечет применение не только частноправовых, но публично-правовых санкций, в том числе квалификацию заключения фиктивного брака с целью получить выплаты в связи с гибелью бойца на СВО как мошенничество.

Основной частноправовой санкцией в случае недействительности брака является аннулирование правоотношения, которое не должно применяться, если брак между супругами расторгнут (п. 4 ст. 29 СК РФ).

При рассмотрении дел, связанных с приобретением гражданства в упрощенном порядке, суды учитывают наличие публичного интереса, который, по словам О.Ю. Ильиной, состоит «в признании ценности семьи как социально-правового института, в связи с чем различные попытки дискредитировать семью как особый союз могут повлечь аннулирование соответствующих состояний» [5, с. 120]. Обращает на себя внимание, что само умаление значения семейного союза, дискредитация понятия рассматриваются как посягательство на публичный интерес.

Однако в практике сложилась следующая дифференциация судебных подходов: в частных спорах по признанию фиктивными расторгнутых браков (наследование, приобретение права собственности) суды такой возможности не допускают, ссылаясь на вышеназванную норму [16]; в спорах, непосредственно затрагивающих публичный интерес, – подход противоположный. Суды признают брак фиктивным после его расторжения, аннулируя запись акта гражданского состояния о расторжении брака по искам прокуроров [17, 18, 19].

Объяснением такого дифференцированного подхода может служить частноправовая направленность положения п. 4 ст. 29 СК РФ, заключающаяся в признании бывшими супругами действительности расторгнутого брака. В случае обращения прокурора с требованием о признании недействительным брака, расторгнутого судом, преюдициальность этого решения не распространяется на прокурора, поскольку он «не является стороной в процессе о расторжении брака» [10, с. 53].

В современных реалиях фиктивные браки часто цинично связаны с ожиданием гибели воина и последующим получением денежных выплат, однако судам необходимо отделять «зерна от плевел», поскольку следует учитывать и «фронтовые браки», браки, заключенные с сожительницами накануне отправки на СВО, которые также ожесточенно оспариваются родственниками [20].

Кроме того, не следует забывать и о возможности злоупотреблений и регистрации несостоявшихся браков с бойцами СВО, когда подделываются подписи, вставляются записи в актовые книги, и в таком случае суд констатирует не наличие препятствий к заключению брака, а отсутствие самого факта его регистрации и юридическую несостоятельность брака [14, п. 4], результатом чего является аннулирование акта гражданского состояния.

Таким образом, современные реалии, в том числе и выплаты членам семей участников СВО, вызвали рост регистрации фиктивных браков. Текущая судебная практика показывает развитие дифференциации судебных подходов к доказыванию фиктивности в зависимости от того, насколько, по мнению суда, нарушен публичный интерес. Если целью заключения такого брака было получение выплат,

возможно возбуждение дела о мошенничестве. Пока сложно говорить о формировании тенденции к криминализации фиктивных браков, но можно сделать вывод о том, что отношение к ним становится более нетерпимым.

Список литературы

1. Законопроект № 1092186-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1092186-8>, свободный (дата обращения: 12.01.2026).

2. Авхадеев И.В. Правовая природа института фиктивности брака по российскому семейному законодательству // Вестник Владимирского юридического института. 2012. № 1. С. 47–52.

3. Беспалов А.Ю. К вопросу о недействительности расторгнутого брака // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 175–181.

4. Богдан В.В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани... // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 71–79.

5. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей (договор) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.

6. Лагунова Е.А. Фиктивный брак и фиктивный развод: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2. С. 50–56.

7. Максимович Л.Б. Фиктивный брак // Закон. 1997. № 11. С. 73–75.

8. Тарусина Н.Н. О фиктивных семейно-правовых состояниях // Правоведение. 1983. № 2. С. 84–87.

9. Тарусина Н.Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.

10. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Фиктивность в семейно-правовой сфере: продолжение следует // Социально-юридическая тетрадь. 2015. № 5. С. 45–65.

11. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Об укреплении фундамента (основных начал) семейного закона // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 26–34.

12. Темникова Н.А. Фиктивность в семейном праве // Вестник Омского Университета: Серия «Право». 2017. № 4 (53). С. 105–110.

13. Филимонова И.В. Семейно-правовое состояние как разновидность правового состояния // Академический юридический журнал. 2015. № 3 (61). С. 39–47.

14. Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2022 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

15. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.10.2025 г. № 93-КГ25-2-К9 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Московского городского суда от 13.10.2010 г. № 4Г/8-8309/10 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 29.12.2014 г. по делу № 33-197 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2023 г. по делу № 88-9072/2023 (УИД 65RS0001-01-2022-010776-42) // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2024 г. № 88-36869/2024 (УИД 91RS0017-01-2023-001070-33) // СПС «КонсультантПлюс».

20. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 10.06.2025 г. по делу № 33-8073/2025 (УИД 66RS0014-01-2024-002219-05 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ТЕМНИКОВА Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» (644099, г. Омск, ул. Фрунзе, 6), SPIN-код: 3675-5504, AuthorID: 540047, e-mail: nat_temnikova@mail.ru

Fictitious marriages in current realities

N.A. Temnikova

Omsk State University by F.M. Dostoevsky, Omsk

The object of the study is the relationships that arise in connection with the conclusion of fictitious marriages in the realities of their own. The subject of the study is the norms of family law governing the recognition of fictitious marriages as invalid and current judicial practice. The aim is to establish the specifics of proving the fictitiousness of marriage and the reasons for the prevalence of this phenomenon in modern realities. The specific tasks are: to study issues related to the conclusion of fictitious marriages; to substantiate the methods of protection used, including the annulment of a legal relationship. The results of the study can be represented by the following main conclusions. There has been a clear differentiation of judicial approaches to proving fictitiousness, depending on how much, in the opinion of the court, the public interest has been violated. Proving the fictitiousness of marriage is complicated by the lack of a legal definition of the concept of "family" and its features in family legislation.

Key words: *fictitious family relationship, a marriage, the annulment of the record of civil status, public interests.*

About author:

ТЕМНИКОВА Natalia – Ph.D in Law, Docent, Assistant Professor of the Department of Civil Law Dostoevsky Omsk State University (6, Frunze ul., Omsk, 644099), SPIN-code: 3675-5504, AuthorID: 540047, e-mail: nat_temnikova@mail.ru

Темникова Н.А. Фиктивность браков в современных реалиях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 209–214.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Участие законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего в ходе производства по уголовному делу

Н.Г. Яковлева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются отдельные вопросы регулирования правового статуса законного представителя по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних. Объектом исследования являются правоотношения, возникающие в связи с необходимостью привлечения к участию в уголовном судопроизводстве законных представителей несовершеннолетних потерпевших, анализируются проблемы, связанные с данным институтом, рассматриваются отдельные вопросы, относящиеся к особенностям участия законных представителей в следственных действиях. В статье анализируются соответствующие правовые позиции Верховного и Конституционного судов РФ, раскрываются проблемные вопросы применения уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: защита прав и свобод ребенка, несовершеннолетний потерпевший, законный представитель, адвокат, нормативно-правовые акты, следственные действия, правовые позиции Верховного Суда РФ, постановления Конституционного Суда РФ.

Права и законные интересы детей – важнейший объект правовой охраны государства. В особой защите нуждаются несовершеннолетние, ставшие жертвами преступных посягательств. Для достижения максимально эффективного результата расследования преступлений, совершенных в отношении детей, необходим правовой механизм, отвечающий современным требованиям социума.

Защита прав и свобод несовершеннолетних, в том числе от преступлений, обеспечивается рядом нормативно-правовых актов:

Конституцией Российской Федерации [1], нормы которой устанавливают высшей ценностью права и свободы человека (включая несовершеннолетних), их соблюдение и защита является обязанностью государства;

Конвенцией о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г и вступившей в силу для СССР 15.09.1990 г. [2], ее положения в качестве приоритетной задачи общества рассматривают обеспечение прав и свобод несовершеннолетнего ребенка;

Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ) от 29.12.1995 г № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.), нормы которого наделяют несовершеннолетнего ребенка правами,

предусматривают гарантии их осуществления, в том числе посредством защиты родителями, лицами, их заменяющими, органами опеки и попечительства, прокурором и судом (ст. 56 СК РФ) [3];

Постановлением Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 г. № 19-П, в котором говорится о гарантированной защите достоинства несовершеннолетнего, его права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, обеспечении безопасности от преступных посягательств, включая воздействие на нравственность и психику, влияющее на развитие личности [7];

Федеральным законом от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [6], его нормы регулируют признание государством детства основным этапом жизни человека, требующим защиты, в том числе от преступных посягательств.

Специфика защиты прав и свобод определяется именно статусом несовершеннолетнего, который требует определения понятия данной категории лиц, т. к. в настоящее время оно не имеет однозначного толкования.

К.Н. Головкин, отражая подход многих исследователей, рассматривает в качестве несовершеннолетнего лицо, не достигшее возраста совершеннолетия, определяющего дееспособность и возможность реализации прав, свобод и юридических обязанностей. При этом автор уточняет, что возраст совершеннолетия и возраст, достижение которого наделяет граждан отдельными правами (например, возраст, необходимый для вступления в брак) и устанавливает ответственность за правонарушения (например, возраст сексуального согласия), не являются равнозначными [10, с. 175].

Современное российское законодательство не столь однозначно. Сложности правоприменения обусловлены отсутствием четкой формулировки понятия «несовершеннолетний» в силу его достаточной очевидности. Такого рода ситуация, например, наблюдается в нормах гражданского, административного и трудового права. Однако существуют и отрасли, где трактовка указанной категории закреплена на законодательном уровне (примером могут служить уголовное и семейное право). На наш взгляд, однозначного понимания анализируемой категории лиц можно достичь, используя соответствующие положения Конституции РФ, в частности ст. 60, определяющую возрастную порог зрелости гражданина РФ, обеспечивающий самостоятельное осуществление в полном объеме собственных прав и обязанностей, с момента достижения 18 лет [1].

Производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, в результате которых вред причинен несовершеннолетним, осуществляется с обязательным участием законных представителей последних (ст. 48 Уголовно-процессуального

кодекса РФ (далее – УПК РФ)), к которым, согласно ч. 12 ст. 5 УПК РФ, отнесены родители, усыновители, опекуны, попечители и представители учреждений, на попечении которых находятся несовершеннолетние потерпевшие [4].

Федеральным законом от 04.08.2023 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] были скорректированы нормы, касающиеся регулирования участия законного представителя несовершеннолетнего лица, потерпевшего от преступления против половой неприкосновенности. Законодатель наделил представителя правом заявлять ходатайство об участии в деле адвоката, при этом следователю и суду вменена обязанность обеспечения участия последнего (ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ).

Однако следует отметить, что зависимость участия в уголовном деле адвоката от воли законного представителя несовершеннолетнего, на наш взгляд, может негативным образом отразиться на обеспечении прав потерпевшего. Законные представители (это чаще всего близкие родственники последнего), думая, что расходы на оплату труда адвоката необходимо будет нести им, не заявляют ходатайства о его привлечении. Кроме того, достаточно часто следователи, не видя необходимости в участии адвоката несовершеннолетнего потерпевшего по данной категории дел, не разъясняют представителям всех особенностей заявления такого рода ходатайства, в том числе касающихся решения вопроса об оплате труда адвоката.

Полагаем, профессиональные знания и опыт работы адвоката способны существенно повлиять на ход предварительного следствия, т. к. он имеет достаточно широкий объем полномочий, к числу которых относится право на представление доказательств, заявление ходатайств о производстве следственных действий, участие в них, обеспечение в целом соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего.

Для решения вышеуказанных проблем необходимо на законодательном уровне закрепить обязанность следователя не просто разъяснять законному представителю право на заявление вышеуказанного ходатайства, но и требовать у последнего подписку о том, что ему понятны правовые последствия удовлетворения такого ходатайства.

Отметим также, что в правоприменительной практике нередко возникают вопросы, связанные с возможностью допроса в качестве свидетелей при рассмотрении судами дел в отношении несовершеннолетних их родителей, участвующих в деле в качестве их законных представителей [9, с. 140]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что суд может принять решение о допросе законного представителя в качестве свидетеля при его согласии, о чем выносит постановление (определение), разъясняя ему

права, указанные в ч. 4 ст. 56 УПК РФ. При этом в случае допроса законного представителя с его согласия в качестве свидетеля, последний предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний [8].

Еще одним важным и весьма специфичным является вопрос об участии законного представителя в следственных действиях. Такое право закреплено ч. 1 ст. 191 УПК РФ. Производство без уведомления законного представителя в любых ситуациях невозможно, однако существуют случаи, когда их присутствие не просто нецелесообразно, но и может отрицательно повлиять на несовершеннолетнего.

Это касается законных представителей, которые ведут асоциальный образ жизни, злоупотребляют спиртным, пренебрегают родительскими обязанностями. Перечень лиц, являющихся таковыми, достаточно узок (п. 12 ст. 5 УПК РФ). Принимая во внимание особый характер преступлений, следует отметить и сложность дачи показаний в присутствии постороннего для ребенка человека (представителя органа опеки или попечительства). Представляется целесообразным в данном случае назначение в качестве законного представителя близкого потерпевшему человека (совершеннолетних братьев и сестер, бабушек и дедушек), что в большей степени обеспечит его права и законные интересы при производстве по уголовному делу [11, с. 222].

Недостаточно четко, на наш взгляд, в законе урегулирована возможность участия в предварительном следствии законных представителей как во множественном (ч. 2 ст. 45 УПК РФ, ч. 7 ст. 280 УПК РФ), так и в единственном числе (ч. 1 ст. 191 УПК РФ). Думается, законодателем неслучайно в отношении некоторых следственных действий по уголовным делам, где потерпевшим выступает несовершеннолетний, предусмотрено присутствие законного представителя (в единственном числе). Большое количество участников не всегда может пойти на пользу потерпевшему. Принятие решения должно осуществляться как с учетом интересов последнего, так и в связи с конкретной ситуацией по делу. Кроме того, у несовершеннолетнего могут складываться более близкие отношения с кем-то из членов семьи, что может стать известно следователю уже в начале производства по уголовному делу (например, в ходе первого допроса или беседы с ребенком). В связи с чем целесообразно рассматривать именно его в качестве законного представителя.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод том, что законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего играет важную роль при производстве по уголовным делам, жертвами которых являются дети. Его функция – не формальное участие: прийти к следователю или в суд, молча посидеть и поставить подпись под протоколом. Законный представитель – это прежде всего лицо, защищающее интересы ребенка,

обеспечивающее надлежащую реализацию норм закона, активно участвующее в производстве по уголовному делу.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 24.07.1998 г № 124-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 09.12.2025 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Актуальные проблемы уголовного процесса : учебник для вузов / под ред. О.В. Логунова, А.В. Кикотя, Э.К. Кутуева. СПб.: Астерион, 2022. 944 с.

10. Головкин, К.Н. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: понятие и виды / К.Н. Головкин // Молодой ученый. 2024. № 2 (501). С. 175–177.

11. Горина А.С. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 221–224.

Об авторе:

ЯКОВЛЕВА Наталья Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1403-9892, e-mail: yakovlevang@yandex.ru

Participation of the legal representative of a minor victim in criminal proceedings

N.G. Yakovleva

Tver State University, Tver

The article analyzes certain issues related to the regulation of the legal status of legal representatives in criminal cases involving crimes committed against minors. The object of the study is the legal relations arising from the need to involve legal representatives of minor victims in criminal proceedings, and the article analyzes the problems associated with this institution, as well as certain issues related to the participation of legal representatives in investigative actions. The article also analyzes the relevant legal positions of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation and addresses the problematic issues of applying criminal procedure legislation.

Keywords: *protection of children's rights and freedoms, minor victim, legal representative, lawyer, legal acts, investigative actions, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.*

About author:

YAKOVLEVA Natalia – PhD, associate professor of department of Criminal Law and Procedure Tver State University, (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 1403-9892, e-mail: yakovlevang@yandex.ru

Яковлева Н.Г. Участие законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего в ходе производства по уголовному делу // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 215–220.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Право на информацию о своем происхождении как семейно-правовая ценность

П.А. Якушев

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
г. Владимир

В статье исследуется семейно-правовая природа права на информацию о своем происхождении как юридически обеспеченной возможности получать информацию о своих родителях, других предках, об истории семьи, об этническом происхождении, фактах биографии родственников. Сделан вывод, что информация о происхождении является нематериальным благом, а право на ее получение – личным неимущественным семейным правом, подлежащим защите, в том числе в рамках производства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

Ключевые слова: семейное право, право на информацию, право на имя, личные неимущественные права, семейные ценности, защита семейных прав.

Право знать о своем происхождении имеет конституционно-правовую основу (ч. 4 ст. 26, ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации). Это субъективное право включает юридически обеспеченную возможность получать информацию о своих родителях, других предках, об истории семьи (в том числе генетической), об этническом происхождении, фактах биографии родственников [1].

Не случайно в Преамбуле Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) подчеркивается, что многонациональный народ России чтит память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость. Почитание памяти предков подразумевает и необходимость каждого знать не только о выдающихся исторических личностях, но и о своих предках, истории их жизни.

Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. гарантирует ребенку право знать своих родителей, насколько это возможно (п. 1 ст. 7), а право на семейные связи рассматривается в качестве элемента права на сохранение личной индивидуальности (п. 1 ст. 8) [2].

В 2015 г. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ), рассмотрев дело о проверке конституционности положений ст. 139 Семейного кодекса РФ и ст. 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» как препятствующих, по мнению заявителей – взрослых детей усыновленного, получению сведений об усыновлении после смерти как усыновленного, так и усыновителей (бабушки и дедушки заявителей), пришел к выводу том, что указанные нормы не

противоречат Конституции РФ, поскольку суд общей юрисдикции в каждом конкретном случае вправе решать вопрос о возможности предоставления потомкам усыновленного информации об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей в том объеме, который необходим для реализации ими права знать свое происхождение и обеспечивает поддержание баланса конституционно защищаемых ценностей [9].

При этом КС РФ отметил, что согласно положениям Федерального закона от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» право пользователя архивными документами свободно искать и получать документы для изучения, закрепленное в ч. 1 ст. 24 указанного Федерального закона, может быть ограничено, в том числе если они содержат сведения, составляющие охраняемую законом тайну [4].

С одной стороны, усыновление «заменяет собой родство первой степени по происхождению» [7, с. 80], в результате усыновления создается традиционная семья с прочными юридическими и родственными связями, в усыновлении воплощаются ценности родительства и воспитания детей, концентрирующие вокруг себя жизнь традиционной семьи, поэтому тайна усыновления важна. С другой стороны, ценность имеет и информация о происхождении, и право на получение информации о своем происхождении обеспечивается конституционным и отраслевым правовым регулированием.

Реализация права на информацию о своем происхождении осуществляется, в том числе, при рассмотрении дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 264 Гражданского процессуального права РФ (далее – ГПК РФ) суд рассматривает дела об установлении фактов родственных отношений. При этом от установленного факта должно зависеть возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций (ч. 1 ст. 264 ГПК РФ) [3]. Установление юридически иррелевантного факта (хотя и устанавливающего родственные отношения) действующее процессуальное законодательство не допускает.

Так, А. обратилась в суд с заявлением об установлении факта своего рождения, указав на то, что у нее отсутствует свидетельство о рождении, при этом установление данного факта необходимо ей для подтверждения родственных отношений с умершими родителями и захоронения в будущем на родственном месте.

Определением Перовского районного суда г. Москвы от 10.03.2023 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 16.05.2023 г. и определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.08.2023 г., в принятии заявления отказано.

Отказывая в принятии заявления А., суд первой инстанции исходил

из того, что поданное ею заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку отсутствуют юридические последствия, для которых заявитель просит установить данный факт.

Суд апелляционной инстанции согласился с указанным выводом суда первой инстанции, дополнительно указав, что установление факта рождения заявителя для будущего захоронения в родственную могилу не может служить правовой целью установления данного факта, то есть каких-либо правовых последствий не порождает.

Второй кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводом судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты как постановленные с нарушением норм процессуального права и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее [11].

Обращаясь в суд, А. указала, что у нее отсутствует свидетельство о рождении (соответственно, отсутствует документально подтвержденная информация о ее родителях), а установление данного факта как раз и необходимо ей для подтверждения родственных отношений между ней и умершими отцом и матерью, а также для последующего сбора документов для захоронения на родственном месте, спор о праве на захоронение отсутствует, то есть заявитель фактически просила установить факт родственных отношений с умершими родителями в целях получения возможности быть захороненной рядом с ними на родственном захоронении.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» на территории Российской Федерации каждому человеку после его смерти гарантируются погребение с учетом его волеизъявления, предоставление бесплатно участка земли для погребения тела (останков) или праха [5].

Исполнение волеизъявления умершего о погребении его тела (останков) или праха в определенном месте, рядом с ранее умершими гарантируется при наличии на указанном месте погребения свободного участка или могилы ранее умершего близкого родственника либо ранее умершего супруга (п. 2 ст. 7 названного Федерального закона).

В случае отсутствия волеизъявления умершего право на разрешение таких действий имеют супруг, близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, дедушка, бабушка), иные родственники либо законный представитель умершего, а при отсутствии таковых иные лица, взявшие на себя обязанность осуществить погребение умершего (п. 3 ст. 5 названного Федерального закона).

Пунктом 2.10 приложения № 2 к постановлению Правительства

Москвы от 08.04.2008 г. № 260-ПП «О состоянии и мерах по улучшению похоронного обслуживания в городе Москве» предусмотрено, что в случае отсутствия архивных документов захоронения в могилы или на свободные места в оградах производятся с разрешения администрации кладбища на основании письменных заявлений близких родственников захороненных (родство и степень родства должны быть подтверждены документально) при предъявлении гражданами документов, подтверждающих захоронения на этом кладбище [6].

Следовательно, основанием для принятия решения о выделении места захоронения или о выдаче разрешения на захоронение является, помимо заявления соответствующего лица, предоставление документов, подтверждающих родство.

Возможность реализации права А. на захоронение рядом с могилами отца и матери зависит от предоставления необходимых документов, подтверждающих родственные отношения между ней и ее родителями. Подтвердить факт такого родства без предоставления свидетельства о рождении А. не может, при обращении ее в МФЦ и органы ЗАГС были получены отказы в связи с утерей документов. В ином порядке А. подтвердить факт родственных отношений не может.

Более того, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» разъяснено, что в случае, когда государственная регистрация рождения ребенка имела место, но свидетельство о рождении утрачено либо оно не может быть использовано в силу иных причин, заинтересованные лица вправе требовать выдачи повторного свидетельства о государственной регистрации рождения либо иного документа, подтверждающего факт государственной регистрации рождения [10].

Если лицу отказано в выдаче повторного свидетельства о рождении ребенка по причине отсутствия первичной или восстановленной записи акта о рождении (например, в связи с утратой архивного фонда органа записи актов гражданского состояния вследствие стихийного бедствия, пожара), оно не лишено возможности обратиться в суд с заявлением об установлении факта государственной регистрации рождения. Указанное заявление рассматривается судом по правилам, предусмотренным гл. 28 ГПК РФ.

При таких обстоятельствах вывод судов о том, что заявление А. об установлении факта рождения, а фактически об установлении факта родственных отношений с указанием заявленных ею последствий не может быть рассмотрено в порядке гражданского судопроизводства, нельзя признать законным и обоснованным.

Как отмечает Н.Ю. Челышева, информация о происхождении представляет собой нематериальное благо, благодаря которому,

подобно чести и достоинству, лицо способно проявить свои индивидуальные (личностные) социально-значимые качества, черты, способности, стремления; при этом право на знание своей генеалогии относится к личным неимущественным правам, носящим абсолютный характер [8, с. 98].

Представляется, что если лицо обращается в суд с заявлением об установлении факта родства, то юридическое значение установления такого факта нельзя сводить только к возникновению, изменению или прекращению имущественных прав. Реализация права на получение информации о своем происхождении может носить исключительно неимущественный характер и быть связана только с получением сведений, представляющих для лица нематериальную ценность. Поэтому если лицо, обращаясь с заявлением об установлении факта родства как факта, имеющего юридическое значение, указывает, что установление этого факта необходимо ему для получения генеалогической информации о своем происхождении и обосновывает личную и семейно-правовую ценность такой информации, которая в этом случае способствует реализации его личного неимущественного права на знание о своем происхождении (и в этом состоит юридическое значение устанавливаемого факта), то подобное заявление должно рассматриваться по существу.

Таким образом, информация о происхождении является нематериальным благом и семейной ценностью, а право на ее получение – личным неимущественным семейным правом, подлежащим защите, в том числе в рамках производства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ (ред. от 13.12.2024 г.) «Об архивном деле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.) «О погребении и похоронном деле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Правительства Москвы от 08.04.2008 г. № 260-ПП «О состоянии и мерах по улучшению похоронного обслуживания в городе Москве» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/13456220/> (дата обращения: 15.01.2026).
7. Михеева Л.Ю. Опекa и попечительство: Правовое регулирование: учеб.-практ. пособие / под ред. Р.П. Мананковой. М.: Палеотип, 2002.

8. Чельшева Н.Ю. Право на доступ к генеалогической информации и ее защиту в системе личных неимущественных прав // *Право и образование*. 2019. № 5. С. 95–107.

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // *СЗ РФ*. 2015. № 26. Ст. 3944.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017 г.) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2024 № 5-КГ24-2-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ЯКУШЕВ Павел Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры «Судебная деятельность» ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых» (600005, г. Владимир, ул. Студенческая, 8), SPIN-код: 8540-0244, e-mail: yakushev.pa@yandex.ru

The right to information about one's origin as a family and legal value

P.A. Yakushev

Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletovs, Vladimir

This article examines the family law nature of the right to information about one's origins as a legally enforceable opportunity to obtain information about one's parents, other ancestors, family history, ethnic origin, and the biographical details of relatives. It concludes that information about one's origins is an intangible asset, and the right to obtain it is a personal non-property family right subject to protection, including in proceedings to establish facts of legal significance.

Keywords: *family law, the right to information, the right to a name, personal non-property rights, family values, protection of family rights.*

About author:

YAKUSHEV Pavel – Doctor of Law, Professor of the Department of Judicial Activity at Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletovs (8 Studencheskaya str., Vladimir, 600005), SPIN-code: 8540-0244, e-mail: yakushev.pa@yandex.ru

Якушев П.А. Право на информацию о своем происхождении как семейно-правовая ценность // *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2026. № 1 (85). С. 221–226.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.637:343.275.6(470+571)+343.62

DOI: 10.26456/vtpravo/2026.1.227

Концептуальный анализ оснований лишения родительских прав: от множественности оснований к единому критерию неисполнения обязанностей

Р.К. Беляев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье проводится анализ правовой природы оснований лишения родительских прав, закрепленных в Семейном кодексе РФ. Автор ставит под сомнение традиционный догматический подход, предполагающий автономность каждого из оснований, и обосновывает концепцию «единого материального основания». В ходе исследования доказывается, что такие составы, как злостное уклонение от уплаты алиментов, жестокое обращение с детьми и хронический алкоголизм родителя, являются не самостоятельными юридическими фактами, а различными формами проявления виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения родителями своих обязанностей.

***Ключевые слова:** лишение родительских прав, государство, защита прав несовершеннолетних, родительские права, интересы ребенка.*

Тема лишения родительских прав является одной из основных в семейном праве. Она требует постоянного научного анализа и переоценки традиционных методов толкования с учетом требований конституционного и международного права, в частности Конституции РФ и Конвенции о правах ребенка, принятой Генеральной Ассамблеей ООН. В соответствии с положениями ст. 38 Конституции РФ государство гарантирует защиту материнства, детства и семьи, вследствие чего любое вмешательство в семейную автономию требует от правоприменительных органов повышенной ответственности [1].

В современной юридической науке и правоприменительной практике перечень оснований для применения такой крайней меры, как лишение родительских прав, закреплен в ст. 69 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [3]. О.Ю. Ильина и Л.В. Туманова в своей работе отмечали, что, «как и любая норма права, ст. 69 СК РФ называет только самый общий перечень оснований для лишения родительских прав» [9]. Часто данный перечень воспринимается как аксиома – исчерпывающий и логически заверченный список, не подлежащий сомнению. Однако суть исследования заключается в переосмыслении устоявшейся точки зрения. Многие полагают, что разнообразие оснований, закрепленных в указанной норме СК РФ, не более чем формальность. На самом деле за всеми этими разными формулировками скрывается одно и то же:

недобросовестные родители, которые сознательно не выполняют или ненадлежащим образом выполняют свои обязанности, возложенные на них в соответствии со статусом родителя [8].

Актуальность данного подхода в исследовании обусловлена тем, что необходимо повышение эффективности защиты прав детей и их законных интересов, а современные реалии, сложившиеся в правовой науке и практике, заключаются в том, что правовая неопределенность и размытость критериев определения оснований лишения родительских прав затрудняют работу судов, а приоритет интересов ребенка, который закреплен в ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка [2], может находиться под угрозой. Повышение эффективности необходимо для быстрого, безотлагательного и своевременного ответа на проблемы, возникающие в современном обществе, которые могут представлять собой риск для благополучия ребенка и его интересов.

В российском праве основания лишения родительских прав рассматриваются как автономные юридические факты. Именно на это в своих трудах неоднократно указывали А.М. Нечаева и Л.М. Пчелинцева. Авторы отмечали, что лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности [8, 10].

Законодатель предлагает перечень из шести пунктов, включающий в себя: уклонение от выполнения обязанностей родителя; отказ без уважительной причины взять своего ребенка из медицинского учреждения; злоупотребление родительскими правами; жестокое обращение с детьми; хронический алкоголизм или наркоманию; а также совершение умышленного преступления против жизни и здоровья своего ребенка, другого родителя, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против другого члена семьи. Тем не менее, если вникнуть глубже, становится понятно, что самостоятельность данных оснований – не более чем видимость. Все основания так или иначе пересекаются, создавая ненужное повторение в законе.

Например, хронический алкоголизм как медицинский диагноз не представляет собой правонарушение, влекущее за собой санкции в рамках семейного права. Однако, как справедливо отмечает в своих исследованиях Н.С. Шерстнева, наличие данного рода заболевания становится фактором, имеющим непосредственное юридическое значение только тогда, когда оно влечет за собой социальную деградацию родителя и невозможность выполнения им своих родительских обязанностей [11]. Диагноз приобретает юридическое значение лишь в том контексте, если данное поведение приводит к тому, что родитель перестает заботиться о своем ребенке, не обеспечивает его надлежащее питание и лечение, а также зачастую создает прямую угрозу для жизни и здоровья ребенка.

Правовым основанием для лишения родительских прав в данной ситуации является следствие такого поведения – неисполнение

родителем своих обязанностей по воспитанию и содержанию [8]. Исходя из вышесказанного, данное положение о наличии заболевания (алкоголизма или наркомании) может заменяться более обширным суждением об уклонении от выполнения родительских обязанностей. Тем самым мы видим, что действующая формулировка избыточна и содержит дублирующие элементы.

Аналогичная логика применима и к следующему основанию – отказ забрать ребенка из родильного дома или иного медицинского учреждения, образовательной организации, организации социального обслуживания или аналогичных организаций. По своей правовой природе это пассивное поведение, выражающееся в большинстве случаев банальным бездействием родителя по отношению к своему ребенку, что представляет собой отсутствие заботы и нежелание как-либо исполнять свои прямые обязанности. По сути, такое поведение и есть то самое «уклонение от выполнения родительских обязанностей», о котором говорится в первом абзаце ст. 69 СК РФ. Разбивать норму закона на отдельные составы нет смысла: все сводится к одному – к отсутствию реального родительского попечения. Существующая формулировка оснований избыточна, она описывает множество сценариев одной и той же ситуации – социального сиротства при наличии живых родителей. Все это можно и необходимо свести к единому понятию: виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских прав и обязанностей. Это коррелирует с мнением правоведа Ю.Ф. Беспалова, который подчеркивал, что сущность ответственности родителей заключается именно в негативной оценке их поведения по отношению к ребенку, вне зависимости от того, в какой конкретной форме – действия или бездействия – оно выражается [6].

Особое внимание следует уделить такому основанию, как злоупотребление родительскими правами. На практике это основание лишения родительских прав вызывает наибольшее затруднение при квалификации, т. к. оно тесно связано с ненадлежащим воспитанием. Согласно п. 1 ст. 65 СК РФ, родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами ребенка [3]. Злоупотребление в данном случае выражается в использовании родителем его прав в ущерб интересам ребенка: например, в препятствовании в получении основного общего образования, в склонении к попрошайничеству или бродяжничеству, в вовлечении в преступную деятельность или в запрете на необходимое медицинское вмешательство. Однако, если глубже проанализировать данную норму, можно прийти к выводу, что использование прав во вред ребенку и является прямым нарушением обязанности воспитывать его и заботиться о его здоровье (ст. 63 СК РФ). Другими словами,

злоупотребление родительскими правами – это лишь очередная форма неисполнения обязательств.

Злостное уклонение от уплаты алиментов, которое законодатель также выделяет как отдельное основание, можно назвать экономическим аспектом неисполнения родительских функций. Обязанность родителя, согласно ст. 63 и 80 СК РФ, сама по себе включает в себя содержание ребенка [8]. Неуплата алиментов же не просто создание гражданско-правового обязательства, это отказ от исполнения обязанности по обеспечению жизнедеятельности и достойного существования несовершеннолетнего. Выделение этого аспекта в отдельный классифицирующий признак является избыточным, т. к. материальное обеспечение – неотъемлемая часть процесса воспитания и заботы.

Также можно проанализировать такое основание, как жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними или покушение на половую неприкосновенность. На первый взгляд, активные насильственные действия представляют собой прямую противоположность пассивному уклонению от исполнения родительских обязательств. Однако закон прямо запрещает причинять вред физическому или психическому здоровью детей, а также их нравственному развитию (п. 1 ст. 65 СК РФ). Следовательно, применение насилия является наиболее опасной формой ненадлежащего исполнения родительских обязанностей. Родитель должен защищать своего ребенка и заботиться о нем, но если ребенок подвергается насилию и жестокому обращению со стороны законных представителей, родитель нарушает предписанную ему законом модель поведения. Данный вывод приводит нас вновь к единому знаменателю виновного неисполнения обязанностей. Как отмечали исследователи, например Е.М. Ворожейкин: разграничение жестокого обращения и ненадлежащего воспитания зачастую носит условный характер, т. к. психическое насилие над ребенком (будь то унижение или оскорбление) является неотъемлемой частью деструктивного воспитательного процесса [7].

Объединение всех вышеуказанных оснований позволяет выделить единые признаки: наличие вины в поведении родителя и прямое противоречие интересам ребенка. В теории семейного права вопрос вины родителя является дискуссионным. Статья 69 СК РФ подразумевает виновное поведение, однако существуют ситуации (тяжелое стечение обстоятельств, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, но влияющее на волю и др.), когда грани вины размываются. Тем не менее для лишения родительских прав, в отличие от их ограничения (ст. 73 СК РФ), вина родителя является обязательным элементом для принятия того или иного решения судом.

Действия или бездействие, любое из перечисленных в норме закона, нарушает детско-родительскую связь.

В связи с этим законодателю следует сместить акцент с многозначительного перечисления конкретных проступков на формулирование общего правила: если родитель сознательно выбирает такое поведение, которое угрожает здоровью, психике или нравственному развитию, то лишение его родительских прав представляется уместным и целесообразным.

Анализ правоприменительной практики подтверждает теоретические выводы о единой природе оснований. Обращаясь к статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, можно заметить, что удовлетворяемость исков по делам о лишении родительских прав остается высокой, но мотивировочная часть решений редко базируется на одном основании. Изучение правоприменительной практики позволяет нам наблюдать устойчивую тенденцию к тому, что суды все чаще используют комплексный подход при рассмотрении дел по данной категории семейного права [5].

Обычная и типичная для большинства дел фабула представляет собой совокупность нарушений, где ответчик одновременно уклоняется от уплаты алиментов, не принимает участие в жизни своих детей, злоупотребляет спиртным. Прокурор и органы опеки и попечительства, обязательно участвующие в деле согласно ст. 70 СК РФ, в своих заключениях также ссылаются на общее представление при отстранении родителя от ребенка. Суд оценивает полную совокупность факторов, что доказывает размытость границ между основаниями в правоприменительной практике. Не отдельный проступок влечет за собой лишение родительских прав, а общий антисоциальный образ жизни родителя, обуславливающий невозможность выполнения родительских функций.

Позиция Верховного Суда РФ, выраженная в Постановлении Пленума от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка...», также призывает суды ориентироваться на широкое толкование понятия «уклонение от выполнения обязанностей». В п. 16 данного Постановления Верховный Суд разъясняет, что уклонение может выражаться в отсутствии заботы о нравственном и физическом развитии, обучении, подготовке к общественно полезному труду.

Фактически высшая судебная инстанция идет по пути, предложенному в данном исследовании: она рассматривает отдельные проступки (например, жестокое обращение с детьми и злоупотребление своими родительскими правами) как элементы единого целого – неисполнения обязанностей. Необходимо давать судам возможность

работать с новыми формами уклонения от родительских обязанностей, которые могут быть не описаны в законе. Если законодательно утвердить концепцию «единого основания», мы устраним существующую путаницу. Главным критерием будет не буквальное совпадение решений суда с основаниями, прописанными в законе, а то, насколько тяжелыми оказались последствия ненадлежащего поведения родителя для ребенка в случае избрания той или иной формы наказания: лишения или ограничения родительских прав.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости переосмысления сложной конструкции нормы ст. 69 Семейного Кодекса Российской Федерации. Установленный перечень оснований обусловлен историческим развитием советского и постсоветского законодательства. На современном этапе развития он является избыточным, создающим лишь видимость разнообразия при фактическом единстве основания. Если свести все к единой формулировке путем объединения разрозненных оснований виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, получится совместить все основания, что позволит сместить акцент правоприменителей с формальных требований на реальную защиту прав и законных интересов ребенка.

Это не только упростит работу судов, но и приведет российское законодательство в полное соответствие с Конвенцией о правах ребенка, которая обращает особое внимание на благополучие несовершеннолетнего.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.апипресс.рф/stats/gr/t/22/s/0> (дата обращения: 05.01.2026)
6. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. 2014. № 2 (206). С. 14–16.
7. Ворожейкин Е.М. Вина как субъективное основание ответственности в семейном праве // Советская юстиция. 1970. № 20. С. 14.

8. Нечаева А.М. Семейное право Российской Федерации: учебник. М.: Юрайт, 2019. 128 с.

9. Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Эмпирическая интерпретация в контексте соотношения частных и публичных интересов в семейном праве // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2024. № 6. С. 214–232.

10. Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному Кодексу Российской Федерации. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2011.

11. Шерстнева Н.С. Юридическая природа усыновления и его направленность на обеспечение приоритета семейного воспитания детей // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. С. 7–8.

Об авторе:

БЕЛЯЕВ Руслан Камоевич – ассистент кафедры гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Belyaev.RK@tversu.ru

A conceptual analysis of grounds for termination of parental rights: from multiple grounds to a single criterion for failure to fulfill responsibilities

R.K. Belyaev

Tver State University, Tver

This article analyzes the legal nature of the grounds for deprivation of parental rights enshrined in the Family Code of the Russian Federation. The author questions the traditional dogmatic approach, which assumes the autonomy of each ground, and substantiates the concept of a "single material basis." The study demonstrates that such offenses as malicious evasion of child support payments, child abuse, and chronic alcoholism are not independent legal facts, but rather various forms of culpable failure or improper performance of parental responsibilities.

Keywords: deprivation of parental rights, state, protection of minors' rights, parental rights, child interests.

About author:

BELYAEV Ruslan – assistant of the civil law department of the law faculty of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), e-mail: Belyaev.RK@tversu.ru

Беляев Р.К. Концептуальный анализ оснований лишения родительских прав: от множественности оснований к единому критерию неисполнения обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 227–233.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Позиционирование цифрового аватара личности в конституционном праве (на примере «цифрового супруга»): действительность и перспективы

А.В. Воронин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуется проблематика позиционирования цифрового аватара личности (на примере «цифрового супруга») с конституционно-правовых позиций. Используя формально-юридический, социологический, конституционно-герменевтический методы, автор на основе анализа данных социальной практики и положений действующего российского законодательства приходит к выводу о потенциальной недопустимости легализации брачных отношений между человеком и искусственным интеллектом, перспективности внедрения в оборот цифрового «друга семьи» как особого объекта права для укрепления института семьи и брака, не исключая возможность иного позиционирования с учетом специфики общественных отношений иной направленности.

Ключевые слова: *цифровой аватар личности, цифровой супруг, искусственный интеллект, брачно-семейные отношения, конституционное право.*

В условиях перманентного увеличения количества информации прослеживается тенденция к постепенной аугментации данных, приобретающей особую актуальность в контексте внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в повседневную человеческую жизнь. Адаптация человека к изменениям, обусловленным влиянием цифровизации, в свою очередь, предполагает появление в современном конституционно-правовом нарративе легальных форм партнерства между человеком и ИИ, а также различными версиями последнего, включая нейронную сеть. Как следствие на стыке цифрового права и конституционной инноватики формируется блок научных проблем, требующих не столько оперативного решения (поскольку, по нашему убеждению, их оперативное решение чревато наступлением последствий едва ли поддающихся своевременному и, главным образом, адекватному прогнозированию), сколько элементарного доктринального осмысления. В этой связи, сознавая принципиальную широту заявленной проблематики и ее потенциальную эвристическую неисчерпаемость, видится целесообразным уделить особое внимание изучению проблемы конституционно-правового позиционирования цифрового аватара личности, при этом «сузив» рамки исследования до сферы брачно-семейных отношений для предотвращения

формулирования пространных рассуждений, лишенных всякой конкретики.

Итак, согласно данным социологического опроса, опубликованным в сетевом издании «Газета.ру» в мае 2024 г., более 50 % опрошенных россиян в возрасте от 18 до 40 лет готовы в порядке двухдневного эксперимента вступить в романтические отношения с ИИ [7]. Годом позже информация о подобного рода практиках была обнародована одним из российских пользователей сети Интернет на портале «Vc.ru» [10]. Не меньшую популярность сценарии романтического взаимодействия человека с ИИ обретают в КНР [12]. Однако особый исследовательский интерес представляет опыт граждан США [5] и Японии [15], которые и вовсе приняли решение вступить в брак с продуктом технического прогресса.

Между тем ни одной правовой системе современности неизвестен субинститут брака с ИИ. Более того, в октябре 2025 г. конгрессмены законодательного собрания штата Огайо (США) впервые в мире выступили с законотворческой инициативой о запрете совершения такого рода конституционно значимого действия, как регистрация брачных отношений между человеком и искусственно-интеллектуальной сущностью [8]. В связи с этим для определения перспектив отнесения цифрового аватара личности (на примере цифрового супруга) к числу субъектов или объектов права представляется необходимым обращение к положениям Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), в наиболее общем виде регулирующим брачно-семейные отношения.

Конституция РФ в ст. 2 провозглашает человека высшей ценностью [1]. Указанное конституционное правоположение надлежит рассматривать в качестве фундаментального аксиолого-экзистенциального основания правового статуса личности в России. При этом решение многонационального российского народа, выразившееся в акте конституционного утверждения в 1993 г., о постановке человека в один ценностный ряд с его правами и, главным образом, свободами свидетельствует об интенциональном характере постулирования личностного суверенитета, который за прошедшие более чем 30 лет, безусловно, претерпел ряд субстанциональных преобразований (трансформаций).

Не вызывает сомнения тот факт, что человек базово конституционно уполномочен распоряжаться своей свободой на вступление в брак. Данный вывод следует из анализа содержания норм ст. 2, ст. 22 (ч. 1), ст. 23 (ч. 1), ст. 38 (ч. 1) Конституции РФ, истолковываемых в их системной взаимосвязи. При этом в обновленной версии конституционных правоположений ст. 72 (с учетом дополнения ее ч. 1 п. «ж¹») устанавливается безусловный приоритет защиты института семьи и брака. Вместе с тем закономерно возникает вопрос о

том, в связи с чем данный институт требуется именно защищать, а не охранять (с учетом известных сущностных различий употребляемых в конституционном тексте понятий). По нашему мнению, такое правотворческое решение продиктовано не только необходимостью противодействия исходящим из стран, признанных в законодательно установленном порядке недружественными, угрозам распространения нетрадиционных «ценностей» (включая «ценность» свободы однополых брачных отношений), но и вызовами цифровой эпохи. В этом смысле закономерным итогом конституционной модернизации 2020 г. явилось обнаружение искомого единства (прежде всего, единства идейного, которое сродни стремлению человека к жизни в обществе (государстве), вытекающему согласно мысли А.И. Овчинникова из подобию человека Богу [6, с. 92]).

Несмотря на то, что брак в конституционном понимании является союзом мужчины и женщины, а человек способен рассматривать ИИ в качестве «субъекта» противоположного пола (как, впрочем, и ИИ способен к гендерному самоопределению при отсутствии у него биологически детерминированных половых признаков), при интерпретации положений Конституции РФ необходимо исходить из стоящей перед современным российским государством, действующим в лице уполномоченных органов публичной власти, конституционно значимой цели сохранения традиционных семейных ценностей.

Согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) от 31.01.2014 г. № 1-П семья представляет собой ту ценность, которая наряду с материнством и отцовством гарантирует непрерывную смену поколений, выступает условием сохранения и развития многонационального народа России [4].

Соответственно с учетом того, что создание семьи надлежит рассматривать в качестве предпосылки цивилизационного самосохранения посредством общественного самовоспроизводства, цифровой аватар личности не может рассматриваться в качестве продуктивной альтернативы супругу-человеку, и интеграцию цифрового супруга в сферу брачно-семейных отношений следует квалифицировать в качестве акта антиконституционного правоупотребления.

Как подчеркивает В.И. Крусс, правовые инновации являют собой путь конституционно обусловленных размышлений о смыслах традиционных российских ценностей, возможностях их заботливого сохранения и сбалансированного преумножения в соотношении с ценностью неотчуждаемых непосредственно действующих прав и свобод человека [13, с. 40].

В то же время использование цифрового аватара личности в сфере брачно-семейных отношений, по нашему мнению, не может и не должно подлежать абсолютному ограничению. Важно принимать во внимание позицию Конституционного Суда РФ, которая изложена в его

постановлении от 16.06.2015 г. № 15-П и из существа которой следует, что любая семейная общность основывается на браке или родстве объединения лиц, связанных между собой личными и имущественными отношениями, правами и обязанностями, воспитанием детей, заботой о родителях, ведением общего хозяйства [3].

Хотя цифровой супруг, как видится, неспособен наращивать имущественную массу, на которую согласно общему правилу абз. 1 п. 1 ст. 33 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) распространяется законный режим имущества супругов [2], или материально поддерживать супруга-человека (п. 1 ст. 89 СК РФ), он, тем не менее, может оказывать супругу-человеку психологическую поддержку, искать информацию, необходимую, к примеру, для воспитания ребенка (что особенно актуально для родителей, воспитывающих детей в одиночку), а также реализовывать иные функции с учетом специфики личных неимущественных отношений супругов.

Вместе с тем при таком подходе, на наш взгляд, представляется корректным вести речь не о потенциальной допустимости конституционного признания цифровых супругов, а о перспективности создания государственного цифрового «друга семьи», который по усмотрению супругов (либо по воле овдовевшего супруга, а равно одинокого родителя) может использоваться в брачно-семейных (а равно родительских или иных) отношениях для достижения конституционно значимых целей, например, для обеспечения всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей (ч. 4 ст. 67¹ Конституции РФ).

Поскольку до настоящего момента официальное толкование приведенных выше конституционно-правовых положений отсутствует, перспективным, на наш взгляд, видится издание Конституционным Судом РФ акта их разъяснения с целью дифференцирования конституционно допустимых и недопустимых практик соответствующего партнерства.

Исходя из общего конституционного посыла о признании субъектом права именно человека и из объективной необходимости сохранения традиционных семейных ценностей, по нашему мнению, цифровых «друзей» надлежит расценивать в качестве объектов права, внедрение которых в оборот возможно на основе использования единого портала государственных и муниципальных услуг. Оснований же для утверждения субъектности ИИ (в частности, субъектности цифрового «друга семьи») не усматривается, поскольку, хотя он и «захватывает сознание людей по всему миру» [11, с. 65], технически сильный ИИ еще не разработан [14, с. 155], соответственно вести речь о субъектном номинировании ИИ преждевременно, хотя возможность его наделения правосубъектностью в перспективе не исключается [9, с. 48].

Резюмируя изложенное, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Создание семьи человеком и ИИ надлежит рассматривать как акт антиконституционного правоупотребления. В этой связи в отсутствие соответствующих разъяснений Конституционному Суду РФ на основе анализа положений Конституции РФ, образующих основу правового регулирования брачно-семейных отношений, следует дать их официальное толкование, указав на недопустимость создания такого союза.

2. Исходя из содержания традиционных ценностей, к числу которых относятся семейные, а также конституционно значимых целей, представляется релевантным внедрение в оборот цифрового «друга семьи», динамично выполняющего публично значимые функции по содействию укреплению института семьи и брака.

3. Цифровых «друзей» следует рассматривать в качестве особого объекта права в связи с отсутствием на текущий момент у ИИ необходимого для признания субъектом права потенциала. Между тем разрешение вопроса о позиционировании цифрового аватара личности должно осуществляться с учетом специфики его «участия» в общественных отношениях соответствующей направленности (трудовых, гражданских и др.).

4. Проведение дальнейших исследований заявленной проблематики видится перспективным в сравнительно-правовом (компаративистском) аспекте с учетом содержания нормативных конкретизаций конституционных правоположений в разных странах, принимая во внимание данные соответствующих социальных практик.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024 г., с изм. от 30.10.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2026).

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.01.2026).

5. Американка вышла замуж за чат-бота с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/13/25773380.shtml> (дата обращения: 29.12.2025).

6. Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А.И. Лопухина (1852–1904): монография / под ред. А.И. Овчинникова. М.: Проспект, 2020. 272 с.

7. Более 50 % россиян готовы к романтическим связям с ИИ [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/05/30/23132299.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 29.12.2025).

8. Впервые в мире хотят запретить браки между человеком и искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/tech/55463605/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 09.01.2026).

9. Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 132 с.

10. ИИ-семья, ИИ-жена, ИИ-муж, Цифровые свадьбы и виртуальные отношения: как ИИ переосмыслит любовь и отношения [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/ai/1968548-ii-semya-i-virtualnye-otnosheniya> (дата обращения: 08.01.2026).

11. Иоселиани А.Д. Настоящее и будущее искусственного интеллекта: социально-философский дискурс // Общество: философия, история, культура. 2025. № 5. С. 60–65.

12. Китайка начала встречаться с ChatGPT. Она даже познакомила чат-бота с мамой [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/27460-kitayanka-nachala-vstrechatsya-s-chatgpt-ona-poznakomila-vzломannogo-chat-bota-so-svoey-mamoy/> (дата обращения: 12.01.2026).

13. Красс В.И. Феномен аконституционной инновации как «вторичный иммунодефицит» социологии и политики права // Юридическая техника. 2021. № 15: Материалы XXII Международного научно практического форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 23–26 сентября 2020 года) / гл. ред. проф. В.М. Баранов. Нижний Новгород: Проспект, 2021. 764 с.

14. Осадчук Е.В. Об основных направлениях развития технологий искусственного интеллекта как инструмента научных исследований // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 147–157.

15. 32-летняя японка сыграла «свадьбу» с ИИ-персонажем из ChatGPT [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/966212/> (дата обращения: 14.01.2026).

Об авторе:

ВОРОНИН Алексей Витальевич – ассистент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 7688-4090, e-mail: Voronin.AV@tversu.ru

Positioning the digital avatar of personality in constitutional law (using the example of the «digital spouse»): reality and prospects

A.V. Voronin

Tver State University, Tver

This article examines the problem of positioning a person's digital avatar (using the example of a "digital spouse") from a constitutional and legal perspective. Using formal legal, sociological, and constitutional-hermeneutic methods, the author, based on an analysis of social practice and provisions of current Russian legislation, concludes that legalizing marital relations between humans and artificial intelligence is potentially unacceptable. The introduction of a digital "family friend" as a special legal object to strengthen the institution of family and marriage is promising, while not excluding the possibility of a different positioning, taking into account the specifics of social relations of a different nature.

Keywords: *person's digital avatar, digital spouse, artificial intelligence, family and marital relations, constitutional law.*

About author:

VORONIN Alexey – assistant of the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 7688-4090, e-mail: Voronin.AV@tversu.ru

Воронин А.В. Позиционирование цифрового аватара личности в конституционном праве (на примере «цифрового супруга»): действительность и перспективы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 234–240.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

**Криоконсервированный эмбрион
как объект общей совместной собственности:
проблемы распоряжения при отсутствии согласия
одного из потенциальных родителей**

П.П. Дроздов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются теоретические и практические аспекты правового регулирования права совместной собственности на криоконсервированный эмбрион, а также права распоряжения таким эмбрионом в условиях отсутствия согласия одного из потенциальных родителей. Особое внимание уделяется вопросу соотношения репродуктивных прав потенциальных родителей, принципа их равенства и публичных интересов государства в сфере охраны материнства, семьи и детства, а также необходимости закрепления критериев, позволяющих реализовать право на использование эмбриона при наличии исключительных обстоятельств.

***Ключевые слова:** договор хранения эмбрионов, вспомогательные репродуктивные технологии, потенциальные родители, распоряжение эмбрионом, право собственности на эмбрион.*

В связи с быстрым развитием современных вспомогательных репродуктивных технологий особое место в сфере оказания медицинских услуг занимает хранение эмбрионов. В частности, потенциальные родители, обращаясь в медицинскую организацию, подписывают согласие на оказание им медицинских услуг, после чего происходит отбор и соединение в эмбрион их генетического материала, который в последующем криоконсервируется и хранится до востребования. Однако зачастую между этим этапом и моментом, когда потенциальные родители решаются реализовать свое репродуктивное право и имплантировать этот эмбрион, могут пройти годы, за которые в жизни субъектов этих правоотношений вполне способны произойти различные события. Супруги могут расторгнуть брак, один из супругов может скончаться, кто-то из потенциальных родителей может стать бесплодным, либо не желать более продолжать процедуру хранения.

Стоит отметить, что в науке не сформировалось единого мнения относительно того, является ли криоконсервированный эмбрион субъектом или объектом права. При этом, учитывая сложность определения его правового статуса и многоаспектность правовой природы, следует развить позицию, которой придерживаются Н.В. Аполинская [6, с. 10] и А.Н. Лысенко [9, с. 13], относя «эмбрионы к новым, непоименованным объектам прав, указывая при этом признаки

уже имеющихся в законе, соотнося его с родовыми признаками имущества в той части, в которой их правовое регулирование может совпадать».

Тем самым, можно подчеркнуть, что, если эмбрион является непоименованным объектом права с особым правовым статусом, на который одновременно распространяются признаки иного имущества, имущественных прав и нематериального блага, то и отношения, связанные с правом собственности, являются применимыми.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что эмбрион как объект хранения и права собственности можно обязать выдать, передать из одной медицинской организации в другую, передать его в собственность медицинской организации. Такой вывод подтверждается и судебной практикой, в частности, Определением СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08 февраля 2023 г. по делу № 8Г-38112/2022 оставлены без изменения судебные акты первой и апелляционной инстанции, в соответствии с которыми медицинской организации были переданы в собственность эмбрионы по истечении срока их хранения, поскольку они остались не востребованными у потенциальных родителей. Такая возможность предусматривалась подписанным супругами согласием на оказание медицинской услуги [11].

Однако в таком случае представляется логичным вопрос: кто является собственником эмбриона, находится ли он в общей совместной или долевой собственности партнеров, чей генетический материал использовался для его создания? А если эмбрион находится в их общей совместной или долевой собственности, то может ли один из потенциальных родителей продать свою долю в праве на эмбрион? Как в таком случае оценивать стоимость и иные характеристики такой доли в праве на эмбрион? Достаточно ли желания одного из потенциальных родителей реализовать свое право для предоставления преимущественного права перед другим родителем?

Стоит отметить, что с биологической и генетической точки зрения эмбрион представляет из себя организм, являющийся совокупностью генетического материала двух лиц. Следовательно, если не брать в расчет рождение ребенка с использованием донорского материала, что в соответствии с п. 4 ст. 51 СК РФ [3], а также п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей" [10] не влечет установления родительских прав и обязанностей между донором и ребенком, эмбрион принадлежит обоим потенциальным родителям на праве общей собственности в равных долях. Такой позиции придерживается и Ю.Ф. Дружинина [7, с. 132].

В то же время если поднимать вопрос о том, какой именно вид общей собственности распространяется на эмбрион, то стоит отметить, что с точки зрения генетики и биологии эмбрион принадлежит в равных долях обоим родителям, ведь является соединением их клеток. Однако говорить о возникновении именно долевого собственности не вполне верно. Соответствующий подход в теории гражданского права предполагает возможность выделения в натуре доли в праве общей собственности в соответствии со ст. 252 ГК РФ [2], однако для эмбриона он применим быть не может, поскольку эмбрион является фактически неделимым, ведь в ином случае он потеряет свои полезные свойства и погибнет, что подразумевает и невозможность продажи такой доли, предполагаемой оценки ее стоимости, ведь иное противоречит как семейному законодательству, предполагающему установление родительских правоотношений после рождения такого ребенка, так и здравому смыслу. Следовательно, распоряжение долей в праве собственности на эмбрион является невозможным.

При этом наиболее верным было бы определение такой собственности как совместной. В пользу такой позиции говорит и положение, предусмотренное п. 1 ст. 34 СК РФ, согласно которому имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Тем самым подразумевается, что, если за оказанием услуги по созданию и криоконсервации с последующим хранением эмбриона обращаются супруги, то такой эмбрион является их общим имуществом. Другой же вопрос, если за соответствующей услугой обращаются лица, не состоящие между собой в зарегистрированном браке. Именно по этой причине и предусматривается подписание информированного добровольного согласия на оказание соответствующей медицинской услуги при обращении в медицинскую организацию обоими родителями, которое позволяет идентифицировать, кто именно приходится родителями и собственниками этого эмбриона, который после имплантации в тело женщины и рождения станет ребенком и субъектом права.

Однако все становится сложнее, если кто-то из таких родителей меняет свою позицию о дальнейшей судьбе эмбриона, например, хочет его утилизировать. Но в это же время для другого этот эмбрион в силу медицинских показаний может быть единственным шансом реализовать свое репродуктивное право, и он твердо намерен имплантировать этот эмбрион. В таком случае возникает неразрешимая дилемма: чье право собственности на такой эмбрион будет иметь приоритет?

С одной стороны, позиция каждого из родителей представляется вполне логичной. Например, после расторжения брака бывший муж не хочет, чтобы его бывшая супруга имплантировала себе замороженный эмбрион, опасаясь, что после рождения ребенка, который уже не является для него желанным, на него будут распространяться все права

и обязанности отца этого ребенка, в том числе по его содержанию и выплате алиментов. При этом в отличие от стандартной ситуации, когда потенциальный родитель при зачатии ребенка естественным образом предполагает его рождение в ближайшей перспективе, осознает все последствия такого решения, то в случае криоконсервации эмбриона между процедурой заморозки и имплантации эмбриона могут пройти годы. В таком случае потенциальный родитель уже может не желать рождения ребенка и даже забыть о факте обращения в медицинскую организацию за оказанием соответствующей услуги. В то же время п. 3 ст. 52 СК РФ презюмирует, что супруг, давший в порядке, установленном законом, согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства, что фактически при рассмотрении соответствующего спора будет означать презумпцию отцовства, так как супруг при обращении в медицинскую организацию для создания и криоконсервации эмбриона дал такое согласие. Тем самым, если в таком согласии не будет предусмотрен запрет на имплантацию эмбриона после расторжения брака, то право женщины быть матерью будет иметь преимущество перед правом отца, как одного из собственников эмбриона, на его утилизацию.

С другой стороны, системное толкование ч. 1 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] и Приказа Минздрава № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [5] предполагает, что вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия. Более того, законом устанавливается, что обращаться за оказанием соответствующих услуг может как женщина, не состоящая в браке, но имеющая партнера, так и одинокая женщина. Тем самым, как справедливо отмечает М.С. Иванова, право быть матерью гарантируется, поддерживается и стимулируется государством, причем независимо от семейного статуса [8, с. 69]. Данный факт ярко свидетельствует о наличии публичного интереса в данных правоотношениях оказать поддержку, укрепить и защитить семьи, сохранить семейные ценности и обеспечить условия для реализации семейных функций.

При этом как в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ [1], так и в п. 2 ст. 31 СК РФ предполагается, что регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципом равенства супругов в семье. Права обоих потенциальных родителей являются в таком случае равными и безусловными и подлежат ограничению лишь при нарушении прав другого лица. Однако такое ограничение фактически в равной степени нарушает права обоих потенциальных родителей: право

стать родителем и право собственности на эмбрион (правомочие по распоряжению им путем утилизации).

К аналогичному выводу пришел и Ростовский областной суд в своем определении по делу № 33-7002/2022, оставив без изменения судебные акты первой и апелляционной инстанции, которыми было отказано в предоставлении единоличного права собственности на созданный эмбрион и разрешения на его имплантацию без дополнительного согласия партнера, указав, что женщина не может воспользоваться правом на имплантацию эмбриона при отсутствии согласия другого потенциального родителя, который не лишен права на отзыв согласия на оказание медицинской услуги вплоть до момента, пока эмбрион не будет имплантирован в тело женщины [12].

В таком случае необходимо применение критериев, при наличии которых могло бы быть преодолено равенство правомочий у таких потенциальных родителей, например, наличие исключительных обстоятельств в виде отсутствия иной возможности стать родителем вследствие наступившего бесплодия. Ведь в ином случае нарушение прав такого человека является безвозвратным и невосстановимым, поскольку реализовать свое право стать родителем он уже не способен, что может привести к куда более серьезным психологическим последствиям для такого человека, чем материальная составляющая в виде предполагаемой уплаты алиментов другим потенциальным родителем, которой он может опасаться. Для этого следует внести изменения в ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», дополнив ее новой частью о праве одного из потенциальных родителей на имплантацию эмбриона при наличии исключительного обстоятельства в виде бесплодия этого родителя даже при отсутствии согласия партнера.

Еще одним критерием могло бы стать наличие в информированном добровольном согласии на оказание медицинской услуги по криоконсервации и хранению эмбриона пункта, где потенциальные родители могли бы указать, на какой срок выдается соответствующее согласие, как может быть выражена воля каждого из них на распоряжение эмбрионом, например, что эмбрион может быть утилизирован при наличии согласия одного из них.

Такой позиции придерживается и судебная практика. В частности, Апелляционным определением Московского городского суда от 24 марта 2015 г. по делу № 33-9401/15 решение суда первой инстанции, которым отказано истцу в требовании о расторжении договора об оказании услуг по хранению эмбриона, оставлено без изменения. Как следует из материалов дела, супруги обратились в медицинскую организацию для оказания услуг ЭКО, одной из процедур которого являлось хранение эмбриона. Впоследствии брак между ними был

расторгнут, а истец направил в клинику требование о расторжении договора оказания медицинских услуг, мотивируя это тем фактом, что существенно изменились обстоятельства, из которых стороны исходили при заключении спорного договора. Однако клиника в расторжении договора отказала, поскольку в согласии на оказание медицинских услуг потенциальные родители указали, что «судьба эмбрионов в случае расторжения брака определяется супругой», а, исходя из содержания указанного согласия, стороны имели возможность выбрать иные условия, касающиеся судьбы эмбрионов, например, «эмбрионы должны быть уничтожены» [13].

В то же время представляется, что такое согласие может быть отозвано лишь во время процедуры хранения эмбриона, поскольку судьба эмбриона, находящегося на хранении в медицинской организации, определяется лицом, указанным в документах, подписываемых лицами, обратившимися за оказанием медицинской помощи. После его имплантации правовая связь с лицом, отозвавшим свое согласие, может быть установлена только при наличии волеизъявления матери ребенка. Иное понимание противоречит стабильности семейно-правовых отношений, поскольку, например, ст. 17 СК РФ ограничивается право мужа без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка. Соответствующая корреляция вносит стабильность в семейно-правовые отношения и служит публичным интересам по охране материнства и интересов будущего ребенка.

Таким образом, отсутствие единообразного подхода к определению правовой природы эмбриона, а также формальное равенство прав потенциальных родителей в условиях конфликта интересов при определении судьбы криоконсервированного эмбриона не позволяют обеспечить справедливый баланс между частными и публичными интересами. Предполагаем, что для преодоления неразрешимой ситуации о праве имплантировать замороженный эмбрион по воле только одного из родителей в информированном добровольном согласии на оказание медицинских услуг необходимо обязательно предусмотреть, каким образом определяется судьба эмбриона в случае расторжения брака, смерти потенциального родителя, либо наступления иных конфликтных обстоятельств, которые могут повлиять на неопределенность судьбы эмбриона. При этом в статью 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» следует внести изменения, дополнив ее частью 5.1, изложив ее в следующей редакции: «Использование криоконсервированного эмбриона допускается при наличии воли только одного из потенциальных родителей (в том числе при отсутствии согласия другого родителя на выполнение такой процедуры) при наличии медицинских показаний, препятствующих

реализации репродуктивных прав иным способом (бесплодия), а также прямого указания на такое право в подписываемом потенциальными родителями информированном добровольном согласии на оказание медицинских услуг при обращении в медицинскую организацию для криоконсервации и хранения эмбриона», что будет отвечать как частным интересам данного субъекта правоотношений, так и публичным интересам государства, направленным на защиту семьи и детства, а также улучшение демографической ситуации в стране.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями на 04.10.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Аполинская Н.В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 173 с.
7. Дружинина Ю.Ф. Правовой режим эмбриона *in vitro* // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 129–139.
8. Иванова М.С. Права матери на эмбрион при расторжении брака // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 64–72.
9. Лысенко А.Н. Понятие и виды имущества в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 233 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2023 г. по делу № 8Г-38112/2022 // СПС «Гарант».
12. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 27.04.2022 г. по делу № 33-7002/2022 // СПС «Гарант».
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.03.2015 г. по делу № 33-9401/15 // СПС «Гарант».

Об авторе:

ДРОЗДОВ Павел Павлович – аспирант первого года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), email: pdrozdov-sts@mail.ru

**A cryopreserved embryo as an object of common joint ownership:
disposal problems in the absence of the consent
of one of the potential parents**

P.P. Drozdov

Tver State University, Tver

The article analyzes the theoretical and practical aspects of the legal regulation of the right of joint ownership of a cryopreserved embryo, as well as the right to dispose of such an embryo in the absence of the consent of one of the potential parents. Particular attention is paid to the question of the relationship between the reproductive rights of potential parents, the principle of their equality and public interests of the state in the sphere of motherhood, family and childhood protection, as well as the need to establish criteria that allow the right to use an embryo in exceptional circumstances.

Keywords: *embryo storage contract, auxiliary reproductive technologies, potential parents, disposal of the embryo, ownership of the embryo.*

About author:

DROZDOV Pavel – a first-year graduate student in the Faculty of Law at Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), email: pdrozdov-sts@mail.ru

Дроздов П.П. Криоконсервированный эмбрион как объект общей совместной собственности: проблемы распоряжения при отсутствии согласия одного из потенциальных родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 241–248.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 1 (85), 2026

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 16.02.2026. Выход в свет 20.02.2026.

Формат 70 x 108^{1/16}. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,79.

Тираж 500 экз. Заказ № 29.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. Цена свободная.